

ЭЛЕОНОРА КРЕМЕНСКАЯ

ПЬЯНАЯ РОССИЯ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Элеонора Кременская
Пьяная Россия. Том первый

«Издательские решения»

2015

Кременская Э. А.

Пьяная Россия. Том первый / Э. А. Кременская — «Издательские решения», 2015

Эта книга – попытка дать широкому кругу читателей универсальный путеводитель по загадочному миру русской души. Не забудьте взять с собой в дорогу чувство юмора и снисходительность – тогда путешествие в мире пьяной России окажется весьма удачным. А герои некоторых рассказов покажутся Вам похожими на кого-то из родных, друзей, соседей, коллег по работе, но, право же, сходство это совершенно случайно!

Содержание

Деревенский переполох	6
Лунатик	8
Один день...	10
Миролюбец	13
Русский вопрос	16
Алкоголик – человек не разумный	20
Подруги	22
Бродяга	26
Чиновник	29
Конец света	33
Изгой	37
Дневник дурачка	39
Баянист	43
Новый год	45
Фея	49
Как сходят с ума в России?	52
Петровна	55
Черт	57
Письмо	60
Немытики	62
Служанка	65
Параллельный мир	67
Леха-трактор	70
Пустотень	72
Возвращаясь...	74
Супруги	78
Мир без ангелов	80
Убивец	86
Этакая	91
Скетчи	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Пьяная Россия

Том первый

Элеонора Александровна Кременская

© Элеонора Александровна Кременская, 2015

© Борис Юрьевич Кригер, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Деревенский переполох

Одно время в деревеньке под названием «Кержаки», что неподалеку от деревни «Килянка» Томской области произошла такая история.

Старая, как жизнь старушка Октябрина Петровна вышедши рано утром в огород и обозревая бесконечные гряды картофельных радостей, увидела зайца. Это только в сказках зайчик хорошенький да пушистенький, а в жизни не то. Заяц – это зверь длиною в метр. Ну, а старушка Октябрина Петровна и сама-то была ростом с зайца, не больше. От ужаса встречи с таким большим животным она попятилась-попятилась, нырнула в двери своего дома и оттуда заголосила так, что перебудила и подняла на ноги всех своих соседей.

Первой прибежала Революция Ивановна. Их, рожденных в двадцатые годы, опаленного гражданской войной двадцатого века так прозвали родители. Тогда было высшим шиком назвать свое чадо в честь свершившегося события освобождения простого народа от дворянства да купечества. Одну бабульку у них на деревне называли Победой Степановной. И в паспортах черным по белому были записаны их имена. Особо неверующим внукам и правнукам бабульки показывали свои документы, сердито поджимая губы и строптиво хмыкая, ну и что же такого? А зато почти ни у кого в целой России подобных имен и не сыщешь. Долгое время на деревне жил Ленин Васильевич Петров, потом умер, похоронили на деревенском кладбище и надпись на памятнике написали, все как положено. Вон на кладбище, аккуратно под старой березой он и лежит...

Ну, так вот, Революция Ивановна очень переживала за Октябрину Петровну. Они были подругами и вскоре вышли в огород вместе, вооруженные граблями и лопатами. Заяц по-прежнему был на огороде. Да не просто был, а лежал между грядами.

Бабульки остолбенели. Потом зашумели, запшикали. Заяц ни с места. Задние ноги вытянул, раскинулся, голову с длинными ушами на бугорок земли положил, устроился, в общем. Взгляд укоризненный, чего, мол, пристали, в глазах сонная лень и полное презрение к бабкам.

Феликс Федорович, прозванный так родителями в честь Дзержинского дошаркал до Октябрины Петровны вторым, все-таки девяносто лет. Он высказал предположение, что заяц раненный и припелся на огород умирать, а потому ему все равно, вот он и лежит, но подойти, проверить, прав или нет, отказался, мотивируя тем, что заяц большой и сильный зверь, а ну как лапой двинет и все, каюк, много ли ему, деду надо? А помереть такую смертью, от лап зайца, он как-то не хотел...

Скоро на огороде у Октябрины Петровны собралась вся деревня, еще пять человек.

Самый молодой и сообразительный, дед Иосиф, восьмидесяти лет, прозванный родителями в честь Сталина, решил-таки подойти к зайцу. Наверное, имя его знаменитого тезки, насколько известно, человека волевого, оказало воздействие. Дед Иосиф подошел к зайцу и тут же почуял тяжелый запах перегара, будто в огороде лежал не заяц, а пьяный мужик.

Деревенские сразу и догадались в чем тут дело. На окраине деревни, почти на отшибе, купил старую избу странный человек. Он называл себя свободным художником. Не то что дом, но даже старый забор и единственных два фонарных столба на всю деревню, светивших изредка тусклыми лампочками, он разрисовал во все цвета радуги, а уж что у него дома творилось, деревенские даже предположить боялись.

Достаточно дикий для деревенских людей человек, художник этот часто напивался и валялся во дворе. Многочисленные куры ходили тогда у него по спине. Большой черный петух, пошатываясь, валился рядом с хозяином, художник его спаивал. Устраивался рядышком и угрюмый бородатый козел, тоже любитель выпивки. А пес, страстный поклонник портвейна, долго кружился, опьянев, по двору, пытаясь поймать собственный хвост и валился, уже обессиленный, мертвым спать до утра. Как видно и зайца он приучил пить вино.

Одним словом, все жители, сколько их ни было, отправились выяснять отношения с художником. Он обрадовался такому количеству гостей, широко повел рукой, пожалуйста, дорогие мои революционеры, проходите.

Революционеры прошли и остановились, пораженно озираясь. И было чему удивляться.

Под потолком висела диковинная люстра утыканная большими белыми стеариновыми свечами, привычные лампочки вовсе отсутствовали. Старинная керосиновая лампа стояла на обширном дубовом столе. Рядом на жестяном подносе ждал своего часа большой угольный самовар. Художник, по всему виду, был поклонником старины.

Изба состояла всего из одной комнаты. Много места в ней занимала печь, очень белая, с полатями наверху. Одна стена у этой комнаты была вымазана художником в сиреневый цвет и повсюду, нарисованные, расцвели крупные белые ромашки. Другая стена, покрашенная в ярко-голубой цвет, сияла желтыми купальницами. Третья стена – зеленая, так и бросалась в глаза ярко-желтыми тюльпанами. Четвертая, сплошняком черная и с крупными головами насыщенно-красных роз вообще надолго лишила деревенских дара речи. Но все же, кое-как, справившись с изумлением, старички в красках поведали художнику о зайце. На что тот среагировал немедленно:

– Ах, Федька! – взревел он. – Пропащая душа, любит гад, напиться да уйти куда-нибудь шляться!

Зайца он забрал и пока шел по дороге к своей разрисованной избушке все укорял его, непутевого. Заяц покорно слушал, безвольно повиснув у него на руках, изредка только косил пьяным глазом по сторонам, а потом и вовсе заснул, положив морду на плечо художника.

Деревенские старики только рукой махнули, чего с пьяных возьмешь, какой с них спрос, а?..

Лунатик

После развода, когда жена взяв девичью фамилию и все имущество укрылась от него и от его пристрастия к пивному алкоголизму с двумя детьми в другом городе в квартире у своей матери, с Витькой Соломиным что-то случилось...

Частенько он принялся разговаривать во сне, махал руками и ногами, сбивая простыни и подушки на пол, но в довершение всех бед Витька стал лунатить.

И охранникам круглосуточного магазина расположившегося как раз по соседству с витькиным домом, что по Московскому проспекту одного дальневосточного города, пришлось не сладко. Почему-то целью для своих ночных походов Витька избрал именно этот гипермаркет, хотя днем он туда даже не совался, предпочитая то немногое, что ему было нужно для еды, покупать на рынке. Он считал, что так дешевле да и продукты не успевают испортиться. В гипермаркете же полно отравленных продуктов и бывал он там только раз во время недавнего открытия да и то купил лишь банку с пивом.

Тем не менее еженощно, около трех часов ночи он, выростал на пороге гипермаркета в одних трусах и в майке. Независимо от погодных условий, независимо от всяких условий Витька проходил через весь торговый зал с закрытыми глазами к холодильнику с пивом, открывал дверцу, брал банку и норовил пройти через кассу, не заплатив. Охранники не без труда банку отнимали и выпроваживали Витьку на улицу, где он постояв-постояв возвращался обратно и так без конца, пока кто-то не догадывался всунуть ему в руку уже пустую банку.

Днем его подлавливали и пытались с ним разговаривать, но Витька только пожимал плечами и не соглашался с доводами о лечении.

У дирекции гипермаркета шла кругом голова, охранники увольнялись один за другим, настырный лунатизм Витьки им действовал на нервы и тут в магазин устроился на полставки некий юноша из продвинутой молодежи. Он весело посмеялся на проблемы, одолевавшие сотрудников магазина и предложил вполне современный выход из ситуации. Идея всем показалась интересной.

Ночные походы Витьки стали снимать на видео, а ролики выкладывать в интернет. На лунатике принялись ставить опыты, передвигали холодильник в дальний угол магазина и с интересом глядели, что же будет. Витька их ожидания оправдывал, шел, хватая воздух руками, щупал протянутой вперед ладонью наподобие экстрасенса и находил холодильник с пивом, куда бы его ни передвинули.

Лунатизм Витьки превратил доходы гипермаркета в золотой дождь. Отовсюду стали приезжать любопытные. Витька лунатил и не просыпался от вспышек фотокамер. Его сопровождали, шушукались за спиной, смеялись и снимали постоянно. За него платили и просыпаясь в своей постели Витька не без удивления рассматривал полные банки с пивом, которые он крепко сжимал в обеих руках.

На Витьке ставили эксперименты, вместо пива ставили в тот же холодильник, банки с колой или с лимонадом, но он их не брал, каким-то шестым чувством догадываясь о подмене, а искал именно пиво.

Похождения лунатика приобрели мировую известность, стали наезжать иностранцы.

Просыпаясь, Витька удивленно видел, как на огромных тополях, что росли неподалеку от дома, словно виноградные гроздья висят люди и фотографируют, как он курит или ест. Витька шел на работу и за ним шли толпы зевак. Если Витька разворачивался и бросался на них, люди, как дети разбегались от него в разные стороны и жадно фотографировали, будто он сделал диковинный поступок. И вообще, Витька чувствовал себя именно диковиной.

Наконец, лунатик взбесился. Взял отпуск, закрыл квартиру на ключ и укатил в другой город, к своей бывшей жене и к двум детям, без которых он, как получается, не мог жить. Они помирились и лунатизм Витьки закончился сразу, как и не бывал.

Супермаркет, конечно же, лишился дикого наплыва покупателей, но все-таки остался местной достопримечательностью и вписался в городские легенды, навсегда поселившись в сердцах горожан некоей памяткой.

Ну, а Витька Соломин продолжил свою жизнь уже в другом городе и никто из тамошних жителей, глядя на его веселое и живое лицо, не смог бы сказать, что он лунатил и был причиной большого переполоха, а главное стал героем городской легенды.

Один день...

Сухие листья шуршали, переворачивались осенним ветром, и ему казалось – это крадутся призраки куда-то к своим целям.

Он и сам планировал скоро стать призраком. Во всяком случае, веревка была уже наготове, оставалось только найти сук покрепче.

Ему едва исполнилось четырнадцать. Как и большинство подростков, он не любил своей внешности. Никогда не смотрелся в зеркало и одевался в школу вслепую. Да, он знал, что еще нет определенности в его физиономии, уши казались ему очень большими, нос слишком длинным, а глаза чересчур маленькими. Он не любил своего имени и никогда не откликнулся, сколько бы его ни звали. Ему нравилось имя Роберт, и он мечтал о паспорте, который выдавали в шестнадцать лет, мечтал сменить имя. Сам себя он так и называл Роберт, и, уважая его мечту, мы тоже будем его так называть.

С родителями он был неискренен и как все неискренние люди, желающие убедить собеседника в своей правдивости, конечно же, перегибал палку и был отвратителен самому себе в этом стремлении.

Родители его не понимали, часто с ним ругались и как будто говорили на непонятном для него языке. Они требовали от него отличных оценок, а он не мог им в этом помочь и самостоятельно исправлял плохие оценки в дневнике на более-менее хорошие. Классная руководительница его постоянно засекала и ставила неудовлетворительно за поведение, а потом вызывала родителей в школу.

Роберт не понимал учебы, он не хотел постигать алгебру и геометрию, засыпал на уроках истории, и только одно привлекало его во всей школьной программе – уроки литературы. Читал он много и всегда прочитывал все книги, что написал тот или иной автор, ну или почти все. Ему была не интересна биография писателей, а только текст, который отличался друг от друга, но все-таки старая классическая школа была заметна.

Роберт и сам пописывал, тетради с записями он прятал, но мать, как-то все равно нашла. Вслух она читала на кухне тайные мысли сына, а отец слушал и смеялся. Вот тогда Роберт взял веревку из кладовки и ушел из дома...

День, как назло выдался свежим и ясным. Солнце ярко сверкало. Сквозь пожелтевшую листву солнечные лучи проникали повсюду, лезли в глаза и прыгали неутомимыми зайчиками по засыпающему на зиму парку.

Уже было холодно и руки зябли без перчаток. Роберт упорно шел со своей веревкой, пробираясь вглубь парка, где нет народа. Потому что солнце хоть и холодное притянуло в парк множество гуляющих. То тут, то там звучал счастливый смех и Роберт все время передергивал плечами, дергался он от негодования, он шел на смерть, а они смеются...

Наконец, он нашел то, что искал. Старое ветвистое дерево, на которое можно было легко взобраться, чтобы соорудить для себя виселицу. Ни о чем не думая, а желая только одного, Роберт поскорее забрался наверх и принялся привязывать веревку. Но только он спустил пониже петлю, как появился пьяный мужик. Глядя на него, никогда нельзя было бы подумать, что он пьян, есть такие люди и пока они сидят или стоят, не разберешь, адекватный человек или как? И вот этот-то был, как раз из таковых... Постояв, он глубокомысленно рассмотрел березу, на которую ему пришлось опереться, при этом какое-то время он выглядел вполне трезвым, но вот сделал шаг, другой и, потеряв равновесие, неловко взмахнул руками, выправился и снова шагнул, пока опять его не перекосило на сторону. Он вновь принужден был искать точку опоры.

Роберт в отчаянии глядел на него сверху, сидя на дереве. Пьяный обладал приятными чертами лица, но выглядел очень бледным. Взгляд у него был твердый и открытый. Волосы

на голове седые. Его костюм, изящный, черный, из дорогого материала с белой рубашкой был фатовато расстегнут, ворот распахнут, открывая смуглую шею. Наверное, шел из ресторана.

Увидав веревочную петлю, пьяный немедленно кивнул, улыбнулся, заговорщицки сам себе подмигнул и взобрался на пень, облюбованный уже Робертом, надел петлю на шею.

Роберт вскрикнул, пьяный задрал голову вверх, чтобы посмотреть, кто кричал, потерял равновесие, взмахнул руками и упал с пня. Миг, привязанная веревка натянулась и пьяница захрипел в петле. Роберт задрожал, лихорадочно попытался развязать узел на ветке, но как назло не смог, пальцы затряслись от внезапно охватившей слабости. Между тем, пьяница дергался и старался достать ногами до земли или хоть до пня, но этого ему не удавалось. Еще мгновение и он задохнется, понял Роберт. В кармане лежал перочинный ножичек, мальчишка выхватил его и принялся пилить толстую веревку. Наконец, узел на ветке ослаб и пьяница рухнул на землю, задыхаясь, плача и громко проклиная все на свете.

Роберт торопливо спустился к нему. Трясущимися руками сдернул с шеи петлю и как змею отбросил с отвращением в сторону. Пьяный хоть и не протрезвел, но все же осмысленно поблагодарил за спасение и вцепился в плечо мальчика. По его мычанию и стонам стало понятно, что тут неподалеку от парка стоит автомобиль, так вот нужна помощь, надо бы проводить.

Роберт выразил готовность и через минуту уже погибал под тяжелым телом пьяного мужика.

Автомобиль с открытыми настежь дверьми, действительно, стоял возле парка. Роберт усадил пострадавшего на заднее сиденье и принялся оглядываться в поисках водителя. Но никого вокруг не было. Только чирикали в осенней листве маленькие птички, перепархивая с ветки на ветку и разглядывая их любопытными глазенками.

Пьяница мычал что-то невразумительное и тер себе шею, красная полоса от веревки хорошо была заметна. Отпечаток остался может даже на всю жизнь, Роберта передернуло от ужаса. А ведь такая полоса могла вздуться и у него на шее, не подоспей этот пьяница вовремя и еще не факт, что ему, Роберту удалось бы умереть, а не оборваться, как оборвался, задыхаясь, несчастный незнакомец.

Прошло время, никто не появлялся. Роберт вспомнил, что немного умел водить машину, как-то с мальчишками на пустыре тренировались на старом «запорожце». Если попробовать, может и сможет доставить пострадавшего до больницы или до дома.

После безуспешных попыток выяснить информацию у пьяницы, Роберт решился. Не так далеко, за два квартала был травмопункт, где могли мужику оказать первую помощь, авось, как-нибудь...

Он захлопнул задние дверцы автомобиля, залез на сиденье водителя и, вспоминая, куда, что нажимать, нажал. Автомобиль рванул с места, резво помчался. Роберт лихорадочно вцепился в руль.

Русские дороги не предназначены для такой езды. Пьяница на заднем сидении что-то сообразил и крепко обхватил голову руками в попытке спасти череп, которому так и грозила участь расшибиться вдребезги о крышу автомобиля, когда в очередной раз машина подскакивала на выбоине. Ноги выписывали кренделя. В передышке, пока машина не подскакивала, он кричал, требуя остановить автомобиль и дать выйти. Но увлеченный водитель ничего не слышал, а ехал, явно не зная, как остановить транспорт.

Наконец, протрезвевший со страху, пьяница дотянулся до Роберта, переключил скорости и велел нажать на педаль тормоза.

Долго, после в изумлении глядел на неудачливого водителя. А Роберт смотрел на него в зеркало заднего вида. В спутанных мыслях у него, конечно же, проносились мысли о побеге, но он почему-то не мог себе этого позволить, а все сидел и сидел на водительском кресле.

Наконец, пьяный смог говорить. Он спросил, кто такой его неожиданный спутник и Роберт впервые назвал свое выдуманное имя вслух, а не назвал другое, ненавистное ему и настоящее. Потом пьяный вспомнил о петле и потер себе шею. После недолгого размышления он связал воедино оба обстоятельства и петлю, и бешеную поездку, и задал Роберту вполне естественный вопрос, зачем тот попытался его убить?! Роберт не смог врать, как наврал бы раньше по привычке врать, а только взял да и рассказал незнакомцу все, как было. Мужик задумался и рассмеялся.

Оказалось, он скучал везде и повсюду. Ему не хватало острых ощущений, и даже пьянство не могло спасти от всепоглощающей беспросветной тоски. И, если бы у него появилась возможность покинуть Союз и оказаться, скажем, в Нью-Йорке, он бы и там скучал, не обращая никакого внимания на многочисленные толпы, населяющие этот город. Безнадега томилась внутри самой его сути и с этим он ничего поделать не мог. Но Роберт спас его от скуки.

Пьяный весело взглянул мальчику в лицо. Роберт обернулся к нему с водительского кресла. Солнце заблестало в его глазах, и Роберт улыбнулся в ответ. Жизнь была так хороша, так прекрасна, что все помышления о смерти и о скуке улетучились, растворились словно дым в смехе двух людей обретших великое счастье – желание жить...

1983 год

Миролюбец

Конец света не дает мне покоя. Ушла под воду Северная Америка, растаявшие льды Гренландии затопили ее. Погибли люди, сотни, тысячи, миллионы людей. Нервы у меня ни к черту, не могу спокойно читать газетные строки с сообщением о точном числе, количестве погибших.

Отчего я плачу, услышав колокольный звон, отчего молебные шествия с иконами, священниками и толпами народа поражает меня таким ужасом? Отчего я кричу в молящуюся толпу:

– Да ведь Бог обещал, что второго потопа не будет?

Люди мои выкрики игнорируют, но духовные пастыри втягивают голову в плечи.

Ушла под воду Англия, в один момент затопило всю Азию.

Президент России, вся Гос. Дума, многочисленная армия чиновников в один день эвакуировалась в Сибирь.

Нева вспучилась, серые волны угрожая, заметались, наступая на город, мой Санкт-Петербург. Небо тоже потемнело, начались дожди. По инерции, горожане продолжали еще жить, работать в конторах и офисах, надеяться, авось, беда не коснется.

Ушла под воду Австралия и Дальний Восток с Японией, Курилами и островами.

На Сенной площади зажгли костры. Воздвигли трибуну и принялись разговаривать. Уговаривали самих себя не паниковать, мол, наводнение нас не коснется. Толпы горожан приходили и приходили на стихийные митинги, костры шипели под дождем, но огонь тут же подогревали хворостом, мусором и каплями спиртовых напитков. Народ хмелел, а на трибуну залезали поэты и бросали в толпу заунывные строки непонятных стихотворений.

Народ пил, по телевизору пару раз выступил с речью президент России, как всегда преувеличенно бодрый. За его спиной виднелась толпа чиновников, в том числе и губернатор нашего города. Чиновники нервничали и беспрестанно оглядывались на Енисей, на фоне реки и живописного зеленого берега они все и столпились. Президент толкал речь, как всегда ни о чем. В народе говорят: «Речь президента всегда, около того как...»

Но не успел я рассердиться на дезертировавшего из нашего города губернатора, как в двери моей квартиры громко затарабанили. Вот оно, понял я и, считая дело решенным, готовый к смерти, пошел открывать, надеясь погибнуть в волнах потопа быстро и безболезненно. Но за дверью стояли разгоряченные мужики с дубинками в руках. В последнее время город часто грабили. Я посторонился, давая грабителям возможность беспрепятственно проникнуть в мой дом, потому как с детства не любил драк и мордобоя, был, так сказать, миролюбив, а на фоне наступающей гибели защита собственности и вовсе выглядела смешной.

Но выяснилось, что мужики собирают ополчение, чтобы идти войной на... инопланетян. Это было что-то новенькое. Мне даже умирать расхотелось.

Через час решительного забега, когда порядочная толпа выскочила к залитым водой улицам, мы увидели их. Светящиеся шарообразные корабли и кораблики выскакивали из-под воды, беззаботно покачиваясь на свирепых волнах гневной, неузнаваемой Невы, подсакивали и вдруг, срывались, легко отрываясь от поверхности воды, взмывали в воздух, чтобы вертеться под тяжелыми свинцовыми облаками.

– Радуются, сволочи! – прокомментировали из толпы.

– А может они – виновники всех наших бед! – высказал я предположение.

В толпе услышали, заволновались:

– Вот тебе и захват планеты!

– Мы под водой не можем жить, а они ныряют, хоть бы хны!

– Бей их, ребята!

Народ вознегодовал.

В шары полетели камни, палки, но не долетели, а шлепнулись, сраженные невидимым силовым полем в воду возле самых наших ног.

Внезапно, один, затем другой, третий шар перешли в наступление. Шары легко пронеслись над нашими головами, играючи снижались, чиркали по волосам.

Фотографа, самоотверженно взобравшегося на афишную тумбу, шары приподняли, отнесли немного в сторону и уронили в бушующие посреди утонувших домов, волны реки. Фотограф, выпустив из рук камеру, поплыл, борясь с взбесившейся водой.

А шары, войдя во вкус, принялись хватать и относить людей подальше от спасительной тверди земли, лягушками, люди шлепались в волны, дергались, стараясь выплыть, но силы были неравными, многие тонули, навсегда поглощенные водной стихией.

Я разозлился, не знаю, как у меня вышло, но в пылу гнева подскочил и ухватясь за пролетающий надо мной шар, принялся подтягиваться. Снизу шар был усеян выступами, шишечками и за них нелегко, но можно было держаться. После недолгих усилий я взобрался на шар, уселся верхом. Метра два в диаметре, мой шар не имел иллюминаторов или люков. Пару раз спикировав на разбегающихся людей, он начинал гудеть, захватывая новую жертву в плен, а сбросив человека в воду, гудеть переставал.

Я не ощущал внутри шара пилота, никто им не управлял, скорее всего, этот шар был роботом или подчинялся кому-то дистанционно. Вероятнее всего, неведомые враги сидели где-то далеко и меня восседающего верхом на роботе, попросту не заметили, увлекшись охотой на беззащитных горожан.

Между тем, я сосредоточенно лазал по поверхности шара, пытаюсь открыть, нажимал на все подряд. Рассуждая, ведь как-то механики инопланетян собирают и чинят такие шары.

Наконец, что-то щелкнуло, на полном ходу сдвинулась крыша и я рухнул вниз, внутрь шара.

Я ошибался. Да, шар управлялся дистанционно, но и на ручное управление его вполне можно было перевести. Упал я в кресло пилота, передо мной сверкал пульт управления. Недолго думая, принялся нажимать на все кнопки подряд, стремясь взять управление роботом на себя. Но робот не слушался.

– Стой же ты, скотина безмозглая! – крикнул я в сердцах.

Шар тотчас замер, остановившись над кучкой растерянных, испуганных людей прикинувших к самой земле, как к своей спасительнице.

– Отзови другие шары! – велел я.

Тотчас все роботы метнулись ко мне. И прилетели не только те, что нападали на людей, но и другие, мельтешащие до того в волнах Невы.

Чувствуя вдохновение, я орал:

– Прекратить дождь, прекратить наводнение, загнать Неву и Мировой Океан на прежнее место! Сейчас же осушить затопленные материки и острова!

Шары принялись действовать.

Через минуту небо прояснилось, выглянуло солнце и барахтающиеся в воде люди, обнаружили себя стоящими на сухом асфальте. Вода быстро убегала, обнажая мокрые бока домов. Победных криков горожан я не услышал, занятый командованием над роботами.

Восстановление Земли заняло не так уж много времени, истинные хозяева шаров-роботов так и не показались, как видно они праздновали труса.

Без труда, неведомые мне инопланетяне пожертвовали своими роботами, но вот что странно, кресло пилота, в котором я сидел, в точности повторяло контуры человеческого тела, а робот беспрекословно слушался любых моих приказов.

Выполнив миссию по спасению планеты, я велел роботам отнести меня в ангар или в гараж, одним словом, в то место, где эти шары были до начала потопа.

Крыша у моего шара мгновенно закрылась, и мы, в несколько секунд преодолев расстояние до Северного Ледовитого океана, нырнули в пучину. Через несколько коротких мгновений зарылись под дно океана и вынырнули в блестящем широком туннеле, а после, пролетев по туннелю, оказались в громадном отсеке, где было полным-полно шаров-роботов.

Крыша открылась, мой шар замер у самого пола. Я вышел, соскользнув вниз, огляделся. Тишина давила мне на уши. Пошел, оглядываясь и думая о встрече с инопланетянами, которые наверняка находились где-то, тут же.

Но светлые просторные коридоры, жужжащие и мигающие лампочки, звук капель изредка стучащих где-то вдали, вот и все, что я увидел и услышал. Давно уже я покинул ангар с шарами, давно уже бродил где-то непонятно, где и даже придя в полное отчаяние, выкрикнул пару раз:

– Люди! Где же вы, люди?

Но так никого и, не встретив, забрел в некое помещение, где все было мертво, но едва я вошел, ожило. На огромном экране я увидел людей и гигантские корабли, взмывающие в небо. Планету, охваченную огненными бурями и Землю с громадными динозаврами. Увидел битву с истинными хозяевами планеты – рептоидами, которые использовали динозавров в качестве домашних зверушек.

Увидел, да много всего, увидел и понял, что этот корабль наш, а рептоидов где? Не знаю! Полный смятения, я выкрикнул команду:

– Оживи! Включись!

Вспыхнули в полную силу лампы в коридорах, раздалось мерное гудение гигантского корабля.

Я продолжал:

– Настройся на мою волну. Слушайся только меня!

Корабль согласно затрясся мелкой дрожью.

– Никому, кроме меня, не подчиняйся! Главное, я запрещаю тебе слушаться врагов людей – рептоидов, никаких кораблей рептоидов не принимать!

Я знал, конечно же, как знает всякий человек, что рептоиды продолжают жить на Земле, таясь под водой и под землей.

– А теперь слушай мою команду. Взлетай!

Корабль ринулся вверх. Я упал на пол. А после увидел голубое небо и тихие волны океана у меня под ногами. Стены, пол, потолок продолжали существовать, но сделались прозрачны.

Корабль я доставил в Москву, где уже успели объявиться президент с чиновниками.

Мое появление вызвало настоящий фурор. Красной площади для приземления было бы маловато и, выбрав обширное поле за городом, я разрешил кораблю сесть. Снаружи, корабль выглядел так себе, проведя столько времени под океаном хотя и Ледовитым, он оброс кораллами, но восстановлению подлежал и, подчиняясь моим приказам вскоре, начищенный до блеска роботами-шарами принял первые группы русских ученых, потрясенных таким подарком судьбы.

Я же скромный миролюбец стоял в сторонке от центральных событий, зная впрочем, что корабль будет слушаться только меня и, стало быть, пилотировать его, если понадобится, буду тоже я. Вот только бы отыскать рептоидов и выяснить, не они ли виновны в состоявшемся потопе, ведь кто-то все же был виновен, но кто? Вот в чем вопрос?

Русский вопрос

На требовательную трель дверного звонка вначале отозвался кот. Он тяжело спрыгнул с подоконника, где грелся под жаркими лучами весеннего солнышка посреди горшков с геранью. Кот потрусил к двери, остановился, наклонив голову, внимательно прислушался. Он услышал, как кто-то нетерпеливо перебирая лапами, обтирает косяк двери и дышит тяжело, сипло.

Вслед за котом к двери пришел старик. Не открывая, вначале заглянул в дверной глазок и отмахнулся, скривился в брезгливой гримасе, а потом, не скрываясь, зная, что из-за двери услышат, прошаркал обратно в комнату, лег на диван, повернулся к стенке и с головой укрылся шерстяным пледом.

Трель повторилась, еще и еще раз. Потом кто-то прижался губами к замочной скважине и требовательно прорычал:

– Открывай, не то хуже будет, старый хрен!

Дверь пнули. Трель повторилась. Старик все также неподвижно лежал на диване, а кот сидел перед дверью. Коту эта сцена была весьма знакома. Он точно знал, кто торчит на лестнице. Посмотрим и мы.

За дверью стояла женщина лет тридцати. Хотя, нет, впрочем, ей можно было бы дать и больше. Лицо у нее было кирпично-красного цвета, опухшее. Маленькие злые глазки были налиты кровью. Но толстые щеки нарумянены, нос вымазан белым, а разбитые в кровь лиловые губы покрашены почему-то черной помадой.

Выражение ее лица поминутно менялось так резко, от вполне удовлетворительного к некрасивому и озлобленному, что создавалось впечатление, будто кто-то невидимый передергивает затвор винтовки, а пьяница реагирует весьма буйно и бурно. Женщина без остановки еще и содрогалась всем телом. Голова у нее тряслась, щеки дрожали. А грязные пальцы, которыми она царапала дверь, без конца сотрясались и выбивали дробь сами по себе, без участия хозяйки.

Она опять прижала губы к замочной скважине и угрожающе прорычала:

– Отвори, батя, отвори, не то хуже будет!

И слыша в ответ тишину, пнула дверь и, вдруг, выдала номер. Она не заговорила, а завизжала, пулеметом выплевывая залпы не слыханных ругательств без запятых и без точек. Ругань предназначалась отцу.

Соседняя дверь скрипнула, на лестницу вышел толстый мужик в спортивном костюме. Он сразу же, без перехода, голосом привыкшего командовать, человека, потребовал прекращения скандала. Женщина не смущаясь, повернулась к нему и потоки грязной ругани без остановки посыпались уже в сторону соседа. Сосед втянул голову в плечи, побагровел, а потом, взял да и выкинул руку, ткнул кулаком прямо в лицо обидчице. Сразу наступила тишина. Ругательница смолкла, но от удара не упала, а только пошатнулась и стояла так, таращась диким бессмысленным взглядом.

Сосед, не оглядываясь, тут же отступил обратно в квартиру и дверь захлопнул, он знал, что теперь-то она уже наверняка уйдет.

Но Маринка, а пьянчужку звали именно так, не ушла, а вспыхнув мстительной улыбкой, задрала юбку, спустила штаны и напустила лужу прямо на площадке, под двери квартиры своего отца и соседа.

Почувствовав запах мочи, кот чихнул, повернулся и торопливо вернулся обратно к своим гераням, под лучи солнышка, греться. Старик все также неподвижно лежал на диване, носом к стенке. Он уже давно, без притворства, спал, вымотанный и высосанный пьяницей-дочерью до изнурения.

– Краше в гроб кладут! – шептались про него соседи и провожали сочувствующими вздохами, когда он трогался куда-нибудь из квартиры. В свои шестьдесят пять лет он выглядел на все восемьдесят, а то и на девяносто.

Старик в последние годы совсем сдал, весь поседел, сделался мнительным и странным, в простом вопросе, обращенном к нему, скажем, проходим, вознамерившимся узнать, как найти ту или иную улицу, ему слышалось оскорбление. Он очень похудел, потому что забывал поесть. Часто, он совсем не помнил о присутствии людей и, идя по многолюдной улице, разговаривал сам с собой, жестикулируя руками и кивая.

Когда соседи заговаривали с ним, он недоверчиво и подозрительно в них всматривался, стараясь рассмотреть насмешку, а не находя, все равно затаивал обиду и разговаривал холодно, отчужденно.

Толстый сосед в спортивном костюме, тот самый, кто дал в зубы Маринке, жалел старика и часто обсуждал поведение его дочери со скамеечными старушками. Отставной полковник, он привык к четкому распорядку дня, к дисциплине и зарядке по утрам.

Называли соседа уважительно по имени и отчеству, Димитрий Саввич. Дворовые пьяницы, по стародавней привычке всех оболванивать и подгреть под свою гребенку, обзывали его просто Савкой или полковником.

Он переехал в шестидесяти квартирный пятиэтажный дом на самую красивую улицу города Петербурга сразу же, как вышел в отставку. Из окон его дома хорошо была видна Нева и набережная с неторопливыми толпами прогуливающегося туда-сюда, народа. Он наблюдал гуляк и бывало не раз вызывал по телефону наряд полиции, заметив из окна драку или еще какое безобразие.

Дом населяли, в основном, интеллигентные петербуржцы. А интеллигенция, как известно, сильно страдает от напора беспардонных грубиянов и разного рода нахалов. Интеллигенты теряются, не могут ответить злом на зло, грубятиной на грубятину, матом на мат. Столкновение дворян с рабочими и крестьянами не закончилось с советской властью, а продолжается и поныне. И во времена единокоссов это столкновение разных людей с разными взглядами и разным воспитанием особенно сильно заметно в передовой мыслящей столице России, в Санкт-Петербурге.

Полковник в отставке, Димитрий Саввич, почувствовал это сразу. Он увидел, как расхристанные, в разодранных рубахах и грязных штанах, дворовые пьяницы плюются на какое-нибудь справедливое замечание интеллигентного вида, подтянутого мужчины и кричат ему вслед, презрительно кривя губы:

– У, интеллигент поганый!

А интеллигентная, одетая чисто и аккуратно женщина далеко стороной обходит сборище грязных алкашей, занявших четыре скамейки сразу под старинными тополями, игнорируя нужды молоденьких мамашек с колясками, детьми и немощных пенсионеров, тоже нуждающихся в месте под солнцем. Она никогда и ни с кем не обсуждает дворовых пьяниц, воспитание не позволяет, но пьяницы все равно ее замечают, тут же кричат, стараясь побольнее задеть:

– Куда пошла интеллигенция? Неужто на панель? Ишь, разоделась, словно проститутка!

И смеются, довольные собственной шуткой, широко разевая рты с черными обломленными зубами.

Посреди дворовых пьяниц всегда торчала Маринка. Она пила с ними и соглашалась на ночь то с тем, то с другим. Была безотказна. И пьяницы выражая свое презрение, часто били ее. Но на утро она опять подходила к ним, опять пила и ела все, что ей предлагали. И так без конца да, наверное, даже без начала.

Старик бессильно наблюдал за ней из окна своей квартиры. Но ничего поделать не мог, Маринка пристрастилась к пьянству лет с пятнадцати. И все ошивалась возле тополей и четырех скамеек, пока не добивалась своего. Она не закончила школу. Отец боролся за нее,

конечно, пытался ее лечить. Маринка лежала в специальной больнице для алкоголиков, но и там умудрялась напиваться.

Ее влекло к алкоголю и трясло, словно в лихорадке, если она не выпивала хотя бы пятьдесят грамм водки в день. Она не могла отвыкнуть да и не пыталась. Тяга начиналась с утра и уже не отпускала, ворочалась угрюмым червяком в ссохшемся желудке и тихонько посасывала, забираясь по пищеводу в грудь, прямо в солнечное сплетение туда, где таилась в испуге ее душа. Это точно было делом психиатров.

– Крыша в пути! – бормотала она и злилась на сосущего ее внутренности алчущего пошла червяка.

Она вспоминала своего дружка, которого за рыжую гриву волос обзывала Рыжиком. Он не мог ни одного дня продержаться без драгоценной пачки Беломора. А Серенький, еще один ее дружок помешался на «Роллтоне», вермишели быстрого приготовления, жить без нее не мог и становился страшно раздражительным и сварливым, если не съедал хотя бы пачку в день. Она знала Ваньку-дурачка, зимою и летом выращивающего дома в длинных горшках с землей для своего стола зелень: лук, укроп и салат с петрушкой. Тот же полковник, Савка, был зависим от кружки крепкого горячего чая по утрам. Да и многие дворовые пьяницы впадали в зависимость от обыкновенных семечек. Дворничиха вечно ругалась от груди шелухи под скамейками остававшихся после каждодневных посиделок пьянчуг. Семечками иногда закусывали за неимением денег на нормальную закуску.

Полковника Димитрия Саввича переехавшего в петербургский дом из закрытого военного городка интересовало другое. Он хотел узнать, кем были предки дворовых пьяниц и кем были предки интеллигентов, населяющих дом.

После собственного расследования, он сделал удивительное открытие. Оказывается, произошло постепенное смешение народов, давшее новую, невиданную нигде расу – интеллигентных пьяниц. Таковые посреди дворовых имелись. Они, потомки профессуры, учителей и врачей с одной стороны и рабочих, крестьян с другой, вели тихий, почти затворнический образ жизни. Спивались незаметно для окружающих. Были мечтательны и незлобивы. Очень ранимы и плаксивы. Любили стихи и поэмы.

Потомки же чистых, так сказать, рабоче-крестьянских корней, напротив, обладали черствыми душами, были наглы и хамоваты. Ходили, нарочито небрежно одетыми и отдавали предпочтение заношенной одежде. Для них переодеться в новое чистое белье было равносильно смерти. Они не могли привыкнуть к новым штанам или рубашке и все пожимали плечами, все дергались и лезли руками что-то поправлять. В парикмахерскую они не ходили или ходили раз в году, зарастая постепенно дикими лохмами. Бывало, выходил такой во двор с прической давно не чесанных, запутанных волос и ему кричали такие же дико запущенные или подстриженные неумелыми руками подруг, алкаши:

– Панкуешь, однако!

Босяк улыбался и верилось, глядя на него, что он точная копия своего деда или прадеда, такого же лохматого пьяницы и босяка, жившего еще до революции, при царизме.

Савка наводил справки и о Маринке. Оказалось, тут сказала некая жажда, чего? Судите сами! Если ее отец был потомственным преподавателем университета, впрочем, таким же, как и его отец, то женился он в советские времена, особо не задумываясь, как это и было принято в ту пору на вроде бы нормальной девчонке. Но она всю жизнь ему испортила. Деда и прадеды у нее были из крепостных крестьян какого-то ненормального помещика, чуть что выбивающего из своих людей дух вон, одним словом, рабовладельца. Бабушки, прабабушки играли у этого сумасшедшего артистками на сцене домашнего театра. Вроде бы чего тут? Ан, нет. Мечтание освободиться от гнета деспотичного хозяина переросло в некую страсть. И отец Маринки был потрясен до основания души, когда в лице своей чистой и даже местами наивной невесты увидел жаждущей богатства и славы, мещанки-жены. Правда, она не ограничилась соби-

ранием хрусталя, книг, ковров, мебели. Нет, ее душа рвалась дальше и, исполняя волю предков, она бросила мужа с маленькой дочерью и укатила в процветающую Европу. Выскочила замуж за богатого владельца телестудией. И блистая белозубой улыбкой, прочно осела в одном из тамошних телешоу, ведущей программы, богатой и свободной от любого гнета любого помещика, даже мужа, а напротив сама стала рабовладелицей. Победа всех предков, вместе взятых так и светилась в ее глазах и вызовом долбила тех, кто мог усомниться в обратном...

А Маринка, продолжая программу затюканных самодуром, барином, дедов-предков, стала прикладываться к бутылке. Ее алчность ограничилась желанием получить пойло, более ее ничего не интересовало.

Димитрий Саввич только головой крутил, как все-таки плохо иметь среди предков рабов. Жажда выдраться из-под гнета и прозябания наверняка породит гремучую смесь самых низких пороков: самолюбование, тщеславие и прочую дрянь греховную. А человечности, простоты в общении, сочувствия друг к другу вообще не останется, что он и наблюдал, как верное подтверждение своей версии в лице опухшей и опустившейся Маринки.

Но вернемся к нашим героям.

Коту надоело лежать между горшками с геранью, и он спрыгнул к миске с кормом. Старик у также захотелось поесть, но не найдя в холодильнике молока, он надолго задумался у открытой дверцы, а после быстро заговорил сам с собой. Кот никак не среагировал, привык. Старик все болтал, постепенно сердясь и распаяясь. Затем оделся, накинул на плечи старенькую выцветшую курточку, сунул ноги в ботинки и, звякая ключами, вышел на площадку. Он сразу же заметил лужу мочи растекшуюся по полу, но лишь поморщился, захлопнул двери на замок, брезгливо обошел лужу по стене. Через несколько минут он уже кивал скамеечным старушкам и неприязненно косился на опохмелившуюся и потому радостную дочь. Маринка легко подбежала к нему, сияя от счастья, тут же с ходу принялась врать про работу, которую она, якобы, нашла. Врала и упивалась своим враньем. А старик, стараясь на нее не смотреть и не слушать, брел и брел в магазин. Маринка не отставала, пиявкой прилипнув к нему. И уже в магазине жалобно заныла над ухом старика, дыша ему в щеку натужно и хрипло. Заныла о бутылке. Но старик категорически и сухо отказал. Маринка не сдавалась. А тут же стала канючить о еде, говорила, что еще не ела со вчерашнего дня. И старик, в глазах которого стояла безысходная тоска, вынужден был купить ей со своей скудной пенсии интеллигента в десятом поколении, буханку черного хлеба и немного дешевой колбасы.

Маринка тут же схватила отцово подношение и стремглав бросилась на улицу, к пьяницам. Конечно, они ее встретили с большим энтузиазмом и радостью, не каждый день могли так шикарно закусить. Тут же в ход пошел перочинный ножик и газета вместо скатерти. Маринке за выслугу налили и она выпила, закусила, благодарно поглядывая на бредущую от магазина скорченную горем обладания пьяницей-дочерью, фигуру старого отца. В ее мыслях промелькнул огонь желания крепостных предков, она было пожелала, чтобы отец поскорее умер и оставил бы ей квартиру, но тут Маринка запнулась, одурманенный пьянством мозг не смог сообразить, что же будет дальше. И Маринка оставила эту мысль на потом... А старик-отец тупо брел, не глядя на толпу ошастливленных им пьяниц и одно ему хотелось, сварить каши, поесть, лечь на диван и умереть. Он чувствовал себя разбитым и усталым.

И только полковник в отставке, Димитрий Саввич, поднимая на балконе тяжелую гирию, глядя сверху на происходящее, догадывался, что будет дальше. И верил, что первой откинется на тот свет Маринка. Ее, либо убьет какой-нибудь особо буйный пьяный дружок, либо она сама умрет от алкогольного отравления. А старый отец и не такой еще старый, всего-то шестьдесят пять лет наконец-то вздохнет свободно. Расправит сутулые плечи. Перестанет тянуться к земле. Перестанет заговариваться. Вспомнит то, что всю жизнь спасало интеллигенцию всей России – волю к победе над болезнями и смертью. Полковник верил в это и подбрасывал гирию к небу...

Алкоголик – человек не разумный

(Почти по Гоголю)

Автор

Алкоголь разрушает сознание, способствует деградации и одуряет настолько, что алкоголик не может ответить на простейший вопрос, а только разинув рот, пускает пузыри и глядит тупо перед собой, ничего при этом не видя. Разбуди такого внезапно и задай задачку:

– А, скажи-ка мне, уважаемый, сколько будет дважды два?

И он вначале встрепенется, как на что-то знакомое, блеск мысли промелькнет в его глазах, но тут же свое возьмет давешняя тупость и будто кто набросит покрывало на его способность логически мыслить. Пьяница махнет рукой и устало повернется носом к стенке, бурча себе под нос:

– Ходят тут всякие, спать не дают!

Хорошо было бы открыть этак, исподволь, черепную коробку у такого алкоголика и посмотреть, как же работает мозг у него или может, не работает вовсе? И хорошо бы при этом поймать некоего умника, считаря и говоруна, любителя полистать толстые умные журналы, и у него открыть, этак, незаметненько, черепную коробку, да и сравнить обоих! Неужели нет разницы? Наверняка, есть! У умника поди-ка извилины, аж, сверкают в умопомрачительных идеях и как хорошо смазанные стрелки, пощелкивают, знай себе, переключаются. А у алкоголика? Мозг паутиной зарос, а может уже и сожран медлительными червями, точно так же, как бывает сожрано свежее румяное яблоко. Сорвешь его в предвкушении сладости, а оттуда высовывается, вдруг, сердитая рожа червяка, жующего всюю мякоть и бросаешь в сердцах, на землю изъеденный плод, а ну его!

Но, впрочем, что это мы? И среди алкоголиков есть умники, вы не поверите, есть! Но только одно плохо, их интересуют странные вопросы, мимо которых обыкновенный, не пьющий умник пройдет мимо и не заметит.

С пеной у рта умники из алкашей будут спорить, а почему это у дам работающих, скажем, в мэрии города, такие обширные задницы? А у молодых секретарш из офисов ноги, как у кузнечиков, вывернуты назад? Почему дворничихи – все сплошь толстые мужеподобные бабы? Может их изменяет род деятельности? И как бы проследить за начинающей дворничихой, кричат умные алкоголики, как бы понять, как измениться ее фигура, скажем, через месяц после усиленного махания метлой? Умные алкоголики ломают головы и над судьбоносными вопросами о школе и решают неразрешимую задачку, морща в напряжении сократовские лбы. Их крайне интересует, например, почему злые учительницы похожи на сердитых ос, а добрые на растолстевших гуманных фей?..

Однако, мы с вами упускаем из вида еще одну разновидность алкоголиков, уже не тупых, но еще и не умных. Нечто среднее. Такому алкоголику тяжело общаться с себе подобными, он часто не «догоняет», и либо молчит, напуская на себя все понимающий вид, либо идет на хитрости и вырабатывает специальный метод пускания пыли в глаза.

Для того он говорит медленно, очень любит иностранные слова, которые использует президент и думские депутаты и даже записывает эти самые слова, вслушиваясь в речь мудрого мужа, порой глубокомысленно мычит, вглядываясь в телевизор, чтобы получше разглядеть физиономию власть имущего человека, для него все равно что прилетевшего с другой планеты. Как большинство русских такой алкоголик не понимает ничего, что говорит официальный деятель, но вникает в смысл, как вникает в смысл произнесенного в сердцах витиеватого мата алкоголик, которому не хватает на заветные сто грамм водки, какого-нибудь рубля или скольких-то копеек.

Средненький алкоголик учится произносить свои речи со значением, всегда при этом закрывает глаза и немного молчит в конце всех слов, приводя, тем самым, собеседников в легкое замешательство. Его начинают уважать, но не любят слушать, даже избегают порой, а завидев, где-нибудь тут же сворачивают, чтобы поспешно скрыться.

Вступить со средненьким алкоголиком в дебаты совершенно невозможно. Он недоверчиво выслушивает возражения и тут же повторяет свою речь, говорит он теми же словами и тем же тоном, несколько правда, повышая голос, немного нервничая. Средненький быстро обращается в зануду и только так его, и рассматривают тупые и умные алкоголики.

Но нельзя обойти в нашем кратком изучении алкоголиков, как людей не разумных еще одну странную и непостижимую диковинку – алкоголиков спящих! Нет, нет, глаза у них открыты, рот на лету заглатывает рюмки с пойлом и говорить такой алкоголик умеет, и что-то еще разумное выполняет, не вызывая подозрений со стороны пьющих товарищей. Но вот он встречается на улице давнюю свою возлюбленную и сразу превращается в некто:

– Ишь, как раскормил тебя твой мужик! – удивленно восклицает такой алкоголик, оглядывая ее всю, с ног до головы. – А была ведь тростиночкой!

Она поджимает губы, глядит на него неодобрительно:

– Ишь, чего вспомнил, тростиночкой! Мне, почитай, уж шестьдесят годков, детей трое да пятеро внучат!

И гневно кивая, одаряет его ненавидящим взглядом, в который вкладывает все свое презрение к нему и к его основному занятию – к пьянству. Тут все: и порушенные мечты, и несостоявшаяся семья, и поруганная любовь.

Алкоголик ничего не замечает и только растерянно моргает, не в силах подобрать слов, разглядывает ее огромную, но уже седую косу, сложенную на голове в два ряда.

И поводит руками, изумленно оглядываясь, как бы ища эти самые шестьдесят лет, не в состоянии постигнуть, где же он сам-то все эти годы пропадал и как это он хода времени не заметил, а?..

Подруги

Моей матери Тамаре Ивановне Кременской посвящаю...

Наконец-то выпал снег! Закончилась слякоть, лужи замёрзли. И всезнающие бабушки «Селькупской деревни» закивали головами, утверждая уверенно, что да, зима пришла.

Васька по примеру детворы, схватила ледянки и кинулась к реке. Возле реки, с крутого откоса уже катались. Визг, шум, треск санок, но главное, чистый холодный воздух так были заманчивы. Но Васька, всё-таки, первым делом подбежала к реке.

Повсюду, куда ни кинь взгляд, сиял и лучился под лучами зимнего солнца, ослепительный лёд. Сквозь прижмуренные веки так и казались Ваське нежные, как бы мерцающие серебристые оттенки, дрожащие снежной пылью в воздухе. Река замёрзла, присыпанная снегом, она переливалась жемчужным и розоватым светом. Васька спустилась, осторожно потрогала лед ногой, убедилась, что крепкий, но не рискнула отойти от надёжного берега, а уселась тут же, на мелководье и с любопытством уставилась сквозь лёд, в темную глубину замёрзшей воды. Но ничего не увидела. Разве только отливающие всеми цветами радуги пузырьки воздуха застывшие во льду привлекли ее ненасытное внимание.

Васька любила подводный мир. Она никогда не тосковала, а только всё сидела дома перед аквариумом и наблюдала. Водный мир был полон для нее тайн и загадок. Под лучами искусственного солнца, теплой лампы, полным ходом шла деятельная жизнь.

Сверкая разноцветными хвостами, то и дело шмыгали из стороны в сторону ковровые гуппи. У поверхности воды воинственной толпой носились рыжеватые активные меченосцы. Изящные гурами неторопливо и вдумчиво обследовали каждый камушек на дне.

Рогатые улитки кормились, бодро проползая по прозрачным стенкам аквариума и подбирая жадными ртами невидимые для человеческого зрения, частицы еды со стекла.

Аквариум Ваське подарил ее родной дядя. Он шумно ворвался в деревенский быт Васьки, перевернул всю её жизнь вверх ногами и умчался обратно в Печору, к своим буровым вышкам, где и работал не хилым начальником. А она только и запомнила ласковые смеющиеся глаза, лучики морщинок, разбегающиеся по всему лицу от смеха и пышные белые усы, которыми дядя так и норовил пощекотать ее щеку. Запомнила сильные руки и крепкое плечо. На плече у дяди она разъезжала без страха, на зависть босоногим друзьям и подружкам.

Все за нее радовались. Все. Одна лишь косоглазая Катька бросила ее скакалку в деревянную уборную. Белую скакалку с красными ручками подарил Ваське дядя. Завистливой Катьке Васька разбила нос. Воспитательница хмыкнула и скорее для порядка поставила Ваську в угол, а зареванную Катьку отвела к медсестре. Лучшего наказания и придумать было нельзя, Катька год назад переболела воспалением лёгких и долго еще после больницы сидела на стуле на подушке, твердого сидения не могла вынести. Подружки с ужасом разглядывали как-то ее исколотую, синюю от уколов, тощую попу. Людей в белых халатах она стала бояться, как огня, сразу поднимала дикий рёв. Ваське не было жаль её. Катькину родню во всей деревне не любили. Косоглазые, так говорили про них и подозревали в колдовстве. Бабка Кати косила, у матери тоже что-то такое было с одним глазом, дед вообще никому в глаза не смотрел, а только хмурился и прятал взгляд. Разве что отец у Катьки, вечно пьяненький, весело скакал по улицам, беспечно толкался у совхозной конторы, где сердитый бригадир хватался за голову, не зная, на какую работу пристроить пьянчужку и обычно давал самое грязное, самое противное дело, вроде, как выгребать навоз из-под свиней.

Васька с Катькой не дружила и враждовала, интуитивно чувствуя недобрую зависть исходящую, пожалуй, даже от ее куцых косичек перевязанных обычными канцелярскими резинками, что уж говорить о косом взгляде полном презрения и скрытого вызова.

У самой Васьки в косичках всегда были вплетены цветастые шелковые ленты.

Банты, капроновые, атласные, во множестве валялись в верхнем ящике комода, выбирай, какой хочешь. Носила Васька красивые платья, которые присылали многочисленные родственники со всей страны. Вот и дядя привез из Печоры три трикотажных платья в горошек. Платья на вырост, еще великоватые, свободно висели на плечиках в шкафу, и Васька трогала их трепетной рукой. Она любила наряжаться.

И часто вертелась перед зеркалом, поднимая то одну руку, то другую, изображала балерину, делала ласточку и была рада всякой новой вещице. А сорока, что жила неподалеку, на высокой сосне, заглядывала к ней в окно и трещала, кивая. Наверное, одобряла очередной цветастый наряд Васьки. Каждое приобретение, будь то новый бант или блестящая брошка вызывали целую волну восхищения и со стороны вездесущей сороки, и со стороны Васьки. У нее даже игрушки сплошь состояли из разных пуговиц, хранящихся у матери в большой круглой коробке из-под шляпы. Васька могла часами раскладывать цветные пуговицы на круглом столе в комнате. Что она видела в это время в своем воображении, во что играла, неизвестно, только глаза у нее разгорались и она что-то такое шептала, а взволнованная сорока на сосне трещала, усиленно лезла к окну и раз не выдержала, с шумом обрушилась на подоконник норовя ворваться в комнату и вероятно унести одну из блестящих пуговиц в клюве, но сорвалась и рухнула под окно, в клумбу белых ромашек. Васька увидела, как промелькнул длинный хвост, впрочем, через пару дней, сорока опять восседала на ветке сосны и трещала оттуда, как ни в чем не бывало.

Дядя привез аквариум. Это было целое событие не только в жизни Васьки, но и деревенских детей, никогда не видывавших не то, что аквариумов, но и вообще ничего, кроме деревни и природы вокруг деревни. Конечно, она позволила любознательной детворе поглядеть на аквариум и створки окошка для удобства раскрыла, в дом, правда, непустила никого, опасаясь каткиной негативной реакции. А Катка повисела-повисела на подоконнике, поглядела-поглядела то так, то этак и полная высокомерного презрения высказалась вслух, что рыбы, как рыбы, вон в реке таких полно плавают...

Наверное, на сей раз Катка оказалась права. Действительно, летом, в жару и Васька, и Катка, и все деревенские дети из реки не вылезали.

Сухой склон берега, весь в пятнах солнечного света, нагрелся за день, будто горячий бок печки. В воде полоскала темно-зеленые листья плакучая ива, несколько желтых кувшинок неторопливо покачивались под ее ветвями. Река приятно журчала, перекатывая белые и цветные камушки, и текла себе куда-то, извилисто петляя, и то, становясь глубокой-глубокой, то делаясь мелкой-мелкой, так что плывущим вслед за течением стайкам рыб приходилось прыгать из одной глубины в другую, перепрыгивая через мелководье и часто-часто можно было наблюдать следующую картину. Большой серьезный полосатый окунь застигнутый врасплох мелководьем ложился на бок и принимался кувыркаться, пока не достигал заветной глубины, где приходил в себя, расправлял плавники, кружился на месте, как бы стараясь освоиться, заглядывал зачем-то в темные норки к речным ракам и устремлялся дальше, чтобы опять через какой-то поворот реки выпрыгнуть на мелководье кувыркаться.

Каткин отец, бывало, часто притаскивался вслед за детьми к реке. Долго лазал по мелководью, пытаясь схватить за жабры вертлявую рыбу. И его семейные трусы в полоску промокали насквозь, обнажая бесстыдно, то, что в обыкновении даже дети скрывают друг от друга. Но он увлеченный ловлей рыбы, не замечал ехидных насмешек глазастых зрителей, всегда толпившихся тут же, на берегу. И только Катка злилась, косила сильнее обыкновенного, негодовала на насмешников, кидалась, потрясая сухенькими кулачками. Своими действиями она, наоборот, распалила насмешников. А ее глупый пьяненький отец улыбался безмятежно и пофыркивал на пойманного окуня, бьющегося у него в скрюченных от усилия, пальцах. Так,

под жабры и нёс драгоценную рыбину, вышагивая босиком, в мокрых семейниках до колен, от реки, через деревню, до дома. А злая Катька, сгорая со стыда, несла следом его вещи.

Васька была из нормальной семьи. Веселая здоровая мать, работающая, никогда не унывала, никогда не сердилась. Всегда работала, Васька ее без работы и не видывала, всё, она была либо в поле, либо в совхозных теплицах, либо при малых телятах. Без ропота и слез. Дома также либо воду таскала в ведрах на коромысле, либо корову доила, либо дрова рубила, либо огород пропалывала. Да и сама Васька от нее не отставала, прибиралась, убиралась, крутилась по огороду и по дому. Есть особая порода людей, называется она – крестьяне. Крестьяне не могут жить в городе, им там заняться нечем. Они недоумевают на городских, как это можно сидеть и ничего не делать?! Крестьяне от зари до зари заняты, такова их доля, гнуть спину. Но при этом крестьяне не чувствуют особенного напряжения.

Они рады восходу солнца и как древние язычники кланяются долгожданному светилу, правда, при этом бормочут вслух православные молитвы, навязанные им упрямыми христианами еще тысячу лет назад.

Они разговаривают с курами и цыплятами, а горделивого петуха любят и поощряют любые его выходки.

Они обихаживают яблони и вишни, посаженные возле дома, и обязательно рассказывают деревьям о своих опасениях и проблемах, не понимая, что также поступали, и язычники, их предки, жившие в России еще до христовых времен.

Они сердятся на сорняки в огороде и советуют им поискать другие места для роста, есть же пустоши и дикие поляны.

Была у Васьки бабушка, но уже настолько больная, да старая, что с печи не слезала. По ее просьбе, Васька часто ей таскала что-то из мира природы. Для нее она вырастила в горшке укроп. Для нее преждевременно расцвела молоденькая верба, посаженная Васькой, как есть, в большой горшок. Слабая бабушка улыбалась любимым растениям и тянулась понюхать. Была она уже настолько хрупкой и легкой, что часто снилась Ваське летающей над печкой. Тусклые глаза ее тогда разгорались и светились таким же ярким лучистым светом, как и у матери.

Правда, в доме отсутствовали мужчины, не было у Васьки отца, не было и деда. Дед лежал на деревенском кладбище. Каким он был при жизни, Васька судила только по старым пожелтевшим фотографиям. Откуда он смотрел на нее напряженным недоверчивым взглядом, будто всегда ожидающим от нее какой-нибудь пакости. Васька, чтобы умилостивить деда, сама посадила на его могиле землянику. И ей показалось, что взгляд деда смягчился.

На вопрос об отце, мать только отмахивалась и смеялась, что, мол, отец у Василисы никто иной, как вольный ветер, полетал-полетал да и улетел, а она, дочурка осталась...

Васька, сидя на льду, как-то не чувствовала холода, ей отчего-то было жарко, появилось нечто новое и еще неосознанное, вдруг, она почувствовала какое-то странное ощущение в затылке и сразу поняла, что за спиной кто-то есть.

Она резко обернулась и, конечно же обнаружила Катьку, кого же еще можно было увидеть, как не косую девчонку?..

Губы Катьки обветрились, словно в лихорадке и косые глаза сверкали из-под темных ресниц странной решимостью.

Васька подозрительно вглядывалась в закутанную, перевязанную дырявым шерстяным платком, нескладную мелкую фигурку Катьки. Чего ей надо?

Катька сделала выпад, схватила за веревочку ледянки и сразу же, бегом ринулась к горке. Васька проводила ее недоумевающим взглядом. Она, итак санки бы дала, стоило Катьке попросить. Ей самой кататься расхотелось, какая-то слабость внезапно охватила все тело Васьки. Она тяжело поднялась со льда и, преодолевая ломоту, побрела домой.

А ликующая легкой победой, Катька, словно заводная игрушка, скатывалась с горки на васькиных ледянках и тут же лезла с ними, обратно, в гору.

Вечером пришла с работы мать и нашла пылающую простудой, изможденную Ваську. У девочки еще хватило сил добраться до кровати, но раздеться не смогла, так и валялась в тяжелом пальто и шапке, мокрая от пота. Мать, пахнувшая теплым хлебом, молоком и телятами, быстро сбегала за фельдшерницей. Врачиха без разговоров вколола Ваське укол понижающий температуру. Всю ночь у них в избе горел свет, металась мать с лекарствами и холодными компрессами, а слабая бабушка свешивалась с печи, спрашивала скрипуче и однообразно, что с Васькой?

Васька спала и не спала. Время для нее то тянулось невыносимо долго, то бежало скачками. Васька плакала от утомительного нездоровья и томилась от скуки. Тело ее не находило покоя. Ноги беспокойно ёрзали, сбивая простынь в ком. Она не могла заснуть и нет-нет, да и вспоминала очередную паскудную выходку Катьки. И корчилась от негодования и неприятия.

К утру кризис прошел и Васька, наконец-то уснула. А днем, проснувшись, обнаружила возле своей кровати неподвижную, зареванную Катьку. Оказывается, Катька решила, что Васька из-за нее заболела, да, вон, они, санки в сенях стоят, рыдала Катька и цеплялась худыми руками за одеяло. А Васька глядела на нее и удивлялась самой себе, как она могла с нею враждовать, чего они не поделили? Банты с лентами, так вон их целый ящик; платья с юбками, так их целый шкаф, носить, не переносить, тем более, Катька была худее и меньше ростом, стало быть, вполне могла брать вещи, из которых Васька уже выросла; аквариум с рыбками, так вон он стоит, булькает, гляди, не хочу!.. Косые глаза, так у кого из нас нет недостатков? У одного бородавка на лице, у другого уши лопухие, у третьего нос кривоватый, да что оно такое – тело? Сегодня есть тело, а завтра нету, сбросил и пошел себе к ангелу смерти, какой есть, одним словом, душа!..

И Васька протянула руки, погладила плачущую Катьку по голове, подтянула к себе, дружескими объятиями прерывая потоки слез. Так они и уснули вместе, крепко обнявшись, и Катьке, не сомкнувшей глаз за всю ночь болезни Васьки, снились безмятежные сны, в которых они обе дружили...

А в окно на спящих девочек заглядывал пьяненький катькин отец и ходил на цыпочках вокруг дома, цыкая на шумливую сороку, охраняя покой и счастье двух маленьких подруг...

Бродяга

Тяжело ступая, опираясь на суковатую палку, человек подошел к домам небольшой деревушки, сбросил рюкзак со спины и попросил у занятого прополкой старика помощи.

– Помогай тут всяким, – проворчал старик, не отрываясь от своего огорода, – а самим голодом сидеть.

– Не дадите ли кружку молока?

– Нет!

– Немного хлеба?

– Нет! За хлебом мы в город ездим.

– Может, яблочек? – указал прохожий на яблоки, во множестве валяющиеся под несколькими отяжелевшими от плодов яблонями.

– Яблоки мы продаем! – буркнул старик, выпрямился и, устремив на человека полный негодования взгляд, заявил. – Ну, дальше что попросишь?

– Сигарету, одну сигарету!

– Нету! Иди, ступай, деревня не маленькая, авось, какой идиот и подаст тебе!

Под недоверчивым взглядом старика бродяга взвалил себе на плечи рюкзак и побрел прочь согбенный не столько усталостью и голодом, сколько жестоким отношением людей. Как он и ожидал, история повторилась. В каждом доме ему отказывали и гнали прочь, пока и вовсе не выгнали.

Человек прошел метров пятьсот по утоптанной тропинке и остановился на ночлег в березовой роще, на кладбище. Он присел на широкую деревянную скамью, мрачно прислушиваясь к хриплому карканью ворон свивших гнезда на верхушках старых берез. А потом, подчиняясь импульсу, вскочил, с любопытством заглядывая в глаза тех, кто когда-то жил в деревне, а теперь улыбался ему с памятников. Открытые простые лица, люди как люди...

На кладбище бродяга нашел початую бутылку пива и два пирога с капустой, что кто-то принес на помин души. Сел, поел. В сгущающихся сумерках разглядел развесистые яблони, ни мало не сомневаясь, обтряс их. Собрал яблоки в рюкзак, дополнительно набил мешок, что нашел тут же, на ограде.

Ночь он провел на скамейке. Улегся, укрылся курткой с головой, чтобы не слышать назойливого звона комаров.

А утром уже вышагивал к трассе, до которой было километра три, не более. На попутном грузовичке добрался до города, где на местном рынке продал кладбищенские яблоки.

Тут же стоял старик, что прогнал бродягу с самого начала. Старик с него глаз не сводил.

– Ладно, парень, – сказал старик, отпуская городской лакомке свой товар, молоко и творог, – обнес у кого-то яблоню, хорошо, что не у меня. Но если увижу тебя возле нашей деревни, так и знай, подстрелю! Ружье у меня на медведя заряжено!

– Вы ошиблись! – равнодушно обронил бродяга, повернулся и пошел прочь от рынка с пустым рюкзаком и мешком, но полными карманами денег.

Старик с опаской пробурчал ему что-то вслед.

Каждый день они сталкивались на рынке. Бродяга спешил. Осень наступала ему на пятки. Он приносил мешки яблок, слив, картошку, свеклу, морковь.

Старик продавал молоко, пересчитав деньги, разворачивал полотняный мешочек, и аккуратно свернув драгоценные бумажки, завязывал резинкой, а после запихивал в нагрудный карман, поближе к сердцу, не забыв еще и скрепить карман булавкой.

– Ну, а зимой что? – поинтересовался как-то старик. – Воровать будет негде, все замерзнет, поля, огороды снегом заметет. Что будешь делать?

– Вам, не все ли равно? – отрезал бродяга и отвернулся с досадой, о зиме он тоже подумывал.

Стукнули заморозки, земля заледенела, покрылась мохнатым инеем.

Бродяга допродавал остатки овощей. Больше ничего не было. Зато он смог на вырученные за время торговли деньги закупить себе теплой одежды, приобрел толстую зимнюю куртку, зимние сапоги, прозванные в народе «дутьшами».

– Куда ты теперь? – окликнул его старик.

– А куда глаза глядят! – рявкнул бродяга. – И чего пристаешь, любопытно, как я докапился до жизни такой?

– Любопытно! – кивнул старик, с надеждой во взоре уставившись на бродягу.

– Ну, так слушай! – рассвирепел бродяга, вцепившись в воротник куртки старика, чтобы не вырвался и, придвинув заросшее бородой лицо к лицу своего слушателя, принялся рассказывать.

– Убил я человека в пьяной драке, повздорили на остановке общественного транспорта. Пустишная ссора, однако, смерть не задержалась и меня повязали. Осудили, посадили в тюрьму. Отсидел, вышел, а домой меня не пускают. Жена ушла к другому, квартиру заняли две дочки на выданье и обе с мужиками. Избили меня зятя да на улицу выбросили. Я ушел. Занял дачу, которую вместе с женой покупали. Подал на дочерей в суд, но ничего не добился, денег у меня на адвокатов не было, а тут весна подоспела и мои обнаглевшие детки после недолгой драки выкинули меня и с дачи.

– А ты поджег бы дачу-то! – вставил старик.

– Я хотел, – кивнул бродяга, – но обе дочери мои были беременны. Внуков обижать я не стал.

– А жена? – допрашивал старик.

Бродяга только рукой махнул. Взял свой рюкзак и побрел прочь.

– погоди! Да погоди ты!

И догнал его, пошел рядом:

– Дом у меня большущий, коз пять штук в сарайчике, корова с теленком в хлеву, кролики, будь они не ладны – обжоры!

Бродяга остановился. Встал и старик.

– Огород, опять-таки дальний огород, где картошки насажено видимо-невидимо, всю спину обломаешь над сорняками, а силы-то уже не те...

– К чему это ты? – спросил бродяга, закуривая.

Старик достал пачку папирос:

– Нечего тебе мытариться, иди ко мне жить!

– А хозяйка как же?

– Нету хозяйки, на кладбище она, – опечалился старик.

– А дети?

– И детей нету. Старший, Васька спился, похоронил я его возле матери. Средний, Ванька захлебнулся по пьяни в реке, там же на погосте лежит. Ну, а третья дочурка, Настасья связалась с алкашом, он ее и порешил.

– Что же они у тебя все пьяницами были? – потрясенно промолвил бродяга.

– А то как же, – кивнул старик, – в России живем. Нынче нормальных детей и нету ни у кого. Если не пьет, значит злобный, себе на уме, того и гляди яду тебе подсыпет. Сдохнешь, а он дом продаст, купит себе «Мерседес» и будет ездить, красоваться перед девками да перед друзьями самоутверждаться.

– Ну да? – не поверил бродяга.

– А ты своих дочерей вспомни! – посоветовал старик и добавил с горечью в голосе.

– Более глупого, жадного и деспотического народа, нежели русские трудно теперь сыскать на всем белом свете!

Подумав, бродяга согласился с мнением старика.

– Ну, пошли домой, что ли?! – предложил старик.

И они пошли. Рука об руку. Два человека, два одиноких человека...

Чиновник

Стоял ясный сентябрьский день. Дачники тащили в серых затасканных рюкзаках картошку и яблоки со своих земельных участков. Веселые дети прыгали у детских «городков», позабыв о школе, побросав новенькие портфели в пока еще зеленую траву. Молодые парочки прогуливались под ручку привлеченные солнцем и теплом, быть может, последним теплом в уходящем лете. Тут же и молодые родители, замученные двумя-тремя горластыми отпрысками плелись с колясками, усталые, бледные и видно было, что они уже не раз пожалели о своем решении стать папами и мамами, но сладкие обещания президента страны дать за каждого малыша столько-то сот тысяч рублей прозвучали так заманчиво! На таких оглядывались прохожие:

– Глупые какие! – шептали прожженные прохожие, – Вначале задумались бы, сколько будет стоить дитятю выкормить, обусть, одеть, а детский сад, а школа?! А после надеялись уж на обещания президента, обещанного три года ждут!

Чиновник работал специалистом по детским вопросам и потому не мог видеть многодетных родителей, они одолевали его просьбами о помощи. Они толпами набегали в его кабинет и, просовывая в щель двери своих визжащих детей, требовали от него действий.

Он и действовал, с утра пораньше убегал как можно дальше прочь от своего кабинета, от таблички с приемом в такие-то дни, в такие-то часы.

На улице он чувствовал себя увереннее. Неестественно прямой шагал, запрокинув голову кверху, не обращая внимания на дорогу, и делал такие махательные движения руками, что казалось, вот-вот кого-нибудь зашибет. Прохожие, проявляя чудеса проворства уворачивались от него. Целый вихрь гневных криков неся ему вслед, но он не обращал ни на кого внимания, а увлеченный своими мыслями шагал себе вперед.

Чиновник был странным человеком. Без остатка, с невероятной горячностью бросался он в омут общественной деятельности. Носился без устали по городу поражая современников своею деловитостью, а между тем звонка от него безуспешно ожидала очередная жертва его пылкой натуры, которую он осаждал, добивался порой целый год.

Охмурил он женщин всегда одинаково, использовал свой высокий статус чиновника, официальное лицо которого частенько мелькало в новостях по телевизору.

Но никогда не приглашал свою избранницу на свидания, никогда никуда не водил. Этому способствовала его скупердяйская натура, он потому и курить бросил. Бывало раньше, у него просили закурить, а просили довольно часто, в России вообще принято «стрелять» сигаретку. Так вот, когда у него просили закурить, он мучительно содрогаясь съеживался, лез в карман пиджака за старым потрепанным, но тем не менее серебряным портсигаром и, приоткрывая крышку доставал оттуда двумя пальцами сигаретку, но с каким видом он ее отдавал просителю! Будто не одну-единственную сигарету давал, а по крайней мере целый кусок золота...

Женщин он приглашал к себе домой. Как правило, гостя застревала на пороге квартиры, смущенно оглядываясь. Она стеснялась огромных, в человеческий рост часов с боем, отбивавших время так неторопливо, так задумчиво, с таким дребезжанием, что хотелось на последнем ударе либо заснуть и никогда больше уже не проснуться, либо подбежать и заорать не своим голосом на часы:

– Ну, бейте же быстрее!

А после истерически расхохотаться, повалившись на роскошный ковер с восточным рисунком.

Гостью смущал широкий экран плазменного телевизора и дорогой ноутбук небрежно брошенный на журнальный столик. Смущали ее картины, походившие на творения Пикассо. Все они, аляповатые и непонятные являлись подарками знакомого художника, клиента дур-

дома, впрочем, чиновник картинами очень гордился, в России принято восхищаться делами больных на всю голову людей – это бывает даже модно!

Смуцала гостью и белая мебель, и пузатый комод с позолоченными ручками. Она также боялась легких атласных занавесей подобранных кверху, боялась розового, дорогого тюля. Роскошь и богатство глядели на пришедшую со всех сторон.

Чиновник готовил сам. Сам накрывал стол к обеду, не позволяя гостье вмешиваться в процесс готовки, предпочитая собственную стряпню любой другой. Он был брезглив.

Торопясь, он крутился от электрической плиты, где кипели кастрюли и шкворчали сковородки, к холодильнику и раковине.

Постепенно на столе появлялись: изящная голубая салатница с летним салатом и крупно нарезанными помидорами; две глубокие суповые тарелки полные рыбного или куриного супа; тарелки со сливами и тарелка с нарезанным зеленым луком. Еще влезала на стол тарелка с горой толсто нарубленных кусков зернового хлеба. К обеду предполагалось подать жареные котлеты с картошкой, вареные яйца и зеленый чай.

Гостья смотрела с ужасом, как правило, чиновник выбирал для себя женщин худеньких, бледненьких, судя по одежде бедненьких. Он любил, чтобы им восхищались... Но такие женщины привыкли к ограничениям в своей жизни посвящая всю себя единственному ребенку, забывая о себе. Такие женщины питаются крайне скудно, много работают и целеустремленным вихрем проносятся мимо отдыха на юге, мимо всего, что может позволить себе, к примеру, женщина-вамп. Хищниц чиновник недолюбливал. Он сразу же заявлял гостье, что жениться не намерен, но в свою очередь сделает все от него зависящее, дабы она не забеременела от него.

Гостья хлопала ресницами, не зная, что сказать на такое откровение...

У него было два способа избавления от женщин. Первый, это когда особо тупая звонила ему каждый день. Он, тогда сильно свирепея, спрашивал у нее, а знает ли она, сколько ему лет? И сам же отвечал, что за шестьдесят! Понимаешь? За шестьдесят! Орал он.

Второй, это когда добившись согласия, встретившись с женщиной пару раз, он задвигал ее на задворки своей «бешеной» жизни и только отговаривался по телефону, что дескать очень, ой как очень занят и подожди немножечко, вот-вот освобожусь!

Она и ждала, надеялась, ничего не понимая. А он, все реже, реже звонил, а ежели и звонил, то говорил с ней исключительно официально-деловым тоном, создавая вид невероятно загруженного человека. Бедная женщина терялась в догадках, время шло, проходили месяцы, превращаясь в полгода, а после и в годы.

Он носился, вертелся в общественной жизни города и часами болтал с мало знакомыми людьми в магазинах. Наконец, случайно, где-нибудь на улице сталкивался с обманутой женщиной, а столкнувшись, терялся, руки его тряслись от страха, пятки нервно отбивали чечетку и весь он, вытянувшись в струну, ждал удара в виде ее слез, в виде ее многословных обвинений. Но женщина, поглядев на него длинным взглядом, обычно обходила его, так обходят тумбу с истрепанными выцветшими афишами о филармоническом концерте столичного пианиста – все это рассчитано на одиночку, любителя сложной классической музыки. Женщина молча исчезала, затерявшись в толпе прохожих, исчезала навсегда.

Он, придя в себя, рвал и метал, самолюбие его бывало задето, лицо полыхало красным кумачом. И всех «собак» он спускал на ни в чем не повинную жертву собственного идиотического поведения. Высоко задирая нос, уносил он свою обиду куда как, успокоившись на счет очередной нечаянной встречи, где он даже не кивнет ей, а одарив только высокомерным взглядом, полным презрения, удалится прочь...

Жирные голуби неторопливо бежали рядом с ногами прохожих, внимательно, косым взглядом следили за теми людьми, кто перекусывал на ходу, безбоязненно, нагло выпрашивали крошки от пирожков, а выпросив бежали во весь дух за очередным обжорой и этой беспоря-

дочной беготней сильно напоминали одичавших куриц позабывших о крыльях и о возможности летать.

Чиновник всегда кормил голубей. Они сбегались к нему со всех сторон огромной хлопотливой стаей и жадно пожирая крошки от специально, именно для этой цели купленного батона, толкались, гневно лезли на черные ботинки своего благодетеля, щипали его за брючины, нагло требуя продолжения банкета. Но чиновник, привыкнув за несколько лет ежедневной кормежки к напористым действиям нахальных птиц только отмахивался и кричал угрюмому дворнику, бесстрастно взиравшему на происходящее:

– Первое сентября? Печальный и одновременно светлый день! Дети несут свежие цветы учителям. Одетые в парадные платья учителя смотрят на своих подопечных по-доброму, но втайне уже высматривают по известным только им признакам будущих двоечников, угрозу для своего благополучия, дополнительных денежных премий и наград!

Не найдя поддержки в молчаливом дворнике чиновник накурмив всех голубей мчался дальше.

Он легко поддавался любым манипуляциям более-менее сильных людей, чем сильнее был его собеседник, тем быстрее чиновник подпадал под его влияние.

Однажды, чрезвычайно смущенный доводами евангелистов он задумался о конце света. Скоро чиновника было не узнать. Без устали каждому встречному да поперечному кричал он о Сатане и о близком конце света. Осатаневшие от его криков друзья и знакомые, с трудом вырвавшись, укрывались от него кто, где мог и надолго затаившись, ждали исхода, который неминуемо наступил.

Зеленоглазая красивая ведьма выслушала его, не перебивая, а когда он выдохся и замолчал, веско сказала свое слово в пользу Сатаны. Чиновник задохнулся от возмущения и вытаращил глаза. Ведьма неторопливо продолжала. Смерив чинушу ледяным полным презрения взглядом. Она напомнила ему, что от людишек, ничего не зависит, и вдруг назвала ту самую секту евангелистов, от которой он и заразился религиозной бредятиной. Назвала, хотя про секту он не сказал ни слова.

Ведьма запала ему в душу и чиновник моментально перешел в ряды ненавистников всего христианского.

– Плохая примета! – восклицал он, с яростью глядя на служителя культа, попавшегося ему навстречу на улице. – Поп встретился – жди беды!

– Что за черт? – удивлялся кто-нибудь из случайных прохожих.

– Верно говорю! – кивал чиновник. – Добро, если бы попы просто обманывали народ, но они же прибегают к глупым проповедям, к непонятным молитвам на церковнославянском языке, к реву дьяконов и к колокольному звону! Они обрабатывают слабоумных, впавших в маразм старух рассказами о добром Христе и плачущей о грешниках Богородице, а когда кто-либо из прихожан задумывается, они предпочитают задушить непокорного клубами ладана, вопя о его бесноватости и одержимости. Но все усилия так называемых священников сводятся к одному результату, к простому выкачиванию денег из прихожан! Все поставлено на деньги! И не могли думать без копейки в кармане прийти в православный храм!

Пораженный такими речами, случайный прохожий бросался наутек.

Однажды, зеленоглазая ведьма пришла на прием к чиновнику и вот как ни странно, он оказался на месте. Впрочем, бегать по улицам в слякоть ему не хотелось, с серого неба лил осенний нудный дождь.

После разговора с ней и пустых обещаний, которые он давал, не задумываясь, чиновник заторопился проводить ее до самого выхода из здания, так он провожал особо важных для себя персон. Тех, кто не был ему важен, он бесцеремонно выгонял из своего кабинета, делая вид чрезвычайно занятой. Ну, а уж совсем не важных, не хотел даже слушать, вставал и выводил из кабинета. При них запирали двери и улепетывал скорой походочкой в кабинет знакомого

чинуши, где за стопочкой коньячка и неспешной беседой со своим приятелем проводил часок-другой в надежде, что неудобные ему люди уже соскучились, потеряли терпение да удалились восвояси.

Ведьму он проводил до выхода и, протягивая ей свою визитку, сказал экивоками, намеками, что рад был бы еще раз увидеться, быть может, в неофициальной обстановке, скажем, у него дома, а?

Ведьма сразу же, резко его осадил и заявила, что не любит хитрых людей с коварными душами, а он именно таков, в этом нет для нее никакого сомнения.

Чиновник растерялся, впервые получив отказ да еще произнесенный столь категорично.

Он вышел на улицу мокрую от дождя. На кончике носа у него повисла капля. Холодный дождь будто висел в воздухе, оседая мокро и гадко на одежде, на непокрытой голове и седых волосах.

Все травы, листья деревьев, кусты промокли, от земли пахло прелой листвой, с мостовой несло запахом свежего конского навоза, как видно только что проскакала лошадь, в обыкновении украшенная цветными бантиками, катавшая детей в городском парке.

Чиновник затравленно огляделся, настроение у него сделалось отвратительным. Он вернулся в свой кабинет, заперся, достал из шкафа подаренную просителями бутылку дорогого вина. Через час уже спал, раскинувшись на кожаном диване, чтобы к вечеру проснуться трезвым к своей прежней «сверхзанятой» жизни.

Зеленоглазую ведьму чиновник более не видел, она к нему как видно более не захотела обращаться...

Конец света

21 декабря 2012 года, в обещанный день, когда по календарю Майя, должен был наступить конец света, в Ярославле, в губернаторском дворце, что на Волжской набережной собрался народ, решившийся перейти на тот свет с шиком и блеском.

Зал дворца залитый ослепительным светом хрустальных люстр переливался волнами настоящих и поддельных драгоценностей надетых на шеи и пальцы полуголых красавиц в вечерних платьях. Рядом с красавицами гордились, выставя напоказ живых рабынь, воры в законе. Тут же, с тем же, волновались облысевшие от нервной работы толстые чиновники и нагловатые хозяева ресторанов да крупных магазинов.

Безвкусно разодетые пожилые богачки под руку с молодыми ухоженными альфонсами улыбались злыми дрожащими улыбками и следили за движениями своих юных рабов также ревниво, как и папики следили за юными рабынями.

Иной раз в толпе, правда, мелькала некая молоденькая дурнушка прячущаяся за спиной блистательной мамашки с огромной прической на голове и сверкающей бриллиантовой заколкой в волосах.

Играл камерный оркестр и музыканты в черных фраках и в белых накрахмаленных рубашках, нет-нет, да и постреливали любопытными взглядами в сторону важных гостей.

Официанты, одетые с иголки, в белых перчатках, лавировали с подносами уставленными бокалами шампанского и жадное внимание толпы к содержимому бокалов, только придавало стремительности их передвижениям по залу.

– Скучно умирают, сволочи! – лениво обронил один из ротозеев, заглядывавших в окна дворца и продолжил, презрительно плюя в заснеженные статуи в губернаторском саду, – Богач нарядился – бог наградил! Бедняк нарядился – откуда добыл? Гадство все это. С гадами всегда так, все, что ни делают, все будет по-гадски!

Остальные двенадцать человек, повисшие тяжелыми кулями на старинном железном заборе были полностью согласны со своим предводителем.

Предводитель компании, огромный, рыжебородый мужик, заметно пьяный, но из таких, кому выпивка только энергии придает, придерживался более-менее двух таких же здоровенных детин. Глядя на них, верилось, что они вполне могут подкову согнуть голыми руками. Двое долговязых юношей топтались возле детин и изредка вставляли басом: «Послушай, батя!» Как видно, это был семейный тандем. Один маленький человечек, неопределенного возраста, суетился возле предводителя. Он что-то без умолку трещал, неразборчиво чирикавая и его никто почти и не слушал. Еще один такой же придерживался уже маленького. Драная куртка у него была распахнута, во внутренних карманах куртки виднелись какие-то темные бутылки, заткнутые почему-то скрученными газетами. Остальные шестеро готовы были повсюду следовать за первой шестеркой. Они бойко помахивали руками, притоптывали на месте от нетерпения и придерживали оттопыренные карманы, из которых выглядывали такие же бутылки со свернутыми газетами, что и у мужика в драной куртке.

Не долго думая, компания перемахнула через забор и что-то такое поделав, чем-то пощелкав, вдруг, метнула несколько бутылок с горящими газетами в яркие окна дворца. А сами моментально ретировались обратно через забор и ринулись прочь.

Раздался звон разбиваемых стекол, тут же прогремело несколько оглушительных взрывов. Визг и стоны раненых сладкой музыкой прозвучали для хулиганов.

– Ну что, христосики, – сплюнул себе под ноги, рыжебородый мужик, – продолжим, не благословясь?

– А чего это ты нас христосиками обзываешь? – обиделся один из детин.

– А потому, – наставительно поднял палец рыжебородый, – апостолов было двенадцать и вас двенадцать.

– Но ты-то не Христос! – заметил ему ехидно маленький человечек. – За Богом пойдешь – ничего не найдешь!

Рыжебородый услышал его и усмехнулся:

– Скорее уж я Антихрист, потому как если Бога просить, то нечего будет в рот носить...

Они оглянулись. Губернаторский дворец горел, словно яркая свеча на Новый год, огненные языки пламени вздымались высоко-высоко, достигая порою скопившихся над городом темных свинцовых туч, угрожающих горожанам обильными снегопадами и метелями.

Мимо антихристов промчались, оглушительно воя, пожарные машины, вслед, взвизгивая сиренами, пролетели полицейские газики, замыкали процессию несколько «газелей» «скорой помощи».

– Ищут пожарные, ищет полиция, – задумчиво прокомментировал Антихрист и вдруг, затянул гнусаво, – Со святыми упокойтесь!..

Остальные ему вторили. Все вместе они, почти стройно, почти хором, пропели:

– Вечная память!

Отпели, помолчали, сняв шапки и рыжебородый перекрещенный дружками в Антихриста, простонал:

– Скучно-то как, Господи, скорее бы уж конец-то! – и упал на колени, обращая лицо к небу, быстро проговорил некую молитву. – Прости, боже, на этот раз, да еще десять раз, а там посмотрим!..

– А я знаю чего делать! – объявил один из долговязых юношей. Остальные склонили головы, придвигаясь поближе к товарищу.

Через несколько минут вся группа уже шагала, широко размахивая руками через Октябрьский мост. Посередине моста стоял человек и как видно от нечего делать плевал вниз, на замерзший лед Волги.

Антихристы остановились, поглядели-поглядели, Рыжебородый вздохнул, обращаясь к новоявленному верблюду:

– Скучно живешь, дядя!

И склонился, чем-то щелкая. Через короткое время послышалось шипение и треск, а после, вниз полетела, пуская огненные искры, бутылка.

Компания с хохотом бросилась бежать дальше по мосту. «Верблюд» мгновенно сообразив, что дело «пахнет керосином» кинулся через дорогу, под колеса редкого транспорта и, оказавшись на другой стороне моста, побежал что есть мочи в сторону полыхающего губернаторского дворца.

Внизу, между тем, стукнуло, вздренькнуло, старый мост ощутимо вздрогнул, но устоял. А с берега, на взрыв, произошедший на льду, повернулись многие. В том числе и представители специальных служб. А вскоре и напуганный «верблюд» попал в руки полицейских. После коротких расспросов картина еще предстоящих беспорядков ясно встала перед взорами помрачневших стражей порядка.

Через чуть пошатывающийся Октябрьский мост в сторону Твериц, где на Тверицкой набережной наряду с покосившимися домиками доживали свой век немногочисленные старушонки и возвышались огромные минареты чиновников, воров в законе, помчались с визгами полицейские газики.

Но опоздали. В окна минаретов и замков летели уже ласточками бутылки с зажигательной смесью. Череду взрывов, оглушительного рева пламени слышна была тем, кто, обожженный и напуганный, толпился возле горящего губернаторского дворца.

Один из чиновников, перемазанный в черной саже и потерявший весь свой шик и блеск, вдруг, вскрикнул плачущим голосом:

– Так вон он каков, конец света!

А антихристы? Они обогнули мечущихся по Тверицам полицаев и бегом кинулись обратно через Октябрьский мост.

Горячее еще было. Недолго думая, «террористы» перегнувшись через перила, метнули бутылки с зажигательной смесью под одну опору моста.

– Она самая ненадежная, – закричал Рыжебородый, стараясь перекричать вой приближающийся полицейских машин, – вся в трещинах, по осени, мой товарищ, рыбачил под этой опорой и говорил, что трещины величиной в кулак, еще немного и все, мост рухнет!

– Тоже сволочи, ни черта не ремонтируют, – мрачно прокомментировал маленький человечек и добавил со смешками. – Надо это недоразумение срочно исправить!

Его все услышали. Серия взрывов последовала почти сразу. И тут же раздался страшный скрежет, мост пошатнулся, принялся покачиваться, сильно смахивая на пьяного человека, который еще не решил, как ему удержаться на ногах и куда свалиться, ежели чего.

Компания в это время как раз спрыгнула с лестницы моста и наблюдала, отбежав вплотную к бывшему «Маяку».

Мост, как бы предупреждая редких по случаю позднего времени автолюбителей о том, что не все благополучно, раскачивался сильнее и сильнее. А затем, как-то сразу, вниз, рухнула середина моста, увлекая за собою белые фонари. Уже на лету фонари погасли, и весь мост погрузился в темноту. Успевшие вовремя среагировать автолюбители ответили похоронным гудением клаксонов. Антихристы, напротив, были довольны, бросая вверх шапки, орали нескончаемое:

– Ура! Ура! Ура!

Их предводитель повернулся к бывшему «Маяку», а ныне сотовой фирме «Билайн» и с угрозой в голосе прошипел:

– А ведь я, ребяташки, когда-то, здесь, работать начинал и назывался завод «Красный маяк», может слышали?

– А то, – дружно поддержали его остальные.

Через короткое время блестящая фирма «Билайн» загорелась.

Пожары теперь полыхали такие, что заспанные обыватели, высыпающие на улицы, не знали, куда и кинуться. Затор из автомашин перед мостом только увеличивал панику. Весть о рухнувшем Октябрьском мосту вообще доконала ярославцев и на колокольни города полезли, не сговариваясь, духовные особы. Колокольный звон тревожным набатом зазвучал над городом, приводя многих в замешательство и ужас.

– Вот эта музыка по мне, – удовлетворенно кивнул Антихрист, – а то скучно как было, а тут и время пролетело незаметно. А кстати, сколько времени?

Маленький человечек вздохнул недовольный:

– Так уже половина первого.

– Стало быть, полчаса как двадцать второе декабря? – сразу погрузнев, осведомился Рыжебородый.

– А то, – печально, повесив головы, вторили ему его дружки.

– И конец света отменяется? – все не верил Антихрист.

Антихристы молчали, убитые новостью, они вздыхали и томились.

– Ну, так за это надо выпить! – оптимистично предложил Рыжебородый. – А конец света обязательно будет, не горюйте, братцы, эх, и повеселимся же мы тогда!

И все загудели, окрыленные предстоящим будущим, тронулись, не спеша, в полуночный магазин, чтобы накупив спиртное, отпраздновать так и не состоявшееся обрушение мира и выпить за будущее.

А в городе до утра еще пылали дома чиновников и воров, выли сирены, по тревоге были подняты все службы города. Полиция металась по дворам в поисках злоумышленников. Но зло-

умышленники уже растворились в позднем ритме города, превратившись в тени, став, до поры, до времени, никем и ничем, чтобы с очередным концом света вылезти партизанами из щелей и ям своих нищенских жизней и с нотой протеста ринуться крушить, поджигать, ломать...

Изгой

Среди колдунов Индии существует мнение, что каждый человек имеет свой внутренний возраст согласно которому он и выглядит, и поступает... Так, почти все правители мира явно переступили за черту совершеннолетия. Люди более-менее умные и занимающие высокие посты вроде директоров, начальников, заместителей начальников заступили за черту пятнадцати лет. Ну, а общество в целом – те еще подростки, способные разве что тупо следовать за более старшими, то есть уже перечисленными выше. Однако, есть и такие, кто так и остался детьми – это пьяницы, их внутренний возраст не превышает и десяти лет, иные скатываются даже к пятилеткам, не способным нести ответственность за собственную жизнь и они – изгой общества.

Автор

Воробьи совершенно по-весеннему радостно чирикали, перелетая небольшими стайками с еще черных голых кустов. Случайные шмели, тяжело гудя, приставали к девицам, неосмотрительно нарядившимся в цветастые платья. Один нашел, залез с головой в огромный букет алых роз, что нес в обеих руках прифрантившийся, очень довольный собой и предстоящим счастливым событием мужчина средних лет, не больно красивый, даже напротив, совсем не красивый, а одутловатый, с красной рожей, по всему виду, пьяница. Только наличие красивого букета и привлекало к нему внимание женщин, они долго провожали пьяницу взглядами, пытаясь угадать, кому же он несет столь шикарный букет, может жене или любовнице? А глядя на его пропойную физиономию, всякая тут же понимала, что букет предназначен жене, станет такой мужик тратиться на дорогостоящие цветы для какой-то там «фурсетки». Проштрафился, ясное дело, пил где-то, а может и дома не бывал с неделю-другую... Сопровождаемый навязчивым роєм мыслей прохожих и не менее навязчивым роєм голодных шмелей дошел он до зашарпанного подъезда серой многоэтажки, таких в любом городе России понастроено великое множество, обломки былой цивилизации, разрушенной весьма предприимчивыми людьми... и пропал в черном зеве подъезда, будто и не был.

В прихожей шептались, тихий плач перемежался с едва слышным сморканием. В комнатах приготавливались к выносу тела.

Он поспел как раз вовремя, чинно сошел по лестнице вслед за гробом и толпой скорбящих.

На кладбище, он, как и все бросил комок земли на крышку гроба, воткнул в свежий холмик свой букет роз и вышел к автобусу, где его уже поджидал брат:

– Доволен? – сразу спросил брат, хмуря брови.

Пьяница привычно расслабился, сделал невинное лицо.

– Мать квартиру тебе завещала! – буркнул брат, сунул ему ключи и отвернулся.

– Да! – обернулся он в следующую минуту, когда уже пьяница тронулся к автобусу. – Будь милостив, оставь нас с нашим горем в покое, а сам ступай прочь!

Ни слова не говоря пьяница уступил брату. Внутренне он смиренно кланялся, зная, что виноват, что поминки испортит своим неумным пристрастием к спиртным напиткам. Похоронная процессия прошла мимо него. Он чувствовал, как из-под черных шляп и платков на него косятся близкие и дальние родственники, но не шелухнулся, давая им повод как следует себя разглядеть, весь превратившись в смущение и робость, актерствовать ему было не привыкать. Да и что такое, по сути, жизнь пьяницы? Правильно – вечная игра, только зрители, как правило, не особо рады этой игре...

Автобус захлопнул двери, газанул и пропал вдали. А пьяница вернулся к могиле матери. Постоял, подумал, огляделся и внезапно заметил на соседнем холмике целую бутылку водки. Закуску он тоже быстро нашел, куска черного хлеба оказалось вполне достаточно.

Пил долго, беспробудно. Просыпался иной раз ночью, вглядывался в звезды, сияющие ему с далекой высоты, и снова засыпал. Утром опохмелялся и ждал, сидя в засаде, следил за похоронными процессиями. Днем и вечером пил оставленную на могилках водку.

На девятый день после похорон родственники, согласно русской традиции, пришли помянуть мать и тут... брат вытащил его из кустов:

– Ты? – воскликнул он, с отвращением оглядывая страшную, всю в репьях, одежду пьяницы. – Так тут и остался?

Пьяница кивнул, кротко улыбнулся и, выскользнув из пальцев брата, бросил ему ключи от материнской квартиры.

– Оставь ее в покое! – негодовал брат. – Ты и после смерти возле нее ошиваешься!

Пьяница ничего не ответил, а лишь неожиданно быстро, на четвереньках, ускакал в буйные заросли кустов разросшихся по краям кладбища, прибежище голосистых соловьев и армии смертоносных клещей. Пьяница затих в этих кустах, более необнаруженный.

Родственники еще пошумели по поводу его неадекватного поведения, но все-таки ушли, оставив, все по той же русской традиции, стакан водки на помин души матери...

Прошел месяц. Пьяница жил на кладбище. Он устроил себе лежбище в кустах и глядел оттуда на рыдающих людей хоронивших своих близких, не приметный для окружающих. С наступлением вечера оживал, выползал из своего убежища, собирал спиртное, закусывал, чем бог послал, иногда наедался конфетками, иногда довольствовался кусочком печенья, а после уползал в свое логово бесчувственный к укусам комаров и клещей, отрубался до следующего дня.

О чем он думал, к чему стремился? В его заросшей лохматой голове не появлялось ни одной мысли. Они будто исчезали все, одна за другой. Так прошло лето. Наступила осень.

Родственники установили памятник матери, брат, врывая ограду, еще несколько раз оглянулся на кусты, где прятался пьяница. Тревогу и тоску, брезгливость и отчуждение, пьяница увидел сразу. Брат никогда его не любил, а только все стремился закрыться от него, не вступать с ним в контакт.

Куда как весело рассмеялся пьяница родственникам вслед, когда они покидали кладбище. Слышали ли они его смех? Наверное! Брат, во всяком случае, вобрал голову в плечи и прибавил шаг.

А пьяница долго-долго стоял потом перед мраморной плитой вглядываясь в знакомые черты, изображенные на памятнике. Сердце его щемило, душа стремилась к той, что была ему матерью:

– Мама! – рыдал он, обнимая памятник. – Мамочка, зачем ты меня оставила?

Он чувствовал себя маленьким брошенным мальчиком, так себя ощущают иные дети, впервые оставленные родителями в детском саду. Это состояние хорошо знакомо детдомовцам.

Поздней осенью, с первыми заморозками он замерз, его обнаружили в черных голых кустах чужие люди.

Родственники его похоронили, в могилку врыли деревянный крест. С цветной фотографии, где он еще молодой, почти мальчик, светло улыбался, протягивая руки к маме, благо и лежали они теперь рядышком, пьяница, как ни крути, своего добился...

Дневник дурачка

То, что тринадцатое – самое несчастливое число на свете, я лично убедился в полной мере

Пятница 13-е (Один месяц сего года)

Мне не везет, вот и сегодня, в пятницу 13-го в трамвай влезла женщина больших форм. Такая огромная, что еле-еле протиснулась в узкие двери трамвая. Отдышавшись, она сразу устремилась ко мне, мирно сидевшему на одном из многих сидений. Мест пустых было хоть отбавляй, но женщина пожелала занять именно мое сиденье.

Однако, вместо того, чтобы вежливо попросить уступить ей место, принялась пыхтеть, тараня меня своим животом.

В панике от неожиданной атаки я вскочил и убежал в самый дальний конец трамвая. Оттуда удивленно наблюдал, как наглая баба что-то бурча себе под нос, расположилась на сидении, ее объемистый зад тут же свесился по обеим сторонам трамвайного кресла.

И тут до моего слуха донесся восторженный шепот двух школьников. Они стояли возле меня, не желая садиться и дурачась, изредка подпрыгивали, раскачиваясь на верхних поручнях. Явно они видели всю сцену произошедшего. Их взгляды, изредка устремленные на меня, выражали сочувствие, над бабой же они откровенно потешались:

– Представь, – шептал один другому, – как она на унитаза садиться!

– Это какой же должен быть унитаз?! – вторил ему другой.

Я тоже представил и, разразившись насмешливым хохотом, выскочил на своей остановке...

Просто 13-е (Следующий месяц сего года)

Мой старший брат, обласканный судьбой, решил жениться. Накануне свадьбы, вечером собрал мальчишник. В доме было не протолкнуться. От мужицкого духа кошка бы сдохла и бабка Клава, наша с братом бабушка, ретировалась ночевать к подружке-соседке.

А у моего брата, под влиянием выпитого разгорелись глаза. Он вскочил, широко размахивая руками, готовый к подвигам и загремел:

– Дайте мне дубину, я пойду кого-нибудь убью!

– На, – протянули ему лопату, – иди, убей огород, вскопай как следует!

– Это будет великое дело? – спросил мой брат.

Пьяные дружки кивнули ему в ответ.

Утром бабка Клава вернулась от соседки, по привычке сразу же вышла на огород и обмерла. Все ее гряды с укропом, луком, морковью, а главное с картошкой были тщательно перекопаны, мало того, не осталось даже дорожек между грядками.

Заметив пучок укропа уже успевшего подвдвнуть под утренним солнцем бабка Клава завывала будто над покойником:

– И кто же это сделал, кто же такое сотворил?

С дальнего угла огорода, из-за вскопанной гряды вынырнула лохматая голова ее старшего внука:

– Я! – и голова упала обратно.

А бабка Клава надолго застыла с разинутым ртом, ну что тут сказать?!

13-е число (Последующий месяц сего года)

Солнце озарило комнату. Занавески на окне не задернутые были с вечера, и солнечные лучи беспрепятственно проникнув внутрь комнаты, беззастенчиво высветили валявшиеся в беспорядке, на загаженном полу, тела. Изредка, правда, тела эти шевелились, поворачивались, почесывая потные бока. Мало-помалу разинутые рты, издающие оглушительный храп, закрывались.

Пьяницы просыпались и, сменяя друг друга пили жадными глотками холодную воду из чана, куда в обыкновении мы с братом натаскивали ведер с водой из колодца. Вытирая потрескавшиеся от сухости губы, пьяницы толкались и вновь пили, стремясь залить внутренний алкогольный пожар.

Тесть брата, сложив руки на пивном животе тяжело сопел в кресле, в гостиной, изредка всхрапывая и запрокидывая голову, просыпался, бессмысленно тарачился перед собой, а после опять засыпал и, свесив голову на грудь, пускал, вдруг булькающие звуки более похожие на то, как будто кто-то хлебает чересчур горячий суп.

Невесты нигде не было видно, и бабка Клава исчезла. Может, их похитили инопланетяне? Нет, никогда не женюсь, лучше пойду, утоплю голову в бочке с водой, во дворе...

13-е (Какой-то месяц сего года)

Брат снял комнату в коммуналке. Поселился с женой. На правах гостя я совершил экскурсию и был поражен обилием людей скопившихся в вечерний час у четырех газовых плит на кухне. Над головами переговаривающихся о чем-то несущественном соседей висели протянутые накрест веревки с сухими пеленками, цветными мужскими трусами-семейниками и белыми огромными лифчиками.

Ванная в коммуналке была одна и туалет один, а жителей много. На стене, в коридоре висело расписание с номером комнаты, жильцы которой обязаны были мыть и прибирать в такой-то день кухню, ванную и чистить унитаз.

Я вернулся в комнату, к молодоженам. В полутьме мерцал магнитофон, тихо мурлыкала музыка, светились глаза женщин, переплетались тени, слышались страстные вздохи и шепотки проносились от одной пары к другой, передавая по эстафете любовную лихорадку.

Как ошпаренный, вылетел я в коридор, не желая связываться ни с одной из представительниц «слабого» пола.

На кухне, женщина больших форм, та самая, из трамвая, в легком маленьком халатике трещащем при каждом ее движении говорила соседкам о своей любви к холодным котлетам.

Как во сне, я проследил за ее движениями. Отрезав большой ломоть хлеба, она уложила на него котлету, оглядела любовно, прищурилась, поднесла ко рту и... я позорно бежал.

13-е (Еще какой-то месяц сего года)

Бабка Клава попросила меня зайти к соседке. Соседка обещала дать розовый куст, не весь конечно, а так, для роста. Вечно эти бабушки чем-то обменивались. Но не только куст интересовал бабушку Клаву, а возможность подработать, об этом и должна была поведать мне соседка, так как с подработкой у нее было все в порядке, не то, что у меня...

Маленькая старушка-соседка провела меня в дом, где было белым-бело: покрывало на кровати, кружевная круглая салфетка на стене, занавески, узорчатая скатерть на столе. Накрахмаленная до хруста поразительная эта чистота поразила меня в самое сердце. Вот так же родная бабка Клава – «роднулечка-бабулечка» бывало, стирала, белила, крахмалила мои школьные рубашки. Натаскивала из колодца воды, кипятила в печке, в котелках, а после

стирала в корыте, трудилась. И я, боясь потревожить хрусткую белизну надевал белоснежную рубашку с трепетом, подвязывал воротник пионерским галстуком.

Внучка у бабушки-соседки глазастая и деловитая. Они обе активные:

– Пенсии плотют махонькие, – пояснила соседка, – приходится робить.

И она, бойко шаркая, принялась раскидывать газеты по почтовым ящикам улицы.

– А ведь што нам старым и не жить? – повернулась она ко мне. – На пенсии отдохнуть бы, мир повидать, съездить на юга косточки погреть. Пенсия – слезы, на хлеб, на налоги едва хватает. Пенсионеры – не люди, для нашего царя-батюшки кормить стариков, ой, как трудно. По всему видать мечтает он от нас отделаться да в могилы поскорее загнать.

Я молчал и пожирал глазами внучку. Она дичилась, но поглядывала. Зовут Настя.

13-е (Месяц сего года)

Размечтался о девчонке-соседке. Настей звать. И вот результат. Из больницы вышел. Выписали. Сказали, дома долечишься. Подумаешь, какой нашелся. Всего-то ребро сломал, легкое ребром пробил. А пациент из седьмой палаты хребет переломил, пьяным с пятого этажа сиганул, жить надоело и ничего не жалуется, дома лежит-полеживает, жена его заместо медсестры уколами потчует, услуги медиков нынче дороги, легче самому научиться уколы себе вкалывать, наркоманы же могут.

Нет, я не жалуясь, но все же этот из седьмой палаты целый месяц в больнице провалялся перед тем, как его домой вышибли, а я лишь три дня! А у меня ребро сломано, легкое пробито, с присвистом разговариваю, потому как передних зубов нету!

Я к главврачу пошел. А он улыбнулся мне дежурной улыбкой и по спине меня, по-отечески постучал, мол, ты кто? Ты – человек обыкновенный, не богач, а стало быть, нам, врачам, ты не интересен.

А у меня ребро сломано, легкое пробито, с присвистом разговариваю, руку переломил, нервный тик правого глаза получил, так что не знакомым людям все кажется, будто я им подмигиваю.

Пошел правды в соседнюю больницу искать, психиатрическую. Там, хорошо. Пациенты по стенкам слоняются, сами с собою разговаривают, себе же поддакивают, ну точка в точку, как обычные люди по сотовым телефонам.

Главврач психиатрической на меня посмотрел, выслушал, посочувствовал и записал меня в клиенты своей больницы.

А у меня ребро сломано, легкое пробито, с присвистом разговариваю, руку переломил, нервный тик получил да еще и голова затряслась.

В психиатрической и переломы мои решили полечить. И хотя я – человек обыкновенный, не богач, а выписывать меня не торопят. А мне того и надо, глядишь, ребро срастется, легкое поправится, рука как новенькая станет, тик пройдет, а голова трястись перестанет. Я ведь как эти увечья получил? Пошел к соседке с цветами, Настю повидать, а там ее ухажер, здоровенный десантник на побывку из армии приехал. Я же не знал, я же думал, будто Настя для меня одного предназначена. Казалось мне так. Считал я, что она сидела-посиживала с бабушкой своей и меня, такого хорошего, дожидалась. А тут десантник! Неожиданно и обидно! До крыльца я кубарем летел, а как с крыльца слетел, так и забылся.

А в психиатрической хорошо. Тихо. Вон в пятую палату самоубийцу с переломанным хребтом определили, опять, говорят, попытался сигануть на тот свет, ан, не вышло! Жена его воркует, ухаживает, а он на нее волком глядит и молчит, ну ничего, подлечат. Врачи, здесь, хорошие, старенькие, еще советской закалки и, стало быть за народ, страдающие. Недавно, женщину больших форм, что я в трамвае да в общежитии видал, тоже сюда доставили. Ока-

залось, одиноко ей чего-то сделалось, ну и наелась таблеток. Хорошая женщина, две кровати заняла, пружины под ней скрипят, но держатся.

Бабка Клава с братом моим принесли мне недавно кастрюльку с холодными котлетами, так пойду, угощу свою новую знакомую, чего уж там, от судьбы бегать...

Баянист

Ранним утром Первого мая Федор Иванович Колесников, пенсионер со стажем, причесался, спохватился, что позабыл умыться, почистил зубы и потрогав обросший щетиной подбородок тут же начисто сбрил всю шерсть. Тесный старинный костюм трещал по швам, и он грустно усмехнулся своим мыслям: «Вырос!» Обтер тряпочкой запылившийся футляр от баяна, проверил и сам инструмент.

Тульский баян ответил обрадованными переливами. Приободрившийся Федор Иванович щелкнул напоследок ногтем в одну из многочисленных фотографий, висевших в рамках на стене, где ему улыбались выпускники по классу «Баян» музыкальной школы номер семь города Ярославля. Впрочем, Колесников продолжал преподавать и, несмотря на почтенный возраст, более восьмидесяти лет, бегал по жизни бодрячком, не собираясь сдаваться на милость болезням и смерти.

Колонна единороссов сгоняемая со всех сторон суетливыми распорядителями только начала формироваться. Белые, голубые, красные флаги, составлявшие в целом триединство русского флага, трепетали на холодном весеннем ветру. Солнце светило ярко, но не грело. Люди поживались, переминаясь с ноги на ногу, боязливо оглядывались на присутствующих здесь же начальников. Все они и власть имущие, и простые смертные совсем не рады были предстоящему шествию, но «дежурные» улыбки на всякий случай натянули на посиневшие от холода губы.

Федор Иванович оказался как раз, кстати, со своим тульским баяном. Когда он развернул мехи и послал в толпу людей звуки плясовой музыки, когда пошел частить простые народные частушки про любовь да нелюбовь, куда только и девалось уныние витавшее, несмотря на яркое солнце, над толпой.

Баян перелетел за спину артиста, виртуоз продолжал играть, как ни в чем не бывало. Толпа дружно, без раздумий, отдалась во власть русских плясовых.

Сказывалось всеобщее равенство, мужики с силой топали, им в ответ топали женщины. Частушки, одна заковыристей другой перелетали от одной стенки танцоров к другой. Не уступая ни на пядь, будто от этого зависела вся их жизнь, лихие частушечники яростно сверкали друг на друга глазами и горделиво подбоченившись, наступали.

Русские всегда останутся русскими, при каком угодно правительстве всегда, тем более, что правители приходят и уходят... Скоро вокруг баяниста выстукивали каблуками, подпрыгивали, пускались вприсядку разные ловкие танцоры. Над головами неслись слова веселых частушек. Молодежь, удивленно хлопая ресницами, подвигалась поближе, находя народные частушки весьма похожими на моднявый реп.

Сияя начищенными трубами, протопал вперед сводный духовой оркестр и скоро под звуки марша, колонна единороссов двинулась к центру города.

Колесников помахал им вслед, свои ведь, русские люди, просто подневольные! Заставили! Куда денешься? А не явись, попробуй-ка на первомайское шествие, выживут из учреждения, вышибут с завода, куда пойдешь, чем будешь детей кормить?

– Плавали – знаем! – вздохнул Федор Иванович.

Через полчаса отхода огромной толпы единороссов на том же месте стали собираться немногочисленные коммунисты.

Им он играл светлые советские песни. Старики с чувством в голосе пели, им вторили плачущие ностальгирующие старухи. Колонна формировалась, баянист притягивал людей мелодиями полузабытых песен.

И вот, украшенный красным бантом, прикрепленным к петлице пиджака, сияющий от счастья Федор Иванович двинулся вслед за маленьким духовым оркестром.

Красные флаги реяли над стариками. По пути, постепенно к шествию присоединялись прохожие среднего возраста, молодежь не отставала. Активисты шествия тут же передавали новеньким красные бантики, ленточки, бумажные флажки, яркие воздушные шарик.

Старики пели и шумно шагали в ногу. Колесников, подхватывая на лету боевые марши духового оркестра и ловко подстраиваясь, помогал своей музыкой всеобщему ликованию.

Холода никто уже не чувствовал. Федор Иванович заметил давешних танцоров, они сумели сбежать с митинга единокороссов. Довольные, легко присоединились к демонстрации коммунистов, что было для них куда как привычнее, нежели лживые отчеты, речи сегодняшних управителей России.

После короткого митинга коммунисты не спешили расходиться. Колесников играл, а в перерывах потрясая уставшими руками, слушал отрывистые речи окружающих его людей:

– Я – советский человек! – ударял себя в грудь один худощавый старик. – У меня ни копейки за душой!

– Вот, лично тебе, сколько денег для счастья надо? – прозвучало где-то совсем рядом.

– Купить дом, – забормотал в ответ не молодой уже мужик, по виду простой работяга, – как минимум дом миллион рублей стоит. Трактор, дойную корову, мебель, по мелочи что-то, одним словом, на все про все тоже миллион рублей уйдет. «Уазик» не помешал бы, итого три миллиона рублей вполне хватит!

– А президент наш каждый месяц зарплату в три миллиона рублей получает! – съехидничал кто-то из толпы.

Ему ответили недоверчивым молчанием. Наконец, переварили информацию и ахнули:

– Это сколько в год? Куда ему такая прорва денег?!

Колесников вовремя разрядил накалившуюся обстановку плясовой мелодией.

До самого вечера ему не давали уйти. Песни, частушки, разговоры крутились вокруг баяниста резвым ветерком и высокое чистое небо сияло над головами собравшихся. А в центре города, на большой площади единокороссы в пику коммунистам устроившие концерт не знали, что поделаться с толпами пьяных гуляк набежавших отовсюду, на праздник жизни. Бутылки катались под ногами прохожих и скоро брезгующие подобным зрелищем добропорядочные не пьющие горожане переключались к коммунистам, затертым властями на небольшой дворик возле городского театра. Из толпы горожан вынырнули ученики Колесникова и он смог отдохнуть, передав свой инструмент в надежные руки молодых баянистов. Виртуозов среди них хватало.

День закончился для многих людей сказочно. И долго еще в городе рассказывали про Колесникова и его игру на баяне, оказавшуюся спасительной для стариков, да и не только для стариков. Молодежь города увлеклась народной музыкой, удивляя библиотекарей требованием выдать им книжки с частушками. В интернете беспрестанно блогеры обменивались боевыми стихами из военных песен советских времен. На улицах появились гитаристы и баянисты, мгновенно собиравшие внушительные толпы зевак. Все советские песенники шли в ход. Сами того не ведая, русские люди нанесли тяжеленный удар в солнечное сплетение власти единокороссов и чем? Тем, что возвернулись к своему прошлому, к корням и вычеркнули всю бездарщину заполонившую радио-эфир, что уж говорить о телевизионных передачах частенько «слизанных» с второсортных американских шоу...

И Федор Иванович радовался, что внес маленький вклад в победу над властью врагов народа:

– Значит и на них можно управу найти! – шептал он, посиживая на своем балконе, с восторгом прислушиваясь к народному пению, доносившемуся с улицы.

Единокороссы же растерянно молчали, надеясь, что возможно стихийное движение в сторону советских песен само по себе прекратится. Но прекратится ли, а?..

НОВЫЙ ГОД

В снежном вихре под лучами уличных фонарей, медленно-медленно кружились белые хлопья.

Крупные снежинки, сверкая и искрясь, бесшумно ложились на красный нос Ленки Куролесова переодетого Дедом Морозом.

Широко распахнув руки в красных варежках, он лежал, удобно раскинувшись в сугробе, и весьма прозаически храпел. Таким его и нашли...

В первом часу ночи, как известно, русские люди не просто выпивают, а отмечают праздник под гром новогодних салютов. Пороховые склады имеются в каждом доме, за месяц до праздника скупаются в диком ажиотаже бомбочки и петарды. А огромные ракеты, способные, кажется, долететь до Луны, русские покупают принципиально, говоря, мол, устроим тот еще Новый год! И устраивают же! Даже в захолустье, в глухих деревнях находится паратройка сумасшедших людишек неопределенного возраста, которым мало хлопушек да бенгальских огней и какая-нибудь глухая бабулька давным-давно живущая в мире тишины, вздрагивает от грохота взрывов, выскакивает за дверь своей старинной избушки и кричит, размахивая платком:

– Ура! Я слышу!

А в темное небо, пугая лесное зверье, летят ракеты и рассыпаются над головами восторженных зрителей сотнями разноцветных огней.

Остальные не отстают и только спят и видят, как бы перещеголять умопомрачительными запасами фейерверков соседей или друзей, родственников или врагов.

Но это и понятно. Народ, способный рассуждать, что в нынешней России надобно не выбыть из строя, а раз уж выбыл, так и помирай, нечего мучиться и мучить других, конечно же, готов, действительно готов к внезапной смерти. Именно, к внезапной...

Тем, кто погиб сразу, в одну секунду, завидуют и кивают со вздохом, что, мол, зато не мучился, а ты неизвестно еще как откинешься. В связи с этим русские совершенно не ценят свою жизнь. И только говорят:

– Работаем, пока ноги носят!

И потому пьяный Дед Мороз несомненно оказавшийся в беспомощном состоянии, кандидат во внезапные покойники, сразу привлек внимание гуляк высыпавших из многоэтажного дома на улицу.

Гуляки быстро определили, что Мороз еще живой и, не дав ему помереть, испытывая жадную зависть к такой легкой смерти, вцепились в него и без раздумий поволокли в тепло своей квартиры.

Без лишних церемоний Ленку Куролесова избавили от карнавальной одежды: шубы, варежек, накладной бороды и усов. В сторону полетели серые валенки и парик служивший Ленке вместо шапки.

Куролесов выглядел никаким, но в определенный момент он открыл глаза и уставился на присутствующих. Глаза его почти потеряли цвет, видимо от пьянства, но глядел он остро и будто ошупывал людей невидимыми радарами, излучая, одновременно и недоверие, и любопытство.

Он не ответил на вопросы о состоянии здоровья, но безропотно дал осмотреть руки, щеки и нос на предмет обморожения. Впрочем, гулякам пришлось повозиться, густой грим наложенный пластами на лицо Ленки, где были и румяна, и тени, и яркая помада, и даже черная тушь, подчеркивающая всю значимость и красоту редких ресниц Куролесова, не давал ясной картины. Однако, с помощью разных лосьонов удалось справиться и с этой напастью. И когда

выяснилось, что все в порядке, развенчанный Мороз поднялся на ноги, отстранил от себя своих доброжелателей, горячо заговорил, глядя на присутствующих убежденно и уверенно:

– Мы были всегда, – авторитетно заявил он, – вначале мы жили динозаврами. Моя жена, например, жрала всех подряд, она и сейчас жрет, в основном, меня. Я же жевал листья и траву.

– И сейчас жуешь? – хохотнул кто-то.

В ответ Ленька лишь фыркнул пренебрежительно, дернул головой, непримиримо подергал плечами:

– А когда «серые» развязали войну с инопланетянами и грохнули заряд ядерных бомб, чтобы все на Земле погибло, и планета никому бы не досталась, мы перешли в камни. Потом появились инопланетяне, растопили лед и мы перешли в инопланетян, вернее в их детей, которые и стали обзывать людьми. Постепенно, мы свели все способности и мозги инопланетян к нулю, развратили их и сейчас успешно деградируем к первоначальному состоянию, то есть, к тупым травоядным и плотоядным динозаврам, ну может, не таким здоровенным, но ведь и животные с насекомыми тоже значительно уменьшились! И, стало быть, делаем вывод, кто мы? А паразиты, вот кто!

И он неожиданно для всех расхохотался, напоминая своим внезапным смехом и странной речью вконец обезумевшего человека.

Впрочем, гуляки тут же махнули рукой на ненормального Мороза. Кто из нас без странностей, особенно выпивши? А, если честно, вся наша жизнь в России – сплошное безумие.

Между тем, Ленька тут же позабыв о своих словах, уставился на чудо. У чуда были густые, белые, кудрявые волосы волнами ниспадающие до пояса. Темно-серые глаза, чрезвычайно спокойные, с поволокой, даже лучше сказать, томные. Красавица глядела на Леньку с ленивой любовью, пробирая его до самых глубин. У Леньки даже кожа покрылась «гусиными» пупырышками, несколько раз он сильно дернулся от внезапного озноба.

Он и не понял, как оказался с нею рядом, протянул руку, чтобы дотронуться до нее и тут же затрясся, когда она сама, внезапно, упала в его объятия и тесно прижалась к его груди. Минуту она серьезно и внимательно разглядывала лицо Леньки, а он потрясенно молчал, увидев в ее глазах серебристые звезды, наверное, прилетевшие с новогоднего ночного неба.

Красивая мелодия, зазвучавшая из магнитофона, привела их в чувство.

Они танцевали. И Ленька, ошалев от необычного ощущения, держал невесомую ручку красавицы в своей руке. У него было такое впечатление, что он во сне. Только во сне бывают вот такие моменты абсолютного слияния душ, когда не надо слов, а молчание не напрягает, а как бы очаровывает. Все это выбило его из колеи, и Ленька потеряв былую уверенность, просто слушал и только внимал всей душой ее движениям. И не было места для привычной животной страсти, хотелось ему лишь обожествлять ее. Хотелось целовать ее пальчики и прикоснуться губами к подолу ее праздничного платья, но не более...

Между тем, танец закончился и у Леньки появился конкурент. Твердой рукой он отстранил Леньку от прекрасной незнакомки, и красавица тут же обняла могучего кавалера, а на Куролесова больше не посмотрела. Ленька этого стерпеть не смог.

В драке с довольно сильным противником Куролесов явно проигрывал. Через несколько минут его, сопротивляющегося и негодующего, вытолкнули из квартиры, а потом и из подъезда на улицу. Вслед полетели его валенки, шуба, варежки, накладная борода и усы, а после кинутый меткой рукой, приземлился на голову Леньки и парик.

Он угрюмо оделся и долго вглядывался в дом, чтобы на трезвую голову найти своих обидчиков, а может и сорвать поцелуй с уст сероглазой красавицы, кто знает, это как повезет...

Тяжело потоптавшись и потирая отбитые в драке места тела, поплелся прочь. В душе у него открыто бушевало ледяное недопонимание ситуации, однако Ленька как-то так быстро подзабыл о своих невзгодах, потому как новогодняя ночь продолжалась, и в темное небо летели многочисленные ракеты, озаряя беспечных прохожих разноцветными снопами искр.

Карнавальный костюм деда Мороза, который, по правде говоря, Ленька случайно приобрел на барахолке у какого-то пропойцы, пришелся в новогоднюю ночь как нельзя, кстати.

Толпы подвыпивших людей бросались к Леньке, окружали, смеясь и пританцовывая, звали, тащили за собой, наливали в стаканы и шампанского, и водки, и бог весть что. Ленька не отказывался, а напротив, выпивал.

И тут, в числе прочих других, вылетел с заснеженных улиц на площадь, где вся в огнях сверкала большущая живая елка. А возле елки сцена и ряженные Мороз со Снегурочкой настойчиво приглашали к веселью. Звучала музыка. Плясали все, не разбирая, где, кто. Народ перемещался от своих к чужим, от чужих к своим и уже кто-то тщетно пытаясь найти знакомых, бродил посреди танцоров, но подхваченный вихрем большого хоровода забывал на прочь о своей цели и ошалело хохоча позволял себя увлечь в беготню вокруг елки.

Ленька обнаружил, что помимо своей воли приплясывает на месте. Сквозь хмельной туман, окутывающий его сознание он все-таки, нет-нет, да и ловил на себе взгляды прекрасных незнакомок. В конце концов, не выдержал и впрыгнул в хоровод, в последнюю секунду успев втиснуться между двумя блондинками. Блондинки крепко схватили его за запястья, потому как, к стыду своему, он таки пошатывался. Но в новогоднюю ночь все прошло. И после продолжительного забега в хороводе, змеей, в несколько оборотов окруживших елку и сцену с распоясавшимися новогодними героями сказок, Ленька внезапно для себя протрезвел.

А может, подействовали усиленные физические упражнения в виде бега или морозный воздух, как знать? Сам Ленька был убежден, что протрезвел из-за близости прекрасных дам, нет-нет, да и постреливающих в его сторону кокетливыми взглядами.

Хоровод распался и без передышки перешел к умопомрачительным ритмам одного из моднейших танцев. Блондинки со смехом увернулись, исчезли в беснующейся толпе. А Ленька тут же оказался в объятиях некоей маски. Куролесов сразу понял, что теперь он точно пропал. Сквозь ватин шубы почувствовал упругую большую грудь. Маска плотно к нему прильнула и, обнимая, заговорила бесстыдными словами о близости с ним, таким, к тому же переодетым Морозом.

Они танцевали медленный танец, хотя вокруг все исполняли быстрый. Маска играла с замирающим Куролесовым и целовала его в ухо отчего у Леньки звенело в ушах, но это было бы еще ничего. Как вдруг, танец закончился, и народ плотной волной кинулся к сцене играть с ряжеными Петрушками. Маска тут же бросила Куролесова и бросилась прочь, Ленька слабеющими пальцами еще попытался ее удержать, но схватил только шарфик, который немедленно выскользнул у него из рук под ноги толпе. Маска же легко скрылась в толпе, хотя нет, впрочем, помахала ему на прощание ручкой.

Куролесов попытался подпрыгнуть и высмотреть ее, но куда там, его поднесли на плечах и на руках, так, что не вырваться, к самой сцене.

Он сразу же получил приз в виде пакета с множеством маленьких шоколадок за самый лучший костюм на новогоднем маскараде и был вытолкнут обратно, в толпу, где тут же попал в плен к смеющимся девушкам и неловко, медведем, поворачиваясь между ними, протягивал пакет с шоколадками в качестве угощения. Чувствуя себя рыцарем, Ленька готов был упасть на одно колено и целовать хохотушкам ручки.

Между тем, кто-то из толпы уже протягивал Куролесову стакан до верха наполненный водкой. И Ленька покорно выпил, а потом орал вместе со всеми под веселую канонаду очередного бурного фейерверка, затеянного на площади веселыми гуляками. Но до того, как последний салют успел прогрохотать над землей, произошло еще одно событие.

Куролесов обнаружил себя в тесной темной палатке в обществе рыбака. И скромная свечка в бутылке освещала мерцающим светом заиндевевшую бороду рыбака, которую Ленька рассматривал с большим вниманием. Рыбак молчал и пялился на маленькую лунку у себя под ногами. В руке у него была небольшая удочка. На льду валялось несколько рыбешек.

В руке у Куролесова неожиданно что-то булькнуло. Он вздрогнул, схватился за сердце, поглядел с опаской, но оказалось, что это всего-навсего початая, хотя еще и полная бутылка шампанского. И вдохновившись находкой, Ленька смело протянул ее угрюмому рыбаку. Рыбак поднял белые от мороза ресницы, поглядел на Куролесова и неожиданно застенчиво улыбнулся.

А Ленька горячо заговорил:

– Рыбаки? Да, это же тихие сумасшедшие. Вон они маячат на льду! Сидят черными воронами над лунками, часами сидят, чего-то ожидая и медитируя над поплавками.

Рыбаки – это особые люди. Они почти не думают, а как бы спят с открытыми глазами, погружаясь в сладкий плен плещущейся воды. Их образ жизни – это особая Вселенная. Им не так улов важен, как кажется. Кому улов важен, тот не рыбак вовсе, а охотник. А настоящий рыбак ходит на рыбалку не столько за добычей, сколько отдохнуть от домашних, отдохнуть душой, удочка же – только предлог!

По окончании своей речи он обнаружил, что пьет из пластиковой кружки самогон, который от щедрот своих налил, почему-то из термоса, молчаливый застенчивый рыбак.

Уже под утро Ленька Куролесов нашел свой дом и свою квартиру. Поскребся в двери. Тут же и открыла жена. Ленька еще попытался поклониться, но не удержался на ногах, а мягко шлепнулся, ей под ноги, на пол.

– Шпать домой! – удовлетворенно пробормотал он, засыпая.

Жена, располневшая от родов троих детей и солидного возраста, сильная женщина, хмыкнула на пьяного мужа. Впрочем, тут же за шиворот втащила его в коридор квартиры, а затем и в маленькую комнату, где бросила, как есть, в карнавальном костюме, отсыпаться на коврик. Компанию бывшему Морозу составил толстый и ленивый пес, довольно привычно привалившийся к хозяину. Ленька еще прошептал ему на ухо последнюю в этот день речь:

– Жена должна быть тенью мужа. Муж пьет, и жена должна пить. Муж гуляет, и жена должна гулять. Муж спит, и жена должна спать!

И потянулся целоваться, а наткнувшись на лохматую шерсть пса, помотал головой, бормоча с отвращением:

– Муж бреется, и жена должна бриться!

На что пес ответил продолжительным вздохом.

А жена Леньки Куролесова шаркая мягкими подошвами домашних тапочек заглянула в другую комнату, где на своих кроватках спали ее дети, трое сыновей, один меньше другого.

Посреди комнаты раскинулась новенькая железная дорога, которую она подарила от имени обоих родителей самому младшему сыну. Средний получил долгожданный конструктор и нагородил уже рядом с дорогой целый замок. Старший улыбался во сне, потому как не очень новый, но все же хороший компьютер, появился у него на письменном столе.

Она вздохнула, улыбаясь и пошла прибирать праздничный стол в гостиной, убирая в холодильник бесконечные тарелочки с недоеденными кусочками торта и салатиков. Нет, все-таки, праздник удался... И после, все прибрав, разобравшись с посудой, помыв полы, побрела, наконец, спать в маленькую комнату, мечтая о мягкой кровати. Там ее уже ожидали двое привычных, как солнечный рассвет за окном, уютно свернувшиеся на коврике клубочками, старый пес и старый муж...

Фея

Говорили, что она подменьш, что не человек, а именно фея...

Она и вправду походила на фею. Все у нее были кружева на воротниках и манжетах. Она носила немыслимые для нашего времени шляпы с вуалями, изящные кофточка и длинные приталенные юбки.

Очень спокойная, всегда улыбалась задумчивой улыбкой. Никто никогда и не видывал ее раздраженной или просто сердитой.

Говорила она мало, но всегда так, что ее собеседник или собеседница просто терялись. Казалось, мудрости ее нет предела, и ее побаивались. Женщины, даже самые умные не могли найти с ней контакта. А мужчины, по природе своей чрезвычайно самолюбивые создания, опасались ее, потому как не хотели выглядеть в ее глазах тупицами.

Правда, однажды, ею увлекся один мужчина. У него оказалась чрезвычайно страстная натура, он любил сразу пять женщин и метался между ними, испытывая почти физическую боль при их просьбах о браке с каждой из них, единственной. Он страдал так сильно, что, аж качался при ходьбе и часто забывался, застревая столбом на одном месте и глупо глядя вдаль.

Фея называла его уменьшительно-ласкательно Ванечкой. Впрочем, его домогательства и призывы к физической близости она удивленно отклоняла. И все чего он смог добиться – это разве что выманить ее на вечернюю прогулку по парку. Было это в мае. Они гуляли неторопливо, будто супруги сто лет состоящие в браке и только изредка она, вдруг, замирая, шептала восторженно про соловьев, так и заливающихся в переливчатых трелях, где-нибудь, в кустах:

– Ты только послушай!

А он не слушал, все его тело хотело только одного – ее! Какие там соловьи! И Ваня с жадностью провожал взглядом каждое ее движение и сотрясался внезапной мелкой дрожью страсти, когда она в простоте душевной брала его под руку, склоняясь головой в темной короне пышных волос к его плечу.

Ему хотелось накинуться на нее голодным зверем, растерзать ее одежды и насладиться ею. Голова его пылала, все плыло перед глазами и он совершал невероятные усилия воли, чтобы успокоиться, сдержаться и выглядеть более-менее приличным человеком.

Ничего подобного Иван раньше никогда и ни с кем не испытывал, женщины ему отдавались без раздумий.

Фее было за тридцать, не девчонка уже и ее отказы его шокировали. Тем более, она постоянно поглаживала свою шею, машинально проводила рукою по груди, мысленно, как видно, отмечая те места, куда бы она хотела, чтобы он ее поцеловал. Но едва он делал попытку, как она отводила его не дрогнувшей рукой в сторону и категорически качала головой:

– Зачем это? Не надо!

Он терялся в догадках, пробовал следить за нею, но так ничего и не выследил. Расспрашивал ее соседей, но так ничего и не добился. Она явно жила одна, любовников у нее не было, в порочащих связях никто ее уличить не мог.

Он использовал все известные способы охмурения: таскал ей конфеты, пытался одурманить вином и тут пьяную обработать! Но она не пила, а только глядела задумчиво на свет сквозь бокал и восторгалась, что вино просвечивает и в красном свете алкогольного напитка замечательно четко видно Луну за окном.

Ваня совсем отощал, одурел и окончательно потерял голову. Дошло до того, что ему опротивели все его многочисленные любовницы. Он собрал вещи и ушел от жены к родному брату, любителю выпить и почесать языком. Брат, старый холостяк, одиноко живущий на свете вот уже которое десятилетие, обрадовался долгожданному собутельнику и сидя на кухне, привычно разливая по стаканам портвейн, рассуждал, ратуя за свободные отношения:

– Замужние дамы рано или поздно становятся стервами, и у них появляется эдакий взгляд... загнанный что ли.

– Почему? – тупо спрашивал неудачливый воздыхатель феи.

– Да, потому что, – наставительно продолжал гнуть свое старый холостяк, – что они теряются в догадках и мучаются, с кем грешит сейчас их муженек, где он, куда пошел, сколько выпил? – и он демонстративно поболтал в стакане портвейном. – А у свободных дам взгляд открытый, оценивающий. Они смотрят так, будто вещь покупают.

И он прицокнул языком, поводит рукой перед носом согласного на все собеседника и повторил, убежденный:

– Эдак!

Ваня только тяжело вздохнул, вспоминая взгляд феи, не оценивающий, не загнанный, а какой-то отсутствующий. Будто она здесь и в то же время не здесь, а где-то, в неведомых мирах видит что-то такое, чему-то улыбается... И он вскрикнул раненной птицей:

– Но я люблю, люблю ее, спасу нет! Я постоянно в тревоге о ней! Я сам по себе, просто, перестал существовать! Она, она повсюду! В свете солнца, в окне проезжающего мимо троллейбуса, в книге, где я, как безумный, выискиваю описание ее...

Он вскочил и все крошки, что он, бездумно, в душевной тревоге, нащипал от белого, мягкого батона посыпались на пол.

Брат изумленно глядел на метания Вани.

А поутру, Иван, в сером шерстяном костюме брата, насквозь пропахшем нафталином, в белой рубашке со строгим галстуком, стоял перед квартирой феи. В руках у него был букет ее любимых цветов, белых хризантем.

Фея открыла и, увидев такую картину, сразу все поняла. Иван тут же получил согласие, а спустя совсем небольшое время они отпраздновали свадьбу.

И Иван, сияя от счастья, ухаживал за своей невестой, одетой в немислимо-воздушное белое платье, будто прилетевшее с курчавых облаков. Что уж говорить о самой свадьбе. Конечно, она была необычной. Вместо привычных всем автомобилей с ленточками и шариками, у них была белая карета запряженная четверкой белоснежных коней. Вместо пьяных гостей и осточертевших всем одинаковых песен про свадьбу – ужин на двоих и стол, украшенный изящными подсвечниками с ярко-горящими золотыми свечами. Музыка? Но сама невеста сыграла своему жениху на домашнем рояле. И он, не сводя с нее восторженного взора и все на свете позабыв, слушал с упоением мелодичные вальсы Штрауса и хрустальные мелодии менуэтов Моцарта. Даже, если бы она сыграла реквием, и тут он бы не растерял своего счастливого состояния.

И впоследствии, Ивану все казалось, что он попал в сказку. Жена ему всегда улыбалась мягкой улыбкой. Многочисленные цветы в горшках на подоконнике кланялись и изящно протягивали ему для рукопожатия вместо рук свои листочки. Бабочки порхали у него над головой, куда бы он ни пошел и он мог бы поклясться, что стал понимать возгласы драчливых воробьев. Ближе всех ему оказались из пернатого царства вороны, и он кивал им, едва только завидев хоть одну восседающую на дереве, а ворона тут же привстав, кланялась ему в ответ. Впрочем, его это не удивляло и казалось вполне естественным, он даже удивлялся, как это раньше не замечал таких простых вещей и проходил мимо бездомного голодного животного. А теперь он всегда носил с собой корочки хлеба для птиц, сосиски для кошек и косточки для собак.

Отношения с женой? О! Они тоже изменились, если раньше, в прежней жизни он только и думал, что в семейной жизни необходимо предьявлять права, требовать чистых носков и жирного обеда, то теперь... Он узнал с удивлением, что оказывается в семье можно понимать и доверять друг другу...

Фея? О чем думала она, глядя на своего новоиспеченного мужа? Мы так и не узнаем. Но только подсмотрим, как она, прикасаясь длинными пальцами ко лбу Вани, что-то такое

да проделывает, потому что нет-нет, но из-под ее пальчиков, вдруг, вспархивают искорки белого света, похожие на мотыльков и кружатся вокруг головы ее супруга. И тогда Ваня поднимает на жену влюбленный взгляд, такой, что, как говорится, растворится и пропасть навсегда в любимом человеке остается...

Иногда, правда, бывают казусы и Ваня сцепившийся с поджидающей его бывшей пассией, оглядывается на окно своей квартиры и замечает, как бывшая подруга, теряя к нему всякий интерес, поворачивается и идет прочь, будто пьяная. А фея, загадочно усмехаясь, глядит ей вслед, помахивая каким-то предметом, весьма напоминающим волшебную палочку с сияющей звездой и искрами, фонтаном вылетающими с тихим шипением, похожим на бенгальские огни, из этой самой звезды. Супруги глядят некоторое время друг другу в глаза, кивают, заговорщицки подмигивают и расстаются, с неустанной мыслью друг о друге, как бы помогая друг другу на расстоянии, зная доподлинно, что и как подделывает другой, другая, счастливые свои знанием, искренние и открытые...

Как сходят с ума в России?

А как сходят с ума? Просто. Еще проще. Вечером, раздается звонок в дверь. Вы открываете, на пороге ваш друг (подруга). Лицо расстроенное, как всегда, вечная проблема с любовными отношениями, сошлись-разошлись, трали-вали. А с горем к вам и не просто так, а с бутылкой водки. Вы опасливо коситесь на бутылку, будто она может подпрыгнуть и укунить вас, и быстренько накрываете на стол, простенько, колбасочки, сырочка, солененьких огурчиков. А потом вспоминаете, что ваш порог в выпивке – это бокал вина, ну два бокала, но не больше, а тут бутылка водки на двоих и сразу решаете не пить, а делать вид, ведь завтра на работу. Но друг (подруга) наливает два полных стопарика, себе и вам, до краев, чокается с вами и выпивает залпом, из уважения приходится и вам выпить все, до капли. Затем после скорбных словьев о том, как не любят и как бросают, второй стакашек выпивается гораздо легче, ну, а после третьего что-то происходит странное. Мир перестает напрягать и уже не особо бесят крикливые соседи за стеной, и уже не тянет набить морду лица депутатам Госдумы, и уже даже как-то все равно какие там цены в магазинах, и уже не напрягает погода за окном. Перед вами сидит ваш друг (подруга), и за это надо выпить. Скоро, очень скоро бутылка водки заканчивается и вы, вдруг, обнаруживаете себя в супермаркете, где вы сосредоточенно пытаетесь разглядеть марку какой-то там бутылки. Наконец, покупаете вина (водки), распахав «горючее» по карманам, идете, неровно спотыкаясь на каждом шагу. Идете домой. По пути вы знакомитесь с задушевной компанией и все вместе, улыбаясь, заговорщически друг другу подмигивая, идете к вам домой. Новые знакомые тоже с выпивкой по всем карманам и вы, спустя время обнаруживаете себя в туалете, где вас немилосердно рвет. Руки и ноги у вас трясутся и вы даже плачете, так вам плохо. Где-то на дальних полках кухонного шкафа вы обнаруживаете несколько пакетиков кофе со сливками и завариваете, и пьете вместе с крепким не сладким чаем. Все вместе, потому что на часах уже шесть утра, а в девять надо быть на работе. Дома хаос, но вы не обращаете внимания. На столе вперемежку с грязной посудой валяются чьи-то часы, бумажки, под торшером на полу забыт чей-то сотовый телефон, а рядом, почему-то носки, полосатые, оранжевые. Вы долго смотрите, не помня, не зная, что же это? А в квартире никого и только тикают настенные часы, громко, размеренно и вы хотите спать, непреодолимо, это после десяти-то чашек кофе и чая! Заводите три будильника и падаете на диван прямо в чей-то пиджак, мгновенно засыпаете, как странно, как странно...

Еще как сходят с ума? Да, просто! Весной, например. Вы вооружаетесь лопатой, рассадой и семенами, влезаете в переполненную электричку и едете на дачу. Там, вы сосредоточенно и споро копаете грядки, так как понимаете, что вам надо посадить буквально все: и картошку, и моркошку, и огурцы с помидорами, и так далее, всего за два дня выходных. И вы копаете, как крот, как сошедший (ая) с ума даже при свете Луны. Луна, между прочим, тоже неплохо светит, а потом падаете в грядки и тут же засыпаете, чтобы на рассвете вскочить, опять копать, копать, копать... Вспухшие, в кровавых мозолях ладони нестерпимо болят, и вы появляетесь на работе с бинтами и лейкопластырями, удивляя сослуживцев своими «ранениями»...

Еще? Да, вот. У вашего ребенка день рождения и вы, глупо улыбаясь, дарите своему чадосу подарочек, на который копили целый год, но это не так важно. Важно, что вашему ребенку уже столько-то лет, и вы рассказываете ему или ей какие-то ситуации из его или ее младенчества. Ваше дитя вежливо улыбается, но не особо-то и слушает, тянется к подарку и к торту. А когда наступает вечер и все друзья, подруги вашего ребенка уже разошлись, вы неожиданно для себя плачете, не в состоянии поверить, что ваше собственное детство уже ушло и ушло безвозвратно. А чадо удивленно смотрит, не понимая, что за слезы? И вообще, почему взрослый (ая), а ревет, будто маленький (ая)?

Еще сходят с ума в День города. Вы вываливаетесь гулять, конечно, с семьей, с друзьями, в красивой одежде, одним словом, при параде. Но при первой же возможности покупаете себе дурацкую шляпу или дурацкие рожки. И сразу же чувствуете полную безнаказанность, и сразу же делаете то, что вам давно, очень давно хотелось сделать. Вы кривляетесь перед телекамерами, перед всеми телекамерами, какие только есть у крупных магазинов и банков. Вы показываете язык, и строите рожи и никто вас за это не наказывает. А потом, вы прямо в одежде, лезете в фонтаны и плескаетесь там вместе с другими сумасшедшими, а стражи порядка, улыбаясь, спокойно проходят мимо. Конечно, еще много чего вы творите в этот день и прыгаете, и танцуете, и кричите громко-громко, а после фейерверка, в двенадцать ночи, идете домой пешком, потому, что весь транспорт переполнен. Идете с толпой народа, в темноте и не чувствуете усталости, а только веселье и первым (ой) начинаете петь, а вся толпа подхватывает и вы поете все больше советские песни и веет на вас сладким духом вашей юности, когда все вокруг казалось надежным, а будущее представлялось определенным и чудесным...

Еще как? Да вот так. В стране выборы, неважно кого. Повсюду расклеены листовки-завывалы, по телевизору крутят соответствующую рекламу, и вы медленно раздражаетесь, медленно и верно. Сами себя успокаиваете, выбрасываете на помойку листовки, которые вам в изобилии закидывают в почтовый ящик. Но не сдерживаетесь, когда вас, неожиданно-негаданно, в центре города или еще где, окружают некие люди в одинаковых куртках, одинаково-оживленные, будто роботы, заучившие радостно-округлые тексты в поддержку выборов, ну неважно кого... Здесь, вы отчаянно, будто сирена кричите и посылаете на... всех этих одинаковых, которые быстренько рассыпаются, образуя вокруг вас пустое пространство, и вы бодро бежите дальше, куда вам надо, чувствуя легкость на душе. Но, если, не дай-то ангелы, в этот же день вам опять подворачиваются агитаторы, вы, забыв обо всем на свете, в абсолютной ярости, бьете их прямо в одинаковые лица и прыгаете, и бьете, и брызгаете слюной, пока усиленный наряд милиции не забирает вас в отделение, где вы в клетке еще долго орете о неблагополучии в стране, напоминаете безразличным, ко всему привыкшим милиционерам, что жить в России становится все хуже, сколько не выбирай, и замолкаете только после того, как выведенные из себя тюремщики угрожают для вас вызвать еще и скорую психушку...

Еще? На Новый год, конечно! Самый любимый праздник в России. Настолько любимый, что вы наряжаете искусственную елку еще первого ноября, а затем подкупаете по игрушечке и радуетесь, будто малый ребяченочек. К Новому году ваше жилище уже становится ярким-ярким, звездным-звездным, повсюду сверкают дождики и гирлянды, увита блестяшками даже люстра. Холодильник забит по самую морозилку, празднование продлится целых десять ден. В самый Новый год вы съедаете бумажку, на которой написано ваше желание и скоренько бежите на улицу взрывать ракеты, петарды и хлопушки. Повсюду гремит и сверкает, бегают чокнутые люди и ваши ракеты летят в небо вместе с другими. Все небо в огнях, фейерверк над всем городом до трех утра. А в час ночи дискотека в центре города и вы прыгаете в запоздалую маршрутку, где трезвый водитель умело отнекивается от счастливых пассажиров со стаканами шампанского, через несколько минут вы оказываетесь в вихре сумасшедших хороводов и танцев. Кажется, весь город в едином порыве примчался в центр и пьянувший дед Мороз вместе с пьяной Снегурочкой отплясывают на сцене русского... Незнакомые, но родные горожане поят вас шампанским, вином, водкой и обратно водкой, вином, шампанским... Скоро, совсем скоро вы закружившись в хороводе падаете кому-то на руки и вас увлекают за собой в совершенно чужой дом, где вас и кормят, и поят безо всяких церемоний, и вы засыпаете на пушистом ковре, уткнувшись носом в ножку шкафа, счастливый (ая), в полной уверенности, все люди – братья, все горожане – человеки...

Еще? Пожалуйста! После долгой зимы, едва-едва, припекает солнышко, но этого оказывается достаточно. Набережная, враз, оказывается заполненной народом. И создается впечатление, что все просто жаждут увидеть, ну, когда же вскроется река? Толстые голуби ата-

куют задумчивых семечкоедов и те, щедро разбрызгивают черные семечки, попадая и в спины, и в шляпы счастливых, окрыленных надеждой весны, горожан... Проходит несколько дней, река вскрывается, плывут темные льдины, и горожане опять облепляют набережную, жадно обсуждая и предстоящий день города, и будущие прогулки на маленьких теплоходиках, и замечательные танцы под звуки духового оркестра... Парки с каруселями гудят, как улей, радостному этому гулу вторят бубенчики свадебных машин и колокольные перезвоны церквей. Благословенны русские, готовые воскреснуть от зимней спячки, благословенны русские, готовые воскреснуть к нормальной жизни, прочь от собственного безумия пьянства.

Петровна

*«Как у наших у ворот
Много старцев и сирот
Ходят, ноют, хлеба просят,
Наберут – Петровне носят,
Для коров ей продают
И в овраге водку пьют.»*

М. Горький, «Детство»

Есть в Ярославле набережная, Тверицкая набережная, нет, не та, что переполнена гуляющим людом, нет, а напротив, полупустынная, на той стороне Волги, где песок и крутой берег с березовой рощей, где кладбище кораблей и скопище домов и домишек, где возле Октябрьского моста загорает на небольшом пляже, жаждущий солнца, народ...

На улице пятая Тверицкая стоит дом. Давным-давно покрашенный, он некогда может и блистал яркими красками, но со временем облупился и сквозь многолетнюю грязь едва-едва можно разглядеть первоначальный цвет, небесно-голубой... Хозяйка дома – старуха Петровна. Часто, она бродит по ночам, подолгу застывая на перекрестках, где-то подобрала черного кота, весьма умного и он наподобие собачки следует повсюду за хозяйкой, будто преданный пес.

Все соседи, без исключения, считают Петровну ведьмой, и только ее сын убежден, что она сумасшедшая. Она совершенно не спит и все чем-то занимается, даже, если просто сидит ночью в углу кухни на скрипучей скамейке, все равно беспокойно перебирает бахрому на скатерти, тщательно пересчитывая ниточки.

Сын за нею следит. Это высокий мужик с седой головой, с тоскующими грустными глазами. Он ходит легко и быстро, преувеличенно бодрый, торопливо подбегает к своей матери и, не слушая ее протестов, изгибая спину, подхватывает ее, в принципе, сухонькое тельце на руки, утаскивает домой, прочь от позора, который она имеет свойство на них навлекать. Он сам готовит им обоим пищу, сам топит печь, сам носит воду в двух ведрах с колонки, сам стирает белье, одним словом, выполняет все домашние заботы. Огород у него, строго разграниченный, зеленеет всяческими овощными культурами. Живут они на пенсии, он уже выработал стаж на «вредном» производстве, в химическом цехе и отправился на покой еще в пятьдесят пять лет... А Петровна работала когда-то учительницей младших классов, быть может, дети ее и свели с ума. Однако, какие-то отзвуки из нормальной интеллигентной жизни в ней все еще остаются.

Она очень низкого роста, где-то сто тридцать сантиметров и, чтобы казаться повыше, носит туфли на высоком каблуке. В восемьдесят с лишком лет сморщенная бабушка на каблуках выглядит удивительно странно, но и это еще не все. У нее имеется одна особинка, так называемый признак хорошего тона. Она всегда ходит с зонтиком-тростью, даже зимой, даже в морозы... Петровна изящно опирается на свой зонтик и нисколько не смущается вопросительных взглядов прохожих. Вокруг шеи у нее пышной змеей лежит толстенный шерстяной шарф неопределенного цвета, она его носит и летом тоже. У Петровны всегда красное, опухшее от пьянства лицо и абсолютно голый череп, который она стыдливо прикрывает вязаной шапочкой.

Часто, от нечего делать Петровна ходит на пляж и тогда слышится ее визгливый поучительный голосочек, рассказывающий о пользе обучения в школе. Она пристаёт к отдыхающей молодежи. И, ежели не дай-то ангелы, они угощают ее водкой, она подобрев, плюхается на песок и, глядя слезящимися от старости глазами на буйные волны Волги мечтает вслух:

– Ах, как бы я хотела, чтобы хоть раз в году, к примеру, в день города, в фонтанах, во всех фонтанах нашего города вместо воды пускали бы портвейн и водку...

Молодежь удивленно и радостно гогочет, живо представляя, сколько народу полегло бы вокруг горячительных фонтанов.

А Петровна вздыхает и вполне искренно плачет о несбыточной своей мечте, слезы крупными каплями катятся у нее по морщинистым щекам, капают с кончика носа и она рыдает в голос:

– Никогда, никогда этого не будет!

Отдыхающие спешат ее успокоить и наливают еще один стакашек водки.

Петровна очень любит Тверицкий сосновый бор. Рано утром она ходит по запутанным тропам в синеватом тумане, наползающем влажными волнами из оврагов и овражков бора. Она смотрит, подолгу застывая на одном месте, как солнце золотыми длинными руками цепляется за верхушки сосен. Слушает звон птиц и даже подражает, весьма умело, пению разных пернатых. Петровна, словно маленькая девчонка, забирается на разлапистое дерево, подолгу сидит там, скрытая от посторонних взглядов густой листвой и разглядывает сверху утренних бегунов-спортсменов, в изобилии наполняющих бор уже после пяти утра. Не редко, маленькая белочка, приняв ее за одно из ответвлений дерева спускается и садится рядом с ней, а потом напуганная внезапным вздохом Петровны, прыгает на соседнее дерево, только хвостом пушистым помашет и все. А Петровна смотрит, улыбаясь зеленой толпе деревьев, и ни о чем не думает. В ее сознании вяло протекают только воспоминания о грибах и о грибном запахе, о землянике и чернике, и прочих лесных радостях.

Встречали ли вы Петровну? Думаю, да. Идет ли дождь на улице, Петровна не прячась под своим зонтиком-тростью, не спеша, переходит через Октябрьский мост и бредет по набережной, ловя капли дождя руками и ртом, смеясь и рассуждая о чем-то своем, вслух, сама с собою. Играет ли духовой оркестр на набережной, она тут как тут, танцует одна, в толпе не стареющих дам и галантных кавалеров и вальс, и танго, и фокстрот, все умеет. А вечером, под ярким светом фонарей, она сидит на нижней набережной и болтает ногами в воде Волги, глядя, как мимо проплывают яркие большие теплоходы, поет что-то, непременно какой-нибудь романс и гуляющие парочки подхватывают ее пение. Голос у Петровны глуховатый, но бархатистый, стройно летит до Твериц, на тот берег, где ее сын, услышав пение матери, теряет терпение и бежит через Октябрьский мост за Петровной, а она может уже и пьяна, добрые люди напоили, но все неутомонная, не спящая, не, не, не...

Черт

– Водка – зло. Но трезвость побеждает водку. Поэтому, если ты ведешь трезвый образ жизни, водки у тебя не будет, – заключил весьма пьяный мужик и, поднеся стакан с водкой к зеркалу, чокнулся со своим отражением, подмигнул ему, выпил, схватил с трюмо огурец и с хрустом разжевывая, задумался.

Из зеркала, также хрустя огурцом, на него глядел двойник и странное дело, как-то не так глядел. Опухшая морда лица и небритый подбородок с неровной щетиной, все было как у настоящего, не зеркального, но вот что-то такое во взгляде, затаенная мысль, а главное трезвый взгляд... впрочем, пьяница ничего не замечал.

Он встрепенулся, налил в стакан до краев водки и весело улыбаясь, потянулся к отражению, чокнулся, выпил, и тут же его отражение скривилось от отвращения, выплеснуло содержимое стакана себе за плечо.

Пьяница ничего не заметил. Он вообще уже потерял счет времени, не знал то ли день, то ли ночь на дворе и все только пил да пил. Батарея бутылок давно уже разбросанная по полу успела зарастить клочками серой пушистой пыли. А он из-под кровати все выуживал и выуживал бутылку за бутылкой, откупоривал и выпивал, не чувствуя ни вкуса, ни опьянения.

Он ощущал только острую потребность с кем-то поделиться разговором и делился с зеркальным отражением. Озаботившись серьезными вопросами, пьяница напряженно морщил лоб, решал что-то, бубнил, а потом вскакивал порываясь куда-то бежать, махал руками, глаза его горели, рот не успевал выкрикивать судьбоносные решения от которых зависело спасение мира, но ноги не держали уже и он падал, с грохотом опрокидывая стул на пол, не чувствуя боли от падения, отрубался и разинув рот, пуская слюни, спал без сновидений посреди груды мусора, слежавшихся пластов пыли, застарелой грязи, окурков, пивных да водочных пробок.

Вот и тут, пьяница грохнулся и отключился, как перегоревшая лампочка. В зеркале должно было произойти то же самое, но вопреки всем законам здравого смысла не произошло. Пьяница упал, а его двойник так и остался сидеть на стуле. Не скрываясь, он радостно улыбнулся, потянулся и вылез из зеркала, не без усилия, конечно.

Двойник оказался выше ростом, плечистее, увереннее в себе. Первым делом он схватил пьяницу за ноги, подтащил к самому трюмо, перевалил хрипящее и недовольно бурчащее тело в зазеркальный мир. Пьяница там с грохотом упал так и не проснувшись.

Двойник удовлетворенно потер ладони и огляделся. Загаженный пол ему не понравился. Он в гневе хлопнул, топнул, тут же из кладовки выскочил веник с совком, по дому зашпешили вытирать многодневную грязь тряпки, вылезшие из той же кладовки. С шумом в ванной наливалась вода в ведро, выскочила, пританцовывая швабра. Буквально через несколько минут комната засияла чистотой и порядком. На кухне, в мойке, правда еще булькала вода, и переворачивались под мыльной губкой покрытые слоем разноцветной плесени, тарелки. Но в целом двойника все устроило.

И тут из зеркала восстал пьяница. Он ошалело пощупал стекло и, уперев в него ладони, уставился на двойника ничего не понимающим взглядом:

– Ты кто?

Двойник немедленно обернулся, окатил пьяницу презрительным взглядом и процедил:

– Как кто? Черт я!

– Что происходит? – растерялся пьяница, словно слепой ощупывая зеркальную поверхность.

– Ну, видишь ли, мой дорогой, – начал сухим, учительским тоном черт, – ты настолько сильно пил, что, конечно же должен был бы неминуемо погибнуть от алкогольного отравления. Но я решил не сразу дать тебе такую возможность, а как бы потянуть время что ли и заодно

позабавиться. Нам, чертям, так редко удается пожить жизнью человека, а хочется, ты не представляешь как!

И черт выразительно посмотрел в глаза пьянице.

– А как же я? – недоумевал пьяница.

– Ты? – задумался черт. – А что ты такое, чтобы о тебе беспокоиться? Посидишь пока в зеркале!

И без дальнейших объяснений он подошел к шкафу, нашел там почти новый да что там, никогда не ношенный черный костюм с белой рубашкой и галстуком, переделся и вышел из квартиры.

Костюм пьяница покупал давным-давно, еще, когда задумывал жениться, да так и не женился. Забытый, задвинутый, висел костюм в дальнем углу шкафа...

Черт ушел, пьяница услышал, как щелкнул замок. Наступила тишина.

Тишина была неправдоподобная, абсолютная, будто он оглох. Пьяница отошел от трюмо, повернулся, огляделся, здесь, все было как там, в отражении. Чистая комната. Проход в темный коридор и кухню. Пьянице захотелось пить и он пошел, желая дойти до кухни, неровно ступая и спотыкаясь на каждом шагу, но дошел только до видного в зеркале коридора, дальше была пустая темнота и он, пошарив руками и зайдя туда, ощутил, внезапно, такой ужас, что выскочил, словно ошпаренный, обратно. Жажда мучила. Он вспомнил, что за комнатным цветком на полке с книжками должна была стоять банка с водой предназначенная для полива растения. Бросился и сразу нашел, правда протухшую, испарившуюся до половины банки воду, но все-таки, в два глотка осушил ее, почувствовал, как сушняк отпускает.

По своей привычке к болтологии, сухо приказал самому себе взять себя в руки. Побагровел, что-то решив и резко, не раздумывая, бросился вперед, на зеркало. Раздался звон, глухой звук и пьяница со стоном упал на пол.

Впрочем, через минуту он уже вскочил и упрямо наклонив голову смотрел тяжеленным взглядом ненавидящего всех и вся человека в комнату по ту сторону зеркала.

Тут хлопнула дверь. Черт вошел и сразу рассмеялся, глядя на огромную шишку, вздувшуюся на лбу у пьяницы. Он все понял, подошел к трюмо. Пьяница пристально его разглядывал. Это был мужчина, плотный, коренастый, с черными аккуратными усиками над верхней губой, чистыми щеками хотя у самого пьяницы щетина выросла еще больше, того и гляди превратится в бороду. Пьяница машинально потрогал себя за подбородок.

Черт был похож и одновременно не похож на пьяницу.

– Я так не выгляжу! – категорически заявил пьяница.

– Ну, конечно же, так выгляжу я! – мягко согласился черт.

– Выпусти меня! – потребовал пьяница.

– А ты опять пить будешь?

– Какое твое дело? – возмутился пьяница. – Если даже и буду!

И загибая пальцы стал перечислять:

– Мой дед пил, мой отец пил, и я пью! – и гордо выпрямился, будто сказал о чем-то замечательном и необходимом всему человечеству.

Черт не ответил, а только заложив руки за спину подошел к окну. Пьяница мог наблюдать лишь его тень на полу, окно находилось за трюмо и в зеркале не отражалось.

– Послушай, черт, – сбавил тон пьяница, – мне здесь страшно.

– Ну и что? – равнодушно процедил черт.

Пьяница напряженно думал. Он вспоминал что-то такое про душу и про сделку:

– Я тебе свою душу продам! – доверительно пообещал он.

– Она, итак, мне принадлежит, – возразил черт и вернулся к трюмо, уже заинтересованно глядя в глаза пьянчужке, как бы подначивая его к поступкам.

Пьяница чувствуя нарастающую злобу схватил стул и жажнул им по зеркальной поверхности. Зеркало со звоном посыпалось на пол. А пьяница с воплями победы полез в комнату, прочь из зазеркального мира...

Черт сразу же исчез, будто и не был, но вместо него на пороге комнаты выросли хмурые стражи порядка, скрутили пьяницу и поволокли под вопли разгневанных соседей уставших от шума и пьяных воплей посреди ночи. Соседи потрясали перед носом пьяницы кулаками и вообще желали ему всех «благ».

Пьяница молчал и только поджимал ноги, на манер малыша, который желает, чтобы родители перенесли его через лужу. Однако, под руки его волокли не родители, а доблестные охранники интересов граждан. А, когда он уже из-за решетки клетки в красках поведал стражам порядка о черте, его перевезли в психиатрическую, где специалисты дела сего поставили диагноз известный всем выпивохам мира – «Белая горячка».

Но вот, аргумент, кто же тогда прибрался в квартире, как не черт, спрашивал пьяница у любопытствующих психов в палате, кто вымыл посуду и полы? Кто? И психи покорно соглашались с его доводами, а сам пьяница считал, незыблемой истиной, что он побывал в мире зазеркалья и черта видел, факт!

Письмо

Однажды я приехала к своим друзьям в Москву, в переполненном метро, девочка лет пятнадцати выронила незапечатанный конверт, и он упал мне на колени, из-за толчеи не сразу заметила я ее потерю. А, когда заметила, было уже поздно, девочка вышла, поезд захлопнул двери и поехал. Конверт оказался абсолютно чистым, но внутри лежало письмо. Видно было, что писала его дитя, почерк неровный, как бы спотыкающийся, то тянулся несколькими словами во всю линию школьного листка, то торопился скомкано-маленькими буквами, едва-едва соединенными черточками и линиями. Некоторые буквы были и вовсе печатные, а не прописные, как положено. Грамматических ошибок я насчитала множество, но все же смысл чужого письма, которое, я, любопытствуя, прочитала, настолько потряс меня, что привожу его, здесь, без изменения:

«Здравствуйте! Зовут меня Прасковей, хорошее имячко, правда? Но я его стесняюсь и из-за этого всегда провожу время в одиночестве. Друзей у меня нет, потому как в школе обзывают Парашкою-промокашкой, кто же с такою водиться будет? Да еще внешность у меня неподходящая для дружбы: вся в конопушках, волосы рыжие, жиденькие, нос пуговкой, глазки махонькие, а рот, наоборот, большущий. Лягушка, да и только. Одно спасение у меня – моя мать. Она администраторша одного драматического театра, взяла да и достала мне контрамарку на концерт артиста эстрады в концертный зал «Россия». Назовем его Александром, неважно. В зале народу было не протолкнуться, я по контрамарке, уселась на свободный стул между рядами. В душе проклинала свое решение пойти на концерт, испытывая настоящие муки из-за своей неказистой внешности, отовсюду, изо всех углов глядели на меня глаза телекамер и я, как на эшафоте, под их прицелом, о, ужас!

Но тут успокоилась и все позабыла, когда на сцену вышел Александр. При первом же звуке его голоса меня охватила дрожь. Это был проникновенный бархатный голос. Александр среднего роста, стройный брюнет с правильными чертами лица, с неотразимой грацией движений, с поистине пленительной красотой. Он очаровал меня совершенно. Я не замечала уже ничего, ни телекамер шныряющих по всему залу, ни балетных девиц вертящихся, пожалуй, перед самым артистом. Я была зачарована Александром и совершенно не понимала, о чем он поет, будто он пел не на русском, а на неведомом мне иностранном языке. Я только внимала, бесконечно внимала его голосу, его движениям в танцах, его непринужденной речи между песнями, его шуткам, часто звучавшим со сцены. Меня удивили его слезы, которые, как-то естественно потекли у него по щекам, когда он переживал в песне некую печальную историю любви. Человек этот поразил меня в самое сердце и я, никогда еще не любившая, полюбила его мгновенно, он стал для меня моим смыслом жизни, моей мечтой... Я больше не смогла жить без него. Вся моя комната в один день оказалась оклеена его плакатами, с которых он смотрел на меня с ласковой улыбкой. Да, да, я жила, потому что у него хватало сил бороться с недоброжелателями, и я стала бороться в школе со своими обидчиками и сама уже насмеялась над недостатками их внешности, приводя недоброжелателей в замешательство. Однажды, мой любимый певец сильно заболел, его оперировали и я, в числе других, дежурила у больницы, и тоже сдала свою кровь по паспорту такой же фанатки, старше меня летами, в надежде, что может быть, моя кровь ему пригодится... Вскоре, я уже не смогла совладать с собой, перестала сторожиться матери и знакомых, а окончательно заболела Александром. Чтобы иметь возможность покупать билеты на его концерты, мать отказывала мне в контрамарках, испугавшись моей «болезни», я устроилась расклейщицей объявлений в разные агентства недвижимости и клеила после школы, указанные мне районы, ничего не соображая и не чувствуя никакой усталости, только ощущая всепоглощающую любовь к Александру.

Я хотела слушать и восхищаться им всегда. И слушала его, сдерживая дыхание, напрягая зрение, до боли в глазах, улавливая каждое его движение на сцене.

В один вечер, расклеивая объявления, чтобы опять купить билет на его концерт, я шла по улице, неподалеку от центра Москвы. Рядом со мной остановилась черная блестящая иномарка. Быстро хлопнула дверца, и мимо меня прошел Александр. Он толкнул дверь в небольшое кафе и скрылся там, в уютной полутьме обеденного зала. Страстно желая увидеть этого изумительного человека вблизи, я бросилась вслед за ним, кинув все объявления и клей в урну. К счастью для меня, это было простенькое кафе, а не модный супер-клуб с «бычарами» на входе, я прошла беспрепятственно.

Когда, при свете полупритушенных ламп, я бросила взгляд на Александра, то подумала, что ошиблась и перепутала его с кем-то другим. Лицо его было увядшее, осунувшееся; одет он был плохо, в грязные джинсы, разбитые ботинки; говорил глухим, не своим голосом. Но мало того в кафе он оказался завсегдатаем и две потасканные девицы, в профессии которых не приходилось сомневаться, обнимали его с двух сторон, тесно прижимаясь к нему, он же глотал водку и скверно ругался. Я несколько раз потрясла головой, чтобы убедиться, что передо мной именно Александр. Я больше не находила в нем ничего от того, что привыкла видеть на сцене, исчезло благородство, грусть, любовь. Взгляд его был потухший, на лице оставались следы грима, что придавало ему еще более неряшливый вид. Пораженная, я вышла из кафе и долго стояла на улице, ничего не замечая. Какое несчастье в один миг потерять веру в любовь, веру в человека»... Без комментариев...

Немытики

«Каждый человек, – есть вселенная, которая с ним родилась и с ним умирает, под каждым надгробным камнем погребена целая всемирная история»

Гейне

Два мужика катались в пыли двора. То один одолевал и садился другому на грудь, то другой опрокидывал первого и садился ему на грудь. Оба страшно устали, но не отставали от своего занятия.

По временам, они кричали, страстно доказывая каждый свою правоту. Но потом снова вцеплялись друг в друга, и все начиналось сначала.

Дети, единственные свидетели драки и не пытались их разнять, а все присаживались на корточки и заглядывали с любопытством в перемазанные кровью лица драчунов и еще нет-нет, да и свистели, вдруг, по-разбойничьи. Наконец, возня пьяниц детям надоела, и они взялись за камень. Через мгновение оба мужика уже бежали прочь, прикрывая головы израненными руками. А им вслед летел град камней, и слышалась площадная ругань.

Дети, человек, так, в десять, от мала до велика, от семи до тринадцати лет прогнав пьяниц к великой своей радости, обнаружили на земле деньги, потерянные двумя дураками. Несколько трешек и красненькую десятку. Самый старший, Гошка Щуклин по прозвищу Щука, посчитал деловито деньги, сложил, разделил, получилось на каждого по рублю девяносто копеек. Совместно решили, что каждый хочет получить на свои кровные. Получилось, немногого хотели, конфет да мороженого. Пошли в магазин, купили, честно поделили. Они говорили:

«По-братски!»

И всегда делили без обмана. Так делили хлеб и принесенные из дома яблоки. Так делили редкие сладости, например, любимые всей ватагой шоколадные батончики и мятную карамель.

Потом забирались на детскую площадку, рассаживались, кто где, ели и глядели на случайных прохожих, дольше всех провожали взглядами родителей. У каждого из ватаги были родители и у каждого родители пили горькую. Мишка Зозуля по прозвищу Зюзя, увидев своих, всегда плевался и цедил презрительно:

– Есть нечего, а они нарядные ходят!

Другие к своим были более терпимы, один только Сережка Поляков по прозвищу Цикун всегда кривился при воспоминании о родителях и твердо заявлял:

– Цо когда-нибудь их убьет!

Ему верили. Цикун был отчаянным, бил отца смертным боем, в девять лет дрался со взрослыми мужиками. Один мог одолеть и только своею яростью прогонял забулдыг куда подальше. Отец Сережки боялся и все больше валялся по канавам, предпочитая замерзнуть на улице, нежели дома быть задушенным собственным сыном. Мать у Цикуна сидела в тюрьме. Хорошо хоть бабушка была. Только из-за нее Цикун еще дышал воздухом свободы, а не томился в интернате, потому как таких родителей, какие были у него, лишали вообще-то родительских прав. Бабушку Цикун любил и всегда говорил про нее с гордостью:

– Цо она у него хорошая, цо красавица, цо только у нее все волосы повылезли от нервов да от слез, но парик ей даже идет...

Во двор вышел мужик. Крупный, высокий, широкий в плечах смотрел на ватагу угрюмо. У него была большая крупная голова с редкими волосенками. Короткая бычья шея. Красные глаза, налитые до предела водкой, навывкате. Черная щетина на толстых обрюзгших щеках. Он явно не следил за изяществом своего костюма, да и костюма-то никакого не было, а так жилетка. Остаток былой роскоши. Правда, на шее болтался линиялый грязный галстук. Брюки

с успехом заменяли старые спортивные штаны с пузырями на коленях. Мужик сжимал в руке солдатский ремень. Ватага мигом затаила дыхание.

Мужик с ненавистью и подозрением смотрел на ребят, мгновение и он без предупреждения кинулся вперед, заноса с намотанным ремнем кулак вверх, чтобы обрушить его на первого попавшегося и быть может размозжит металлической пряжкой ему череп.

Дети резво разбежались, подобрали с дороги камни и приняли бой. Мужик скоро закутился с матом и воем под градом увесистых булыжников. Ватага не поддавалась, мужик никого не мог поймать и скоро упал, обливаясь кровью. Дети его добивать не стали, а только плюнули презрительно и покинули поле битвы. Мужик остался ползать в кровищи и удушливой ненависти по детской площадке.

Девятиэтажки вокруг взирали на происходящее многочисленными окнами совершенно равнодушно, будто на дворе и не было советской власти, будто никуда и не ушли царские времена, особенно прославившиеся своей жестокостью и беспределом по отношению к детям.

Ватага, сплошняком из мальчишек, иногда принимала в свои ряды девчонок, но, как правило, боевых. Такою была Маринка Лебедева по прозвищу Млин. Она говорила всегда, не блин, а млин и поясняла, что так говорит ее бабушка, которая живет в деревне, на Дальнем Востоке, до сих пор, несмотря на пенсионный возраст, преподает в школе литературу и русский язык и она уж конечно, знает, как правильно говорить.

С Маринкой была связана история. Ватага отбила ее у перевозбужденного педофила. Мужик оказался хлипким и его вдесятером избили так, что кровавая лужа долго еще не просыхала на ступеньках лестницы, пугая толстых хозяек. Педофил напал на Маринку прямо в подъезде ее собственного дома. На крики девочки никто из взрослых даже не выглянул. Только ватага, гуляя поблизости, среагировала незамедлительно. Млин дралась с педофилом отчаянно и он, чтобы обезвредить, ударил ее головой, раз и другой о батарею. Но тут подросли ребята... Педофилы часто паслись вокруг ватаги. Предлагали свои услуги со слащавыми улыбочками, манили конфетками. Ватага всегда оказывала им сопротивление и по возможности защищала не только свои ряды, но и девчонок живущих в округе. Многие из старших мальчишек ходили с остро наточенными ножами и кидались на педофилов, норовя нанести удар в самое уязвимое место этих гадов.

Маринка Млин одевалась как пацан, стригла волосы сама, коротко обрезая их ножницами. Она настолько ловко ровняла собственную челку, что многие мальчишки просили ее и их подстричь. Пьянствующим родителям не было дела до внешнего облика детей, хоть бы они себе космы отрастили, а в школе учителя ругались, требовали коротких стрижек. Маринка стригла дома, перед зеркалом. Она была из нормальной семьи, и ее родители часто жалели немтыиков, так они называли мальчишек из ватаги. Они приглашали ребят к себе домой еще и из благодарности, зная, что они спасли их дочь от педофила. Маринка им, без утайки, всегда все рассказывала.

Немытики приходили целой командой, скромно топтались в коридоре и, стесняясь продранных до дыр носков, проходили в комнату к Маринке. Здесь, ненадолго застряв в дверях, вспоминали, что они еще дети. Потому что Маринка доставала с полок настольные игры и пока стригла одного, предварительно помыв ему голову вкусно пахнущим шампунем, другие увлеченно играли. Нередко к мальчишкам присоединялся отец Маринки и немтыики после, долго обсуждали невиданное дело. Они не могли поверить, чтобы чей-то отец мог вот так запросто играть с ними, смеяться и при этом не нажраться до посинения. Отец у Маринки и пахнул для мальчишек непривычно, от него не воняло запахом перегара и затасканной одежды. Он не рыгал, поминутно матерясь. А сидел со всеми на ковре, уплетая из общего блюда вкусные пироги с картошкой, которые пекла для компании мать Маринки. Он был в домашней спортивной одежде, в чистых носках и ни один придиричивый взгляд не мог разглядеть в его поведении чего-нибудь непристойного и противного.

Немытики всегда уходили из квартиры Маринки Млин с тоской, пряча глаза друг от друга, но каждый, зная, что все бы отдал за такого отца и за такие игрушки, и за такую мягкую постель, и за чистую одежду, и за пироги с картошкой... И родители Маринки провожая их, каждый раз вздыхали мальчишкам вслед, не зная, увидят ли их еще, не зная, проснутся ли завтра эти дети или будут убиты пьяными родителями.

У всех немытиков, у всей ватаги была мечта. Вначале о нормальных родителях... но потом, о другой стране.

Они мечтали о такой стране, где не предаются пьянству и разврату. Они говорили восхищенным шепотом, потому что не смели мечтать вслух о своих фантазиях. По сути, они говорили о том же коммунизме, о том же несбыточном мире, придуманном когда-то революционерами и растасканном на куски и ошметки алчными гоблинами, жестокой пародией на революционеров, к сожалению, во множестве живущими в России, во времена правления Брежнева.

Они говорили об утопии, которой не суждено никогда было сбыться, и которую ищут многие верующие в Бога, обзывая свои поиски раем.

А всего-то надо было бы вспомнить родителям, что они – родители, перестать пить горькую, обогреть, накормить своих детей и жить для детей, делая то, что положено делать нормальным людям, продолжать свой род, стремясь найти самих себя в счастливых, уверенных в завтрашнем дне, потомках...

1979 год

Служанка

Из таких сереньких мышек. Жиденькие волосики стянуты резинкой в хвост, бледное личико со следами усталости, глаза наполненные кротостью и вниманием. Руки, несмотря на молодость, всего-то двадцать лет, уже изборождены вздувшимися венами.

– М-да, – протянул слуга, оглядывая ее всю, с ног до головы, – хозяин тебе досаждать не станет!

Она робко взглянула, с вопросом.

Он тут же пояснил:

– Не красивая ты, – и добавил решительно, – то, что нужно!

Они проследовали за ворота. Асфальтовая дорожка вела через буйно разросшиеся заросли и терялась где-то в кустах.

– К бассейну не подходи! – предупредил слуга.

– Почему?

– Там крокодил живет!

– Как крокодил? – опешила она.

И с опаской оглянулась. Справа блеснула голубым, вода.

Ее спутник, меж тем, беззаботно помахивая тросточкой, шел впереди.

Огромные липы вперемежку с кустами акаций нависали над дорожкой, вызывая ощущение сгущающихся сумерек, хотя на часах был лишь полдень.

Служанка поспешила за своим провожатым и, стараясь не отставать, шагала быстро, озираясь так, будто из-за кустов на нее вот-вот выпрыгнет чудище лесное.

– Да ладно тебе, не трус! – ободрил ее слуга. – Хозяин у нас со странностями – это правда. Одно время в окне у него гадюка жила.

– Гадюка? – переспросила она, заикаясь.

– Гадюка! – подтвердил он. – Питалась живыми мышами, что хозяин ей в зоомагазине покупал.

– А как это, в окне?

– Ну, между двумя рамами, – пояснил он, – окна тогда еще не сменили. Рамы были старинные такие, знаешь, ватой затыкали.

– Знаю, – закивала она, подумав, что у ее родителей и сейчас такие окна в квартире, а о пластиковых они и не помышляют, слишком дорого, не по карману.

– А где же эта змея сейчас?

– Так кто ее знает, – пожал плечами слуга, – хозяин ее выпустил.

– Где выпустил? – остановилась она.

– В саду, – кратко пояснил он, тоже останавливаясь.

Она охнула и прижала крепко сжатые кулачки к губам, стараясь, изо всех сил стараясь не завизжать.

– Не стой столбом! – он бесцеремонно дернул ее за рукав. – Пошли уже, я покажу тебе твой фронт работ.

Дом, окруженный зеленой лужайкой, немного успокоил ее. Стеклянные двери распахнутые настежь, вели через зал с голубым потолком и золотистыми вензелями. Белые занавески на окнах вздымались от сквозняков, потому что в конце зала виднелись еще одни двери распахнутые настежь.

Они прошли во двор, где в гамаке лежал, покачиваясь, хозяин здешнего мирка, толстый лысый мужик в цветастых шортах весьма смахивающих на семейные трусы. Аляповатая рубашка была распахнута выставляя напоказ заплывшее жиром брюшко. Лицо ему прикрывала соломенная шляпа.

– Хозяин, – позвал слуга и еще раз позвал, чуть возвысив голос, – хозяин!

Толстяк очнулся. Сел, протирая заспанные глаза, взгляделся в новоприбывшую:

– А, встретил, наконец! – зевнул широко.

– Встретил! – подтвердил слуга.

– Ну, так, проводи в комнату, расскажи об обязанностях, – досадливо морщась, приказал хозяин.

Слуга, молча, повернулся и с достоинством удалился прочь. Служанка пошла за ним.

Комната оказалась на втором этаже. Небольшая, но с огромной кроватью, тумбочкой и зеркальным шкафом-купе.

Она огляделась, чувствуя себя неуютно.

– Вполне, а? – подмигнул ей слуга.

На стене висела памятка для служанки. Бумажка, загнанная в рамку, под стекло, вся исписанная сводом правил и требований напугала ее даже больше, нежели предупреждение о крокодиле со змеей.

Из памятки следовало, что она, служанка должна чистить и скоблить этот дом с утра до вечера, натирать в гостиной паркет мастикой. И еще она должна в чистоте содержать вещи хозяина, стирать и гладить. И еще мыть посуду после завтраков, обедов и ужинов. Ей также полагалось, используя газонокосилку косить траву вокруг дома и подстригать кусты секатором. К тому же, она должна была помогать слуге во время наезда гостей, обслуживать праздничные застолья, подавая блюда на стол, перестилать постели тем, кто оставался на ночь. В самом низу памятки значилась сумма жалованья в месяц – триста долларов.

Слуга дождался, когда она дочитает и повел рукой, торжествуя и чему-то страшно радуясь:

– А во время пьянок можно много чего и для себя стащить!

– Стащить? – переспросила она с ужасом и пролепетала. – Мне надо за вещами съездить домой!

– Ну, конечно! – кивнул он. – А завтра, с утра и приступишь!

Она кивнула, покинула комнату, дом, пробежала бегом через сад, придерживаясь середины дорожки, главным образом, опасаясь змеи.

По щекам ее текли слезы:

– Служанка, – бормотала она, – служанка!

В агентстве по найму слуг для богатых, куда она примчалась на попутках, ее поняли. Хозяина ее тут же обозвали скупердяем и сумасшедшим, оказалось, что слуги у него не задерживаются, он их ни во что не ставит, а работы наваливает столько, что куда там Золушке... Оплата труда опять-таки смехотворна, ну что такое триста долларов для нашего дорогого в полном смысле этого слова, времени?

Однако, девушка расстроилась и плакала вовсе не из-за оплаты или работы, а из-за отношения:

– Даже имени моего не спросил, – жаловалась она, комкая носовой платок, – а ведь меня Аленой зовут.

И добавила, как будто это что-то значило:

– Аленушкой!

В агентстве для нее подобрали новых хозяев, нормальных деловых, занятых бизнесменов. И оказавшись в цивилизованном мире сухих разговоров о бирже и торговых сделках, она и думать позабыла о первом неудачном опыте знакомства с работой служанки. А через полгода все произошедшее ей показалось сном, тем более, иногда ей действительно снился крокодил в бассейне и большая гадюка, распластавшаяся на полу голубой залы...

Параллельный мир

Накануне Аркашка много пил и проснулся, чувствуя себя хуже некуда. Осторожность, с которой он приподнял голову от подушки, дрожащие руки, хриплый голос, которым он позвал на помощь, все говорило за то, как ему плохо. На его зов никто не отозвался, никто не посочувствовал ему и он сам, спотыкаясь и пошатываясь, потащился на кухню, к холодильнику. Только после хороших глотков огуречного рассола, осмотрелся.

Кухня была ему не знакома. Люська, его жена, не слишком много времени уделяла чистоте. Грязная газовая плита, потому была обыкновенным делом. Гора не мытых тарелок с облаком из мелких мушек, вроде бы, никогда из раковины и не исчезала. Люстру с разбитым плафоном, он сам разбил как-то по пьяни, всегда светила голой лампочкой.

Но тут... он потряс головой, все, допился, привет! Плафон, беленький, чистенький, висел на прежнем месте, будто Аркашка и не разбивал его никогда. Газовая плита сияла невероятной белизной. А раковина-нержавейка вызвала у него приступ паники своей неподкупной свежей чистотой.

Аркашка сел, машинально ощупал стол, еще лет двадцать назад, он сам выломал небольшую щепку и любил во время бесконечных застолий с Люськой, поглаживать эту щербинку пальцами. Щербинка его успокаивала. Однажды, он нащупал в ней таракана и вознегодовал. Никто, орал он, не имеет права посягать на его щербинку в столе, даже таракан. Люська тогда сильно, до икоты, хохотала, а он, горячо ее ненавидя, никак не мог придти в себя.

Щербинку он нащупал. Вцепился пальцами, успокаиваясь. Сделал вдох-выдох. И вспомнил, тут, что последние дни его были заполнены ожиданием. Ему снились странные сны, где он оказывался на улице и никак не мог отыскать собственную квартиру. А, если и находил, всякий раз обнаруживал, что на его жилплощади живут чужие люди и стоит чужая мебель. Просыпаясь в холодном поту, он жутко переживал и много пил, чтобы залить горе.

И вот теперь... Аркашка затравленно оглядел чистую кухню. Заглянул в холодильник и обалдел. В холодильнике наряду с банкой рассола были какие-то продукты, такие, ну, одним словом, он их не знал...

Аркашка взял большую палку копченой колбасы, голову сыра, прижал к груди и ошалело потряс головой, вдыхая незнакомые запахи. Как они с Люськой жили? Как все: два-три хвоста минтая в морозилке; синяя курица, из которой Люська умудрялась сварить суп на обед и нажарить вместе с картошкой на ужин; несколько трехлитровых банок с солеными огурцами на закуску и опохмел; кусок ливерной колбасы, которую они оба использовали вместо паштета на ломоть от батона. Ну, иногда появлялись пельмени, иногда банка сметаны, бывало сливочное масло на блюдечке с голубой каемочкой. Но чаще в холодильнике лежала бутылка столичной водки и стоял бидончик жигулевского пива. Вечной была только банка дурно пахнущего растительного масла, на котором поджаривались макароны с луком, лук в данном случае должен был перебить запах масла.

В Москву за продуктами они с Люськой не ездили, не на что было. И тушенку с колбасой пробовали разве что в гостях, куда их довольно редко приглашали какие-нибудь дальние родственники, близкие все уже давно от них отвернулись, кому нужны пьяницы?... Правильно, никому!

Аркашка потянулся к холодильнику, зная, что посреди изобилия продуктов, на которые он без слез смотреть не мог, он пропустил главное. Бидончик пива был полон.

Налил себе стакан, выпил, подумал, почесал свой бок, и только приподнялся было осмотреть квартиру, как щелкнул дверной замок и кто-то вошел. Он так и замер со стаканом пива в руке. Послышался стук туфель об пол и кто-то босиком пошел на кухню. Он напрягся, вспоминая свои сны, готовый драться и победить, ежели чего...

Но тут, на кухню вошла она, и он разинул рот, позабыв о своем намерении. Никогда еще он не видывал такой красоты. Смуглая, синеглазая. Волосы туго стянуты сзади в пышный хвост, обнажая длинную шею и открытые покатые плечи. На ней было цветастое ситцевое платье, с тонкими лямками и полные груди так и выпирали, так и просились к нему в ладони.

Он жадно потянулся.

– Не лапай! – хлопнула она его по рукам. – Иди вначале в душ, побрейся, зубы почи- сти, ну!

И взглянула на него строго.

– Люська, ты что ли? – догадался Аркашка, растерянно оглядывая ее всю.

Она насмешливо расхохоталась ему в лицо и распахнула дверь в ванную.

Он, дрожа от плохо скрываемого возбуждения, последовал ее приказанию.

Под душем увидел, что за период запоя значительно похудел, куда-то подевался пив- ной живот. И скребся колючей мочалкой ожесточенно, и выглядывал озадачено из-за зана- вески на сияющую чистотой ванную. А когда, все-таки, сбрав недельную щетину, обнаружил, что и мешки под глазами с морщинами куда-то пропали. Вышел в коридор прямо так, голым и хлопнул себя по лбу, наконец-то догадался, это же он в параллельный мир попал! Поменялся местами с тем, другим, кто жил здесь раньше, и его двойник теперь принужден жить его жиз- нью!..

Аркашка потрясенно остановился, сраженный собственной догадкой. Люська переоде- валась в спальней. Он бросил взгляд на их постель и замер, восхищенный. Постельное белье жена уже убрала и постелила бархатистое синее покрывало. Он бережно разгладил маленькую складочку на покрывале, ладонью ощутил, как приятно. И бросил исподтишка взгляд по углам, где вечно копилась пыль, валялись грязные носки. Чистота! На душе у него запели птички.

Тем не менее, Люська из параллельного мира стянула с себя простенькое платьице и он растерянно уставился на ее тело. Куда-то подевался жир с ее живота и бедер. Стройный под- тянутый животик и поцеловать было бы одно удовольствие. Он замычал, не в состоянии сдер- жаться и впервые за долгие годы супружества, прошептал:

– Люсенька! – так он ее называл всего пару раз да и то только после свадьбы.

Она, улыбаясь, глянула на него своими синими глазами и достала для него из шкафа белое белье, белую рубашку, светлый костюм со стрелочками на брюках. Позабыв о сексуаль- ном влечении Аркашка увлеченно стал одеваться. Что он носил, что ему предлагала та Люська? Майки да спортивные штаны. Всегда грязные и драные носки. Испытывая обиду, Аркашка всхлипнул над светлыми чистыми носками.

А когда эта Люсенька одела белую блузку и черную облегающую юбку. Когда возвыша- ясь над ним на полголовы, прошлась по комнате на высоких каблуках. Он... да он готов был упасть перед ней на колени и целовать ее гладкие ноги, забираясь все выше и выше. Стоп, притормозил он сам себя.

Люсенька умело подвела розовой помадой губы, чуть-чуть сбрызнула за ушками духами с нежным запахом сирени. Не то, что Люська, злобно подумал он и, вспомнив яркую крас- ную помаду и резкий запах дешевых духов «Красная Москва», от которых начинали слезиться глаза, весь передернулся.

Под руку с Люсенькой они вышли из квартиры, и он с удовольствием заметил новую дверь, в то время, как там, в том мире, осталась старая, разбитая в пьяных дебошах дверь, которую можно было бы открыть одним пинком ноги.

Подъезд тоже приятно удивил. Стены голубели свежей краской, запах от нее еще дер- жался в воздухе, привычные надписи о величине ... и прочие комментарии по сексуальному поводу, вовсе отсутствовали. Не было и подписей страдающих манией величия ненормальных подростков: «Здесь был Вася» или «Ваня П. такой-то – паразит» и так далее...

Улица, яркая, умытая, вся в зелени его парализовала. Аркашка даже остановился. На него глядела и приветливо улыбалась дворничиха. Обычно, в том мире, приблизившись к ее неустанно шаркающей метле, он даже кожей, не то, что всем существом чувствовал ядовитую злобу, исходящую от дворничихи. А проходя мимо, замечал настолько испепеляющий взгляд, брошенный ею в его сторону, что обладать ее взгляд материальной силой, пожалуй, и все, тут бы ему и пришел конец, сторел бы в одну секунду. Иногда из-за дворничихи, которая своею неутомимую деятельностью начинающейся, почему-то еще до рассвета, в полной темноте, он вынужден был прокрадываться вдоль дома, под окнами, лишь бы она его не заметила. Дворничиха служила колоколом его совести, и нередко он слышал ее бранные слова обращенные исключительно к нему. Слова обычно сводились к непередаваемым междометиям, смысл, которых был таков: «Пьянь этакая, а ты подметаай!»

Дворничиха являлась грозой своего участка. Пьяниц она заставляла прибирать за собой и частенько соседи видели в окно такую картину. Неловко ступающие и спотыкающиеся пьяницы мели под скамейкой, выметая шелуху от семечек и окурки, а дворничиха, руки в бока, стояла и знай себе, зычно и требовательно покрикивала на них.

Из-за нее пьяницы забирались в подъезды домов, из-за нее они знали, где пролегают границы ее участка. Из-за нее они убегали на участки других дворников, не таких злющих, как эта. Из-за нее они были бы рады залезть в грачиные и вороньи гнезда, что черными лохматыми шапками висели на иных деревьях. Она, в полном смысле этого слова была грозой района. Крикливая, сердитая, очень сильная, мужеподобная баба неопределенного возраста с пучком черных волос под носом.

Никто и никогда не видывал на ее лице улыбки, а тут... она улыбалась Аркашке, как самому долгожданному человеку на свете. Он потряс головой и обалдело, оставив Люсеньку, подошел вплотную к дворничихе.

Впервые, она была без метлы и в узловатых ее, скрюченных пальцах вместо грязных мешков с мусором, благоухал большой букет белых цветов.

Аркашка посмотрел на цветы, на выжидающую что-то дворничиху и вдруг, вспомнил... Он вспомнил похороны и вот эту самую дворничиху в открытом гробу. Вспомнил, как он пьяный рыдал над гробом, искренне сожалея о ее смерти, вспомнил, как на последние деньги купил у торгующих тут же на кладбище торговцев цветами букет белых роз, как сунул их в последнюю секунду ей в заочевшие руки, пока гробовщики не успели заколотить крышку.

И оглянулся вокруг, впервые, что-то понимая. Мутное воспоминание о дешевой суррогатной водке, которую они распили вместе с Люськой по поводу похорон дворничихи, пришло ему на ум... Этот мир, невиданно чистый и желанный. Люсенька, красивая и трезвая. Он сам в светлом костюме. Дворничиха улыбающаяся ему и довольная жизнью. Аркашка зарыдал, оседая на чистый асфальт. Женщины хлопотливо пришли ему на помощь...

Леха-трактор

Леха, родом из глубинки России, из деревни Никольское прослыл крепким парнем. Он играючи поднимал и носил по всей деревне двух-трех девок. Они, доярки, толстозадые и толстогубые, сидели у него на руках и на плечах и визжали от восторга. В драках Леха всегда выходил победителем, запросто валил в пыль земли сразу по пять противников. Да и вообще пользовался своей силой, где надо и где не надо тоже. В распутицу, если на вязкой дороге застревал какой авто-бедолага, бежали за Лехой, он был вместо трактора и однажды даже вытянул из тягучей грязины груженую дровами камазину.

Леху в деревне уважали, он запросто мог перепить любого. Приходили фомы неверующие из других деревень и сел, хорохорились, мол, зашибись, какие мы крепкие в выпивке, но заканчивалось всегда одинаково, Леха сидел, как ни в чем не бывало, а пришлецы, так называли в Никольском всех чужаков, ну так вот, пришлецы валялись уже под столом, обеспамятев от выпитого... И часто-часто он доволакивал своих деревенских собутыльников до их домов, сдавал на руки безразличным, ко всему привыкшим уже матерям да женам, смотрел честно и прямо, не шатался, твердо ушагивал к себе домой, в свою одинокую избу. Предела в выпивке, когда упадаешь, опившись допьяна, он не знал и пить потому не особо любил, но от скучищи, особливо, зимой, когда заняться деревенскому человеку нечем, пил вместе со всеми...

Однажды, Леха всех удивил, купил путевку за границу, то ли в Италию, то ли еще куда, никто особо и не запомнил. Просто это явление – покупка путевки за границу, являлось само по себе целым событием, и уже за это надо было выпить! Пили счастливо, без зависти обсуждая предстоящее лехино путешествие и откупоривая все новые и новые бутылки. Сам виновник торжества скромно улыбался, скромно проглатывал рюмочку за рюмочкой и так с улыбочкой садился в Москве на самолет и летел, скромно-скромно. Даже стюардессы, в принципе, не поняли, пьян Леха или нет. В другой стране он увидел чистый аэровокзал. Ему запомнились вежливые смуглые таможенники, внимательно рассмотревшие его багаж, небольшую сумку с майками да шортами. В гостинице, в светлом уютном номере Леха обнаружил, что вся группа русских туристов, прилетевшая вместе с ним, не прочь выпить, отметить, так сказать... Слово за слово, Лехе не поверили и стали пить с ним на спор. Люди менялись. В какой-то момент Леха обнаружил перед собой, за столом, уставленным батареей опустошенных бутылок, иностранцев. Они очень громко ругались на тарбарском языке, пили водку, не сводя рассерженных взглядов с непотопляемого во всех смыслах Лехи. Иностранцы не долго, продержались, скоро Леха увидел их пятки в полосатых носках, пьяные иностранцы тяжело повалились посреди пьяных русских тел. День за днем проходил и Леха временами, сквозь туман пьянок, вспоминал фонтаны со статуями, наверное, все-таки, это была Италия. Леха купался в этих фонтанах и восторженно ковырялся в носу у статуй, логично предполагая, что самим статуям крайне неудобно чистить у себя в носу, вспоминалась Лехе при этом некая сказка или легенда про обращенных в статуи людей. Он плакал, обнимал все статуи подряд, громко клялся, что обязательно, как только протрезвеет, расколдует несчастных... но потом, как-то сразу Леха обнаружил себя опять в чистом огромном аэровокзале с вежливыми таможенниками и багажом не тронутых маек, да шорт. И единственное, что у Лехи осталось, как доказательство его местопребывания за границей то ли в Италии, то ли еще где, это фотографии. Отснятые чьими-то уж и неизвестно чьими, неверными руками, они запечатлели памятники архитектуры, облюбованные Лехой, пьяными русскими и не менее пьяными иностранцами. В одном, Леха не признался своим деревенским, оказалось, что даже у лехиногo крепкого организма есть предел. С удивлением он обнаружил, что ежели приходится тягаться в искусстве перепивона с достаточно большим количеством пьяниц, поневоле, как-то начнешь сдавать и теряться в пространстве,

так вот и закончилось путешествие то ли в Италию, то ли еще в какую страну Лехи-трактора и какие он из этого сделал выводы, автор не знает...

Пустотень

Деловитой походкой слизанной у президента России, Владимира Путина, Андрей Лисанов выслушав в заседании мэрии несколько жарких споров по поводу воров и дорог, направился в столовку. Лисанов подходил уже к дверям, вдыхая вкусные запахи пирогов, когда чья-то тонкая ледяная рука ухватила его за локоть и, перебирая по-паучьи тонкими пальцами, спустилась к голому запястью.

– Рита! – воскликнул Лисанов с выражением преувеличенной радости, так как ледяная рука принадлежала его бывшей возлюбленной.

– Да? – строго спросила Рита, высокая, худая дама с короткой мальчишеской прической.

Спрашивая, она смотрела на Лисанова в упор, и взгляд ее, мстительный, злобный, с мелькающими искрами черных пожеланий вызвал дрожь у Лисанова.

– Пойдем, пообедаем? – оживленно предложил ей Лисанов. – Я с утра ничего не ел!

С тем же неестественным оживлением он увлек бывшую в светлые просторы мэрской столовой.

– Вот, заседание за заседанием, я вымотался, устал! – пожаловался он каменной Рите.

Лисанов спешил, ухаживая, галантно шаркая, обежал стол, снял с подноса тарелку рассольника и тарелку пюре с котлетами. Как профессионал взмахнул белой салфеткой, определяя салфетку на колени Рите.

И побежал отдать использованные подносы разжиревшей от дармовых щей кухарке.

Возвратившись, он бросил быстрый боязливый взгляд на Риту и, убедившись, что лицо ее как будто смягчилось, уселся напротив, все, также болтая, смеясь.

– Я сегодня перевожусь в столицу, – внезапно сказала Рита.

Он запнулся и замолк. Мысли в голове его крутанулись, сделали кульбит и обрушились куда-то в звенящую пустоту.

– Что, прости? – переспросил он, медленно, по крупичкам собирая мысли в кучу.

– Уезжаю! – коротко подтвердила она.

Андрей почувствовал усталость. Непривычное молчание замкнуло ему рот. Он положил ложку и впервые за много месяцев вранья, понял, что не надо было обманывать Риту.

Она тоже смотрела на него, но уже без злобы, равнодушно смотрела.

– Почему уезжаешь? – наконец, опомнился он.

– Так надо! – опять бросила она.

И не доев свой обед, встала. И он встал.

– Прощай, Андрей! – протянула она ему руку. – Ты причинил мне много горя, я все ждала, когда же у тебя хватит духу поговорить со мной, откровенно, открыто, честно, но ты все юлил, делал вид чрезвычайно занятой.

Она сделала паузу, вздохнула:

– Как видно, у тебя мелкая душа, вернее маленькая. Ты – беззаботный мотылек и более ничего. Зачем я тебе все это говорю?

Изумилась она на саму себя. Он коснулся ее пальцев, готовый к прежнему ощущению нечто ледяного, но рука ее оказалась теплой, а пальцы знакомо мягкими, нежными. Пожав его руку, как пожимают в обыкновении чужому, едва знакомому человеку, она повернулась и быстро пошла прочь.

Лисанов приготовившийся во время ее речи к защите, со свистом вдохнул воздух, он даже дышать перестал, когда она говорила. А придя в себя, рассвирепел, принялся мысленно отвечать, сверля гневным взглядом закрывшуюся за ней дверь, беззвучно выговаривая все то, что должен был бы сказать ей вслух.

– А, Лиса! – обрадовано крикнул кто-то ему в ухо. – Сбежал с заседаловки!

Лисанов сморщился, почесал себе ухо и, взглянув, безо всякого удовольствия обнаружил, на том самом стуле, что занимала Рита, своего коллегу по мэским заседаниям, бесцеремонного, вечно довольного собой, депутата Павлинова.

Павлинов отодвинул тарелки Риты, уставляя стол своими тарелками.

А после повернулся в сторону жирной кухарки:

– Человек, эй, человек! – властно крикнул он на всю столовую, – сейчас же приברי посуду!

Возле стола моментально выросла кухарка, с елейной улыбочкой забрала тарелки Риты и в полупоклоне унесла.

– С ними поостороже надо, – кивнул на кухарку Павлинов и добавил брезгливо, – народ...

Лисанов неприязненно следил, как чавкая и посапывая, Павлинов принялся пожирать свой обед.

– А я, брат, думал, что тебя вообще нет в заседании, – проговорил Павлинов с набитым ртом.

И Павлинов принялся говорить о заседании, утвердительно качая головой, вытирая платком раскрасневшееся от горячего супа лицо.

– Понимаешь? – спросил Павлинов.

– Что? – очнулся Лисанов.

– Не подмажешь, – не поедешь! – и Павлинов потер пальцами, изображая, как берет взятки.

Лисанов встал, не утруждая себя излишними церемониями, бросил Павлинова, скорыми шагами ринулся прочь.

Выскочив за дверь, Лисанов тут же бросился бегом по коридорам, толкая служащих и чиновников, торопящихся в столовую, на обед.

Дверь ее кабинета оказалась заперта, охранник на вахте подтвердил, что Рита ушла, оставив ключи. Проследив затравленным взглядом за его рукой, Лисанов увидел заветный ключик на доске с ключами и тут же понял – все!

Он опустился прямо на пол, шея его, сдавленная галстуком, покраснела, губы посинели. Он привалился к холодной стене, вяло вспоминая ледяные руки Риты. Закрыл глаза и слушая короткий испуганный забег, проносающийся над его головой с фразами: «Скороую» и «Инфаркт!», отключился...

А через несколько дней Павлинов, пестро одетый, с толстым золотым перстнем на среднем пальце бросил горсть земли на закрытую крышку гроба, отошел, неодобрительно вытирая чистым платком испачканную руку. Мэские проделали то же самое.

Не дожидаясь, когда закопают, Павлинов прошел к своей иномарке. Несколько товарищей составили ему компанию.

Усевшись на свое сидение и вдохнув знакомый запах кожи, Павлинов сухо заметил:

– Не люблю я кладбищ, да и Лисанов был бы человек, а, то так – Лиса, все подличал, изворачивался, врал.

– У него, кажется, роман был с кем-то? – осторожно заметил один из товарищей.

– С Ритой, – Павлинов поджал губы. – Хорошая женщина, умная, красивая, а он ее в бараний рог свернул, страдать заставил. И добро бы еще женат был, а то жил в свое удовольствие холостяком, ни жены, ни детей и чего жил? Пустотень, одним словом...

Рита? Она начала новую жизнь в столице, постепенно избавляясь даже от воспоминания о бывшем возлюбленном Андрее Лисанове, не зная о том, что его уже нет в живых...

Возвращаясь...

Вокруг царила глубокая тишина. Только потрескивал мороз. Луна, сверкала на безоблачном небе, заливая землю мертвенным светом. Темные очертания оледеневших деревьев и деревянных крестов казались в сиянии зимней Луны полупрозрачными призраками, вскинувшими руки к небу и грозящими всем вокруг сильной злобой.

Впрочем, вот один из призраков шевельнулся, беззвучно отделился от обледенелого памятника и устремился к огням далекого города.

В лучах Луны ясно был виден полупрозрачный облик призрака. Печаль так и пронизывала всю его фигуру, прочно сидела в глубине его глаз невысказанной мыслью, неосуществленным желанием.

Передвигался призрак быстро, в считанные секунды преодолел большое расстояние отделившее кладбище от города, через заснеженные поля, неподвижные рощи и замерзшую речку. Холодный ночной воздух не причинял призраку никакого вреда. Хотя, по привычке, он кутался плотнее в строгий костюм и подтыкал воротник под самый подбородок. Никто не видел его, однако, он все-таки пригладил взъерошенные от быстрого передвижения волосы, провел испытующе ладонями по гладким щекам, проверяя наличие щетины. Даже заглянул в зеркало автомобиля припаркованного во дворе дома, но увидел там лишь призрачное сияние, не больше. С досадой заглянул в зеркало другого автомобиля, но по-прежнему своего отражения не обнаружил.

Ощупью призрак поднялся по ступеням лестницы и замер. На него, не мигая, круглыми глазами глядела кошка. Глаза ее так и светились в темноте.

Призрак отступил. Кошка, приняв боевую позу, угрожающе, на низких тонах, запела ему про свою ненависть к нему, более не живому человеку, но привидению. Интонация ее голоса была отнюдь не вежливой и заставила призрака отступить, он прошел сквозь закрытую дверь обратно, на улицу. А кошка еще долго не могла успокоиться и сидела на лестничной площадке, словно взбесившийся сторож, оскалив зубы, таращась в темноту и распушив хвост, готовая в любую минуту кинуться, чтобы гнать его, мертвяка, подальше от живых.

А призрак постоял, постоял, подумал, широко распахнул руки, подпрыгнул и устремился вверх по воздуху, к верхнему этажу, где встал на знакомом балконе, перевести дух.

Сквозь стекло окна, к которому прижал свой призрачный нос призрак, он различил в слабом свете светильника детскую кроватку. В кроватке сопело прикрытое белым одеяльцем необходимое ему создание – девочка с льняными волосами, бледными щечками, тонкими белыми ручками.

Призрак судорожно вздохнул, вспоминая мягкие ладошки и нежные щечки дитя, с тоскою глядя на нее, шагнул в комнату.

Достигнув, наконец, желаемого, призрак поспешно прошелся по тихой квартире. Под его ногами не скрипнула ни одна половица. Но девочка в кроватке все же шевельнулась и проснулась. На вид ей было не более трех лет. Сразу уселась, подтянула к себе мягкую игрушку, рядом с ней лежал плюшевый мишка с бантом на шее. Девочка смотрела прямо на призрака и улыбалась ему.

Он изменился в лице, светло улыбнулся, наклонился к ребенку.

Девочка тихо засмеялась, потянулась, отпуская плюшевого мишку, нежно обняла призрака за шею и прошептала ему в ухо:

– Папа, люблю!

– А я-то тебя как люблю, доченька моя! – кивнул ей призрак в ответ. – Ты моя красавица!

Девочка посмотрела ему прямо в глаза. Во взгляде ее он прочитал преданную любовь и полное непонимание ситуации. Дочь явно не знала, что он умер.

– Папа, ты светишься! – она восторженно ткнула кулачком ему в серебристую грудь.

Его фигура замерцала, словно серебристый туман. Сверху донизу пронизывали его подвижные серебристые звездочки, перемещавшиеся с места на место, очень упорядоченно и ритмично. Они, по всей вероятности, подчинялись его настроению. И, если он был счастлив, они двигались, как бы в вальсе, вихрясь и кружась. На груди у него при этом распускались целые бутоны серебристых роз. А, кроме того он сдувал с ладони серебристых бабочек и они под восторженный смех дочери, принимались летать по всей комнате.

Дочь забывшись, громко расхохоталась.

Сразу послышался испуганный вскрик, и из другой комнаты примчалась женщина. Призрак обернулся к ней, отступая от дочери. Неукротимая ненависть и желание мстить отразились на его лице. Серебристые звезды сжались в точки и принялись бешено склоняться то в одну, то в другую сторону. Точки обратились, вдруг, в маленькие стрелы и, отделившись от тела призрака, готовы были уже полететь к женщине, чтобы безжалостно впиться в ее тело. Но она ничего не замечала, а тянулась к девочке.

Он отвернулся, не хотел, чтобы дочь, не сводившая с него взгляда, увидела, как он относится к ее матери. Стрелы упали на пол, он опустил голову, скрывая злые слезы бессилия, ну не мог он навредить матери и оставить, таким образом, дочь круглой сиротой.

Между тем, мать, прижимая ребенка к груди, поспешно прошла в свою комнату, прикрыла двери, присела на край кровати. Лицо ее было искажено страхом. Она с ужасом прислушивалась и оглядывалась, беспрестанно вздрагивая.

Девочка, в виду позднего времени, опять уснула.

Но женщина не торопилась уложить дочь на постель. Руки у нее затекли, пальцы онемели, ребенок был уже тяжелее, чем, скажем, грудничок, но все равно, она держала дочь у груди, как гарантию собственной безопасности.

Призрак прошел к ним в комнату прямо сквозь стену. Огляделся, разглядывая предметы мебели. Внимание его привлекло семейное фото, где он, жизнерадостный и толстый, полный задора был сфотографирован вместе с женой и маленькой дочкой. Призрак задумчиво бросил взгляд на затравленную жену. Слабое воспоминание об отдыхе на природе, где он перепил и пьяным полез купаться в речку, шевельнулось в нем, как напоминание о смерти. Он внимательнее вгляделся в снимок, потряс головой и уже растерянно глянул на свою жену. Все это время он обвинял ее в своей смерти. Ему казалось, не будь ее и он не умер бы, а так, раз она есть, значит, она – причина его гибели. Он снова потряс головой, пытаясь утрясти все мысли хоть в какое-то подобие логики.

Машинально потянулся к рамке с фото, взял его и застыл, услышав вой. Выла жена. Она с ужасом глядела на парящую в воздухе фотку.

Крупные слезы катились у нее по щекам и капали на спящего ребенка.

– Перестань, дура! – прикрикнул он. – Ребенка разбудишь!

Она напряглась и прислушалась. До сих пор его слышала только дочь.

Он поставил рамку с фото на место, на прикроватную тумбочку.

– Ну? – спросил он ее устало. – Слышишь ты меня или нет?

Она перестала плакать и прошептала:

– Слышу! Толенька, родной мой, это ты?

– А кто еще? – огрызнулся он и хлопнул себя по лбу, ну конечно, его зовут Анатолием, а он-то все вспоминал, вспоминал и не мог вспомнить, хотя, наверное, мог бы прочитать на памятнике свое имя. Но в том-то и дело, что забыл, как читать...

Он и при жизни не страдал особым развитием ума, был неучем. Читал мало, разве что анекдоты в журналах, любил рассматривать картинки в детских журналах, написать письмо было для него сущим наказанием, писал с ошибками. А после смерти вообще что-то случилось со слухом, прямо как иностранец не мог понять быстро говорящих людей, часто не мог понять

того, о чем жена в слезах иногда кричала ему, и разбирал хорошо только лепет своей дочери, когда спрашивал у нее, о чем говорит ее мать. Дочь нарочито медленно повторяла ему ее слова, глядя на мать со страхом и сожалением:

Мать всегда орала одно:

«Уходи, оставь нас в покое!»

Толя считая, что в его смерти повинна жена и расправлялся с нею по-своему. Он изрезал все платья в шкафу и бросил тут же посреди лоскутков валяться большие ножницы. Шкаф был заперт на ключ от маленькой дочери, но не от него. После, он выкинул с балкона вниз, на землю всю ее обувь. Правда, она сбегала вместе с дочкой и собрала, даже домашние тапки не оставила валяться на асфальте. Он с трудом изобретал, как можно ей отомстить, не причиняя зла дочери. Тем более, жена стала прятать свои вещи посреди вещей маленькой дочки, и он безнадежно путался в них, не мог разобрать, отличить одни от других...

Последним его подвигом была стрижка, которую он устроил жене. Пока она спала, он подкрался и выстриг аккуратное полукружие у нее на макушке. Она нашла парик и носила теперь искусственные волосы, которые ей очень шли, лишая его ликования.

Да, она пыталась с ним бороться.

Как-то днем она привела на кладбище мужика, в черном одеянии, с серебряным крестом на груди. И Толя с недоумением разглядывал мужика и кисточку, которую монах окунал в маленькую чашку и прыскал водой на могилу, монах опрыскал водой не только могилу, но и квартиру, Толя сразу узнал это, потому что последовал за мужиком в свой дом...

Потом, она привела колдуна, колдун долго шептал по углам квартиры и Толя никак не мог понять, что он шепчет. Ему все хотелось шепнуть в ответ. Колдун описывал огромным ножом с черной ручкой замысловатые фигуры в воздухе. Этот нож с заклинаниями он воткнул с силой, по самую рукоятку в могилу и клятвенно заверил жену Толи, что призрак таскаться более не станет. Она поверила и улыбнулась сквозь слезы, а он в ту же ночь опять пришел.

Никто из друзей или подруг ей не помогал, родственники исчезли, оставив ее наедине с бедой.

Некоторые из родных, сияя коварными улыбками, правда, предложили было поменять ее хорошую двухкомнатную квартиру на их неустроенные жилища, чаще комнаты в коммуналках, но она резко отказалась. Они, наверное, надеялись, что призрак последует за ней, оставив им замечательную квартиру. Но Толя и сам не знал, последовал бы или нет?

В последнее время он все чаще забывал, что ему надо куда-то идти, все чаще обнаруживал себя самого стоящего столбом возле могилы. Все чаще с трудом вспоминал глаза и улыбку своей дочери и шел только к ней. Его гнала любовь и тоска, а дойдя до дочери, он вспоминал о жене, которую обвинял в своей гибели.

Подумав, он спросил:

– Кто виноват, что я умер? – и замер, ожидая ответ, ему было важно знать, что она скажет в свое оправдание.

– Я! – она залилась слезами. – Я не отговорила тебя, а надо было бы! Я не отняла у тебя бутылку, а надо было бы! Я пустила тебя купаться, когда ты напился!

Он остолбенел, эти ответы он никак не ожидал и насупился, обдумывая их напряженно.

Дочь сонно шевельнулась у нее на руках. Он заметил, что жене тяжело ее держать:

– Да, положи ты ее уже! – раздраженно заметил. – Не бойся, не трону я тебя.

Подумал и спросил:

– А мы любили друг друга?

– Да, – выдавила она, – любили.

И продолжила говорить, все, более увлекаясь и сверкая глазами:

– Ты был добрым и совестливым человеком, любил выпить, но выпивал только в праздники или в гостях. Вон, у иных мужики пьют, не просыхая, скандалят, всех домашних изводят,

жен и детей бьют и при этом живут до глубокой старости! А ты, ты меня пальцем не тронул! Никогда! Сколько бы мы ни ругались! Просто уходил и дверью хлопал, а потом возвращался и мирился со мной, независимо, кто был виноват в ссоре, ты просто заснуть не мог, такой был совестливый! А умер в тридцать лет, утонул и я в этом виновата!..

Он недоверчиво смотрел на нее, но постепенно недоверие сменялось на задумчивость, задумчивость на раскаяние и он проговорил, смущаясь слез в своем голосе:

– Прости меня, а? Я ведь думал, ты виновата в моей гибели, как-то, но не так, как ты говоришь. Думал, что ты меня напрямую убила, а ты, напротив, хотела меня остановить. Наверное, после смерти сходят с ума... ну, некоторые люди... ты знаешь, я ведь не был особо умным...

И он замолчал, с надеждой глядя на нее. Она положила дочь на кровать, встала и, протягивая руки, словно слепая, шагнула на звуки его голоса:

– А где ты? Где? Я слышу тебя, но обнять не могу!

Он развеселился, шагнул влево:

– Тут я!

Она метнулась к нему, но поймала только пустоту.

– Тут! – подал он голос уже из противоположного угла.

Она кинулась туда.

С кровати раздался счастливый смех. Дочь проснулась и глядела на родителей с любовью и интересом. Они оба кинулись к ней, сомкнули свои руки вокруг ее рук. Она обоих расцеловала, и жена вскрикнула, прозрела, увидела, внезапно для себя, мужа воочию.

Толя остался в квартире, что-то не тянуло его больше на одинокую могилу, во мрак и холод зимнего дня. Он остался и, хотя не мог заработать денег, но управиться с уборкой квартиры вполне управлялся.

Дочка росла, и вместе с ней рос и его ум. Они совместно читали сказки и разные истории. Совместно рисовали цветочки в больших альбомах. Совместно играли в развивающие игры.

Жена работала, а он оставался с дочкой дома. И хотя окружающие замечали странности в отношении этого семейства, но по привычке русских, для которых всегда будет актуальна поговорка: «Моя хата с краю, я ничего не знаю!» не вмешивались.

А на вопрос жены, как оно там, на том свете. Толя только плечами пожимал, не знал он того света, этот знал, а тот?.. Но может до поры до времени не знал, может, все дело было в маленькой дочери и в необходимой помощи жене, а? А потом, потом, куда-то поволокут на Суд Божий, ну, а пока суть, да дело, растет дочка, смеется и играет с призрачным папкой, словно со вполне живым человеком. И, только кошка в подъезде имела на все это свое мнение. Она выжидала, глядя круглыми глазами на входную дверь, возвращаясь каждую ночь на свой сторожевой пост на лестнице, не доверяя привидению и зная, что оно непременно вернется, а уж тогда она его встретит и низкое угрожающее мычание сопровождаемое аккомпанементом царапающих об пол когтей, являлось ярким доказательством ее намерений...

Супруги

Однажды, в сильно дождливый сентябрьский день в местечке близ Черемухи под Котласом собрались на общественной остановке мужички. День пришелся на выходной, и можно было расслабиться. Как водится, велись разговоры, обсуждалась урожайность собственных огородов и огородов соседей. Между делом, выпито было сколько-то вина и водки. Как всегда не хватило закуски и дед Леша, которого за приличный возраст, около девяносто лет, все в округе так и называли – Дед, вызвался сходить за грибами.

Немедленно, его подняли на смех и, указывая на пузыри в лужах и темное беспросветное небо насмешливо заметили, что он, как пить дать, в два счета вымокнет и что же в этом, спрашивается, будет хорошего? Но дед Леша, уклончиво мотнув головой, взял только небольшую пустую корзинку, с которой ходил, в обыкновении, в магазин за хлебом и скорым шагом удалился к близкому березовому лесу. Лес, а скорее перелесок, так сказать, прелюдия к тайге, темной стеной встающей за ним, как некая черная угроза, лес этот, светлый, с утоптанными тропинками был хорошо изучен местными жителями. Азартные грибники еще до света пробирались в березняк и обегали, едва ли не на четвереньках, каждое деревце, каждый кустик. Однако, в дождь мало кто мог совершить заветную вылазку. И дед Леша накануне еще приметивший, где появились маленькие подберезовики, рассчитывал на то, что никто, подросшие грибочки не успел пока обнаружить. Так оно и оказалось. В десять минут дед Леша набрал целую корзинку грибов и даже, как говорится, ног не замочил, лишь несколько осенних листочков прилипло к голенищам его резиновых сапог.

Мужички на остановке встретили его появление восхищенными возгласами. Высыпали все грибы из корзинки на скамейку, внимательно и недоверчиво пересмотрели, но так, сколько, ни искали и не обнаружили, ни одного червивого. Дед Леша был опытным грибником. Он собирал грибы даже зимой. Грибы росли тонюсенькие и хлипенькие на пеньках да на поваленных деревьях. Для него грибная пора длилась круглый год, а не только в конце лета да осенью, как для большинства людей.

Он просто чуял грибы, вызывая у некоторых особенно глупых людей суеверный ужас и уверенность в колдовстве, которое наверняка, по их мнению, применял дед.

Но сам дед Леша нисколько не удивлялся своей способности, а объяснял это явление – даром Лешего. Он говорил, что за особое отношение к тайге, а он сызмальства любил лес и жить без лесного хвойного духа просто не мог, Леший одарил его силой ощущать грибы, где бы они ни росли. Но мало того, он сам, безо всяких экспертиз, точно, чувствовал какой гриб ядовитый, а какой нет, и всегда твердо был уверен в своем выборе...

К мнению деда Леша прислушивались, к нему стремились не только по поводу сомнений в том или ином грибе. И правильно он прослыл за колдуна, потому как любой совет, что он давал, предварительно подумав с минутку и будто к чему-то прислушиваясь, всегда попадал в самую точку.

И странное дело, дед Леша влиял даже на местных выпивох. При нем никто никогда не спешил нажраться. Напротив, обыватели заметили, что без деда Леша, а он бывал и занят, и болен, и еще что-то... пьяницы на остановке валялись мертвенно-бесчувственными телами прямо на грязном асфальте и могли валяться так необыкновенно долго, никому не нужные, да и кому по большому счету такие-то были необходимы? Разве что ворон пугать в качестве пугала могла бы приспособить опустившегося пьянчужку более-менее решительная хозяйка.

Вот такую решительную хозяйкою, как раз и была подруга дней суровых, жена деда Леша. При встрече с ней любой выпивоха кланялся в пояс и говорил с уважением:

«Зинаида Михайловна!»

А надо сказать, деревенский народ с трудом признает отчества и величает уважительно только начальство, фельдшеров да школьных учителей. Остальных всех прочих предпочитает обзывать либо прозвищами, либо сокращенными именами, вроде Васьки да Маньки.

Зинаида Михайловна, старушка, худенькая и маленькая ростиком, особо и не напрашивалась на такое проявление уважения со стороны людей. Но как-то так пошло, тон задали пьяницы.

Они уважали ее за твердость характера и за кукиши, которые она всякий раз бесцеремонно совала им под нос, когда они поодиночке, а то и всей толпой слонялись между домами, жалобно умоляя обывателей о денежке на бутылку.

Деда своего она, впрочем, не притесняла, тем более, пил он всегда весьма умеренно, стопарик, другой, не больше. Он вообще считал, что именно в умеренности секрет его здоровья и долголетия. Всегда ровный и приветливый, он и свою супружницу умирал способностью к рассуждению. И обсуждал действия иных пьянчуг, охотников за чужим добром, особенно много безобразничающих по осени, в связи со сбором урожая на картофельных грядках, философски рассматривая их поступки и даже оправдывая их грабительские наклонности. Зинаида Михайловна под натиском его неторопливых доводов сдавалась и только изредка испускала некие фырканы, похожие на перекипяченный самовар, который остывая, все же, нет-нет, да и поплеывает вверх и в стороны едкими каплями кипятка.

Частенько, с утра пораньше, они робили вместе в огороде, окапывая бесконечные гряды с картошкой. Правда, одной картошкой не ограничивались. Перед домом у них росли всевозможные цветы и гудели деловитые мохнатые шмели да пчелы. Возле дома покачивали задумчиво зелеными головами плодовые деревья, тут были и яблони, и вишни, и черешни. За домом раскинулись кусты черной смородины, весьма любимой хозяевами. Крупные красные ягоды колючего крыжовника так и бросались в глаза любому гостю, вздумавшему заглянуть на огонек. По забору тянулись кусты садовой малины, гроздья сладких ягод привлекали детвору и они, саранчой прилипнув к забору, нередко тянулись полакомиться вкусными ягодками. Впрочем, старики им не препятствовали, а даже сами угощали сладкоежек, каждый раз вынося им большую миску крупной малины и других ягод со своего ухоженного домашнего царства-государства.

Перед забором, вдоль по улице, по старинной русской традиции супруги посадили деревья красной рябины, чтобы птицам было чем подкрепиться в холодные зимние месяцы.

Иногда, какой-нибудь пьяница, пробираясь зигзагами в свое неприятное жилище, останавливался и вытягивая шею, наподобие любопытного гусака, заглядывал с жадностью за забор. И охваченный завистью вздыхал о житье-бытье деда Леша и Зинаиды Михайловны стародавнее, русское, свойственное всем лентяям да злыдням:

«Живут же люди!»

А повздыхав, утомленный раздумьем о собственной несчастливой доле, топал себе дальше...

Мир без ангелов

Горячий ветер буйно свистел в уши людей. Свирепо шипел посреди пересохшей травы. Вздыхал кверху охваченные пожаром прошлогодние листья, обгорелые сучья деревьев, крутил мусор, оплавливая пластиковые бутылки и жадно пожирал этикетки.

Люди метались по своей деревне с подходящим к происшествию названием «Гарь», фуфайками сбивали огонь. Многие надсадно кашляли, подавившись дымом.

Веселый гуляка Степка-разгуляй, худой и длинный, пробежал рысцой на окраину деревни. Сбросил бесцеремонно детей, напуганных и перемазанных сажей, человек семь и, пригрозив им оставаться на месте, бросился обратно, за новой партией детей, которых он собирал по загоревшимся избам, отнимал у обезумевших матерей и стаскивал в безопасное место.

На окраине деревни был вырыт пруд. И постепенно все деревенские, сдавая позиции и отступая, оказались возле него.

Огонь злобно плюясь, как живой, скакал по верхушкам испуганных деревьев, окружал со всех сторон, угрожая и потрескивая.

Люди отступали в пруд. Огонь нависал над водой, заглядывал разгневанно в утопающие лица деревенских, опаливал волосы и брови. Даже дети перестали плакать и, затаив дыхание сразу подчинялись громким командам Степки-разгуляя, захватив для дыхания немного горячего воздуха и погружаясь с головой в воду, зажмуривались крепко от жуткого страха. Тем более, что вода в пруду заметно потеплела, грозя и вовсе закипеть, сварив людей заживо.

Высоченный, красивый, с опухшими от дыма, глазами, священник Димитрий завел густым басом: «Да воскреснет Бог!». Нестройным хором ему вторили мужики и подвывали, охрипшие от криков, бабы.

Огонь, пугая, насканивал вначале, а затем, как бы испугавшись слов молитвы, отступил, оставляя после себя черные обугленные деревья и тлеющие угли.

Священник вылез на горячий берег и, сложив щепотью, темные пальцы крестил уходящую стену пожара, будто это был не огонь вовсе, а скажем, стадо чертей.

Он глядел на пляшущее пламя дерзко, с вызовом, так и казалось, что он сейчас толкнет какую-нибудь проповедь.

Но бабы вылезли из пруда и, голося, облапили священника, закрывая ему рот мокрыми ладонями: «Молчи, не то черти вернутся и сожгут нас всех!»

Священник им поддался и сник.

Зато Степка-разгуляй тут же выскочил на противоположный берег, осыпая чертей крепкой руганью стал пританцовывать на черной опаленной траве и показывать огню фиги.

Огонь тут же оскорблено взметнулся кверху, к темному закопченному небу и бросился назад, лизнув Степку широким обжигающим оранжевым языком по волосам.

Степка взвыл и прыгнул в пруд, уходя с головой под воду.

А огонь, потрескивая и подскакивая, весело понесся дальше, уходя вглубь притаившегося леса.

Степка-разгуляй, правда, еще выскочил и запوماхивал пылающей палкой, размахивая ею и сея огненные искры вокруг, но бабы живо метнувшись через пруд, быстро его осадили.

И огненные черти ничего не заметив ушли губить все живое дальше, в лес, а может еще дальше, в поселок и в город.

Деревня сгорела дотла, в этом все быстро убедились. А убедившись, опять собрались на прогорелом берегу пруда. Слез уже не осталось, бабы потеряли голос, и окончательно охрипнув от воя, только немом показывали пальцами, чего хотят. Усталые дети уснули на коленях матерей.

Степка нашел у кого-то в обгорелом подполье целую корзину чудом не запекшейся сырой картошки.

Вместе со священником Димитрием дотащил до пруда. Развели костер.

Все молчали, подавленные случившимся горем.

Костер быстро прогорел и алел теперь вспыхивающими и переливающимися углями.

Степка глядел, глядел и закемарил, пока его не толкнул в бок священник. Обгоревшей веточкой они выгребли черные катышки картошки одну за другою. Разбудили деревенских. Обжигаясь, начали есть. Оголодав, дети ели картошку вместе с кожурой. Немного утолив голод, деревенские придвинулись поближе к догоравшему костру, прижались друг к другу для тепла и, уткнувшись носами в плечи и спины соседей, беспокойно заснули.

Степка несколько раз просыпался, все ему казалось, что со всех сторон подползают, готовые напасть на них, огненные черти.

Наконец, не выдержав напряжения, проснулся окончательно.

В темноте наступившей ночи, вдали, разбойничал лесной пожар, треск и хруст погибающих деревьев отчетливо был слышен.

Проснулся и священник Димитрий.

Оба они долго глядели на полыхающее зарево.

– И чего будем делать теперь, непонятно... – вздохнул отец Димитрий.

Степка тоже вздохнул:

– Погибать будем, чего же еще? Вот сейчас проснутся все, встанем и пойдем туда, где дыма побольше, глядишь и задохнемся на веки...

Священник замахал руками:

– Что ты, что ты, Степка! Утром власти приедут, оценят ущерб, помогут, наверное, как-нибудь...

Степка только сплюнул:

– Ага! Помогут! Держи карман шире! Будто на дворе Советская власть или государство появилось? Запомни, батюшка, в России сытый голодному не товарищ. Чуть только человек живет получше, чем прежде, так все, зазнается, нос кверху, а прежних товарищей по несчастью бросает. Так у всех русских заведено, про другие народы не знаю, врать не хочу. А у русских точно, именно так все и заведено.

Он помолчал, ковыряя землю обгорелым и еще сырым после купания в пруду, ботинком:

– У меня товарищ был, дружили мы с ним, водочку иногда попивали, жили, не так, не сяк, никак. У него развод и девичья фамилия и у меня та же история. Он оказался после развода в комнате коммуналки и я тоже, это уже после, я сюда, в родительский дом переехал.

У обоих зарплаты маленькие, оба бюджетники, учителя, какой с нас спрос? Одеты кое-как, без форсу, средненько. Питание в школьных столовых, суп горячий, второе, салатик, компот. А дома пустой холодильник и пустой чай с засохшими баранками. И тут, случись же, его родители померли, а перед смертью завещание составили, что так, мол, и так, все наше добро оставляем единственному сыночку. Квартиру родительскую он тут же продал за большущие деньги, она была трехкомнатной, огромной, построенной еще при Сталине. Купил себе маленькую квартирку, однокомнатную, как говорится, хрущевку. Купил хорошую мебель, одежду, дубленку с меховой шапкой. А вдобавок приобрел джип.

И, что ты думаешь? Изменился человек, как есть, изменился. Стал самоуверенным таким, глядит на всех свысока и еще поучает, дескать и тебе, Степан, надо бы подняться из грязи... да и говорит-то он так, будто в забое шахтером на свое нынешнее житье зарабатывал...

Купил себе дорогой сотовый телефон и говорит в трубку, куда как важно, сквозь зубы, а разговор начинает всегда с одной фразы: «Я слушаю!»

И тут, сдуру, пригласил я его в гости, по-старому, по-приятельски, отдохнуть в деревне, в отпуск, летом. Так он мне ответил, что, дескать, чего ради я поеду? У меня, вот, теперь квартира есть, мне куда как хорошо и паузу выдерживает, чувствуется, с напряжением выдерживает, злобно так и отрешенно. Ну, я с ним не попрощался, не сдержался да и трубку бросил.

– Обидно тебе?

– Обидно! – кивнул Степка и рассердился. – Да и черт с ним, показал он мне свое истинное лицо, так что же с этим делать теперь?

– Да вот и у тебя жизнь – не сахар! – продолжил Степка. – Жена у тебя умерла и ребенка врачи не спасли. Хорошенькое дело – люди мрут, словно мухи! И не успеешь нарадоваться рождению ребенка, как глядь, он умер от стафилококка в крови. Или жена умирает родами, а все, почему? Потому что нет государства, нет медицины, ничего нет. Даже похоронить стало невозможно дорого, люди кредиты берут в банках, чтобы только достойно проводить на тот свет родного человека. Убожество, а не страна! Никакого желания жить и гордиться Россией, больше нету! Ушел бы я отсюда, куда глаза глядят ушел и даже не оглянулся...

Они помолчали, всякий о своем горе. Люди у их ног спали плохо, вскрикивая и всплывавая во сне.

– Ничего! И на нашей улице будет праздник, – оптимистично произнес священник.

– Эх, целую бы бутылку самогона найти! – мечтательно вздохнул Степка, – вот где праздник был бы!

– Будешь пить, пропадешь ни за коврижку! – назидательно сказал батюшка.

Степка соорудил презрительную гримасу. Но священник продолжил:

– Ты вот что, – он, вдруг, тихонько засмеялся, – давай-ка лучше людей разбудим да и уведем в другой мир!

Степка обрадовался:

– Я же говорю, лучше задохнуться от дыма, чем терпеть нужду в этой чертовой стране!

Людей разбудили и в начинающемся свете серого утра, вслед за священником, тронулись в путь.

– Я иногда хожу туда, – объяснял по дороге отец Димитрий ничего не понимающим деревенским, – там никого нет, только зелень да птицы. Солнце, как наше, только так, одно заходит, а другое восходит. Целые сутки тепло и светло.

Люди шли, по привычке подчиняясь зову батюшки и также по привычке почти не слушали его проповедей.

В глубоких колеях раскисшей по весне дороги стояли лужи грязной воды. Грязь хватала за ноги, заглывала, с усилием, вытаскивая ноги, люди шли вперед, чувствуя только безразличие от постигшего их горя и холод, сковавший их сердца.

Но вот они свернули с дороги и удивились, заметив островок нетронутой зелени. Полянка покрытая душистой травой довольно дико смотрелась посреди черной, разоренной огнем земли.

– Идите все сюда! – звал их священник.

Люди безропотно ступили на полянку, столпились в тесную кучу. И тут же, стена тумана обступила их со всех сторон, так, что на маленьких ладошках детей появились капельки, схожие с капельками росы...

Прошло минуты две, не больше, туман расступился, свежий ветер обдал людей запахом дождя, умытой травы и погорельцы обнаружили себя на прежней поляне, но, вот, лес вокруг... шумел зелеными вершинами. В ясном воздухе задумчивого утра заливались в счастливом чириканье, невидимые для глаз, веселые пичужки.

Недоумевающая и оглядываясь в испуге вокруг, деревенские потянулись вслед за своим батюшкой.

А он, размахивая руками, веселый, продвигался вперед, идя по узкой, едва заметной тропинке и говорил, оглядываясь на свою паству:

– У меня, здесь, домик построен, кое-что я успел сюда перетащить и из мебели. Огород разбил.

– А звери тут есть? – испуганно цепляясь за рукав Димитрия, спросил Степка.

– Никого! Только маленькие птицы, безобидные козявки и бабочки!

Они пришли. Дом, как дом. Огород, как огород. Все оглядели.

Бабы быстро разобрались с печью. Наварили каши из припасенных священником круп. Поели и задумались над своим положением.

Было тепло и интересно. Степка, между делом, обстругал для себя посох. Старый дедок, единственный старик на всю деревню, не без успеха, вспоминал, как плетут лапти, и примерялся уже к деревьям вокруг, благо они были такими же, как и в прошлом мире.

Сам отец Димитрий искусно плел уже начатую им когда-то корзину из ивовых прутьев.

Бабы прибирались, стирали, что-то подшивали и даже затопили маленькую баньку, прикнувшуюся позади дома, возле светлого говорливого ручейка, как, вдруг, мальчишки, влезшие на самую высокую сосну, слезли оттуда и с криками восторга заявили, что вокруг виден на много-много миль один лишь лес, но немного в стороне темнеют самые, что ни на есть настоящие горы.

Степка весело пристукнул почти готовым посошком и Димитрий улыбнулся.

– Никогда гор не видал, – сказал Степка, кивая и подмигивая, весь в предвкушении великолепного похода, – а за горами, кто знает, может и море есть?

– Море есть! – уверенно подтвердил священник, – я ходил! Горы пешком преодолеть можно, не больно высоки, покрыты травой и кустарниками. А у моря песчаный берег, весь из белого песка, пересыпанный перламутровыми раковинами и некими прозрачными камушками.

На его сообщение тут же радостно среагировали дети, известные охотники до разного рода чудес природы.

– В море есть рыба, акул не видал, медуз тоже. Рыба не пуганая, жирная, похожая на наших карасей и такая же вкусная. Я ставил сети, так столько наловил, что сети едва-едва вытащил, а рыбу, почти всю отпустил, куда мне ее столько?

– Вот и еда! – обрадовался Степка.

– А недалеко отсюда, – продолжил священник, – растет большой сад из плодоносных яблонь, груш, слив, вишен, даже кокосовые пальмы есть!

– Откуда же сад? – заметила одна из женщин. – Люди посадили?

– Людей, здесь, нет! – уверенно заявил Димитрий, глаза его сверкнули упрямым огнем. – Нигде нет!

– Как же так? – не поверили ему деревенские. – Ведь где-то есть, может далеко отсюда? Димитрий покачал головой, не соглашаясь.

– Да, это же рай! – воскликнул воодушевленный новой информацией Степка и повернулся к сельчанам. – Вы только представьте себе, нет злых правителей с их дурацкими реформами, нет высасывающих всю душу денег, нет налогов на землю, на лапти, на воздух! Нет оплаты за коммунальные услуги, которые и услугами-то назвать нельзя! Нет никаких людей и, стало быть, нет лживых друзей, готовых только на словах прийти тебе на помощь, а на деле... Нет коварных родственничков, мечтающих закопать тебя живьем за дом, за квартиру. Здесь, только мы и есть!

И он оглядел с нескрываемым восхищением всю маленькую компанию деревенских пого-рельцев: девять недоверчивых и угрюмых мужиков; пятнадцать женщин всякого возраста, от шестнадцати до шестидесяти лет; одного старика, свидетеля смертей всех своих сверстников

и сверстниц, умерших не столько от старости, сколько от болезней и отсутствия медицинской помощи; двенадцать разнополых детей, от года до пятнадцати лет.

Степка-разгуляй издал восторженный вопль.

– Так, где же мы? – остановил его старик.

– Я, где-то слышал, – вмешался Димитрий, задумчиво оглядывая всех людей и задерживая взгляд на открытых лицах молоденьких девушек, – что давным-давно, несколько тысячелетий назад, более разумная цивилизация, чем та, в которой мучились мы, создала альтернативную Землю, в параллельном мире.

– Для чего? – выкрикнул кто-то из мужиков.

– По-моему, тогда была война с ангелами, – поморщился Димитрий, – мне, как священнослужителю неудобно об этом говорить, в это трудно поверить, я знаю, но, это правда, люди воевали со всеми ангелами, и с темными, и светлыми. Вот тогда-то люди создали мир без ангелов, этот мир.

И он широко повел рукой вокруг.

Деревенские недоверчиво огляделись, с претензией рассматривая даже перистые облака, неторопливо плывущие по голубому океану неба.

– И, что же стало с теми людьми? – допытывался кто-то из мужиков.

– Я слышал, их распылили, – вздохнул Димитрий, – а этот мир остался и чудом портал для перехода сюда, открылся именно в нашем лесу, вы сами видели.

– И мы можем тут остаться? – опять-таки не поверил кто-то из угрюмых деревенских мужиков.

– Ну, конечно! – Димитрий взмахнул руками, впрочем, тут же провел пальцами по растрепанной гриве волос, прихорашиваясь, улыбнулся, как бы, между делом, одной из девчушек.

– Тут даже воздух другой! А какая вкусная вода течет в ручье! Но главное, нет тяжести грехов, отсутствует тотальный контроль со стороны ангелов, никто не внушает ежесекундно о том, что ты великий грешник! Ангелов, здесь, действительно, нет, я вам, как священник говорю!

– А Бог? – охнула какая-то баба.

– А Богу, какое до нас дело? – возразил священник со знанием дела. – Мы для него всего лишь песчинки в миллиарде песчинок. Может и ангел смерти с духами болезней до нас не доберется.

– Мир без ангелов, – задумчиво протянул Степка и потянул носом воздух.

Только сейчас они все ощутили небывалую легкость, будто камень с души упал. И с удовольствием, пружиня шаг, отправились на изучение небывалого мира, созданного легендарными людьми, невиданными для нынешней техногенной цивилизации, магами и чародеями. В их походе не происходило никаких особых приключений, новый мир оказался безопасен и прост. И даже Степка, испытывая некое разочарование к отсутствию опасностей, пристукнул посохом, желая привычных для русских людей ужасов и страхов.

Однако, подавляющее большинство деревенских все же были довольны новой жизнью, с их лиц не сходили блаженные улыбки и они ошарашенные нежданном счастьем, порой, позабыв обо всем на свете, валялись себе в райском саду, вкушая тающие во рту небывалые по сладости плоды, с удовольствием наблюдая неспешную жизнь голубых небес и не помышляя о том, что, вот, завтра надо снова на ненавистную работу, снова впрягаться. Нет, не лень тут была причиной, а обыкновенное неприятие действительности. Не любовь к работе, которая, как правило, плохо оплачивается, и мало, кто из «дорогих россиян» может похвастаться тем, что он занимается любимой работой, а не каторгой для выживания, в прямом смысле этого слова.

Конечно, спасатели и пожарники добрались до обгорелой деревни и, сбрасывая друг с друга ответственность, отписались не нужными бумажками, которые они обзывали, почему-

то документами, что, так, мол, и так, в золе сгоревших домов не обнаружено ни одного трупа, кроме не успевших спастись домашних животных. Люди исчезли и, поискав их немного, для отписки, службисты уехали.

Почернелые останки деревни «Гарь» постепенно заросли диким бурьяном и репейником. Глухие места не нужными оказались для продажи всяким-яким обладателям толстых кошельков, а бедняки разве пойдут строиться на таком гиблом месте? И пошли по краю, кстати, предбайкалью, гулять легенды, одна другой, хлеще.

Говорили, что видели изредка погорельцев в соседнем с горелой деревней городке Асино, на рынке, где они, продав фрукты и рыбу, покупали что-то из одежды и потом куда-то исчезали, почти никому не сказав ни единого слова. Говорили, что погорельцы веселы и румяны, что вид имеют такой, будто отдохнули на берегах южных морей. Но всегда информация эта не подтверждалась, была расплывчата и не имела крепких оснований. И уже никто из покупателей на городском рынке не удивлялся на веселого старичка в лаптях, который продавал вместе с длинным, но не худым, мужичком по имени Степка, разные крупные яблоки, на вкус такие сладкие, что закачаешься. Никто не обращал внимания на красивенного высокого мужика, чем-то смахивающего на священника, под руку с юной девицей, который бойко торговал жирной толстой рыбой, похожей чем-то на карасей.

А ангелы? Да они просто не заметили перехода горстки людей на альтернативную Землю. На фоне многомиллионных очередей в туннель смерти, львиную долю, которых, составляют, как раз, русские, пропажа маленькой деревни прошла совершенно не замеченной...

Убивец

Это был плотный коренастый человек с копной серых от пыли волос, с темными глазами. Взгляд этих глаз пронизывал собеседника насквозь и казался порой свирепым.

За что он сидел в зоне никто не знал, известно было только, что он политический, а стало быть, невинно осужденный.

Знакомое дело, в поселке Вычегодском, что под Котласом, окруженном зонами, вообще в большом количестве оседали политические, уже отсидевшие. Люди, которым некуда было деваться. Их никто не ждал, родные от них отвернулись, имущество их было конфисковано в пользу власти, да и чего греха таить, им гораздо легче жилось посреди таких же бедолаг, как и они сами.

Убивец, из политических, оказался с дипломом учителя и его взяли в местную школу преподавателем труда. Звали его Остап, но поселяне называли либо Убивец, либо Стровский, упуская из виду первую букву фамилии О. Виной тому был сам Остап, это он так себя называл и невнимательные люди, записывая его в какие-нибудь бумаги, вроде беспартийных членов собрания, каждый месяц для чего-то собирающегося в клубе, писали именно Стровский.

Стровский любил детей, и дети отвечали ему взаимностью. Вечно за ним ходили толпы и он, демонстрируя мозолистые ладони, говорил им проникновенные речи, постоянно забываясь и переходя на малопонятный украинский язык. Много новых слов вошло в оборот речи школяров и много вошло в оборот речи взрослых с легкой руки Стровского.

– Ласун какой! – гладил он, бывало по голове лакомку, перемазавшего щеки и рот в шоколадных конфетках.

И детвора, без слов, понимала, что ласун – это сладена.

Обучая любознательных детей ловле рыбы, он указывал на спешащие по реке лодки и коротко бросал про них: «Чайки!» Так по поселку и пошло все лодки, какие бы они ни были, вплоть до катеров с моторами, называть «чайками».

В магазине русскоязычные продавщицы научились понимать малопонятные фразы Стровского.

Он требовал буханец, и ему подавали буханку черного хлеба. Цибулю и получал лук. Горилку и тут же ставили на прилавок бутылку столичной водки. Говорил, пундики для хлопцев. И тут же свешивали, каких он указывал сладостей для детворы.

В поселке влияние Стровского оказалось настолько громадным, что русские поселяне перешли на украинский, даже не заметив этого.

Вино перестали называть вином, а говорили – сивуха. Про настойки на клюкве, рябине и прочих ягодах упоминали не иначе, как о варенухе.

И уже повсюду слышалось: не что, а це? Не за что, а за що?

Бывало, какой-нибудь русский размахай, получив в пьяной драке в ухо, орал, умываясь слезами:

– Мене побито!

Вместо русского:

– Меня побили!

Сколько раз поселяне из русских мгновенно превращались в украинцев, не специально, а так просто, по привычке... и, упирая руки в бока, одобрительно прищелкивая языками, говорили про что-нибудь особенно понравившееся им:

– От добре!

Сам Стровский сердясь на непонятливого школьника, махал в сердцах рукой:

– Вот бейбас какой!

Что означало:

«Вот балбес какой!».

Стровский умел многое. Иногда он получал специфические заказы. Его просили ни много, ни мало – убить кнура. Свое прозвище Убивец и получил в поселке именно за это занятие.

Поселяне вели его в хлев, который сами уже называли чисто по-украински – саж и, указывая на огромного борова, ворочавшегося за хлипкой дощатой перегородкой, говорили, что кнур, то есть боров уже откормлен и готов на заклание.

Убивец убивал хряка одним ударом огромного ножа, величиною чуть ли не с саблю, прямо в сердце. Убив, подставлял кухоль, то есть, кружку, под струю горячей крови и выпивал всю до дна. Это он научил вычегодских наполнять таз кровью и потом жарить кровь на противне, а после уже жареной кровью кормить малокровных людей. Бывало, особо настырные гонялись за бледными худосочными людьми по всему поселку, как правило, жертвами были бывшие политические, еще не оклемавшиеся после тюремных казематов. Попадало и детям. Дети с криками ужаса скрывались, сбегаясь на лобное место поселка, на стадион, где их ловили и кормили насильно жареной кровью.

И дети, плача, уже переев, кричали взрослым:

– Бис знаэ що!

Им грозили и ругались, так как по-русски выходило, что дети кричали:

«Черт знает что!»

Ругательства подобного рода, да и вообще какие угодно ругательства, в поселке были недопустимы.

Резали свиней всегда чуть ли не в один день, поселяне привыкли к стадному образу жизни, то есть, шагать строем и делать все вместе.

И Стровский ходил от одного сажа к другому неумолимым палачом, а освежеванные и обескровленные кнуры, подвешенные за ноги, качались на перекладинах, будто висельники. Дух опаленной кожи и жареной крови несся из двора во двор.

Когда же все успокаивалось, и наступал новый день, Стровский, окруженный детворой, объяснял, сердито поблескивая глазами, непонятливым школярам, преимущества жареной крови. И увлеченные его речами некоторые из детей, играя мускулами, кивали в сторону слабосильных, с презрением цедея сквозь зубы:

– Тендитный какой!

И это означало маломощный.

А дома эти некоторые громко стучали по столу, требуя, сей же час кухоль свежей крови и поднос жареной, имея в виду, что хотят всенепременно стать такими же сильными, как и их учитель.

Задавая тон детворе, Стровский демонстрировал огромный стусан, то есть кулак. И поднимал на вытянутых руках безо всяких усилий с десятков-другой маленьких счастливицев, визжащих от восторга, так и ходил с ними по поселку, будто некий отец, облепленный драгоценными отпрысками.

Девчонкам он часто покупал стрички, так он называл цветные ленточки в косы и сам любил заплести девочкам косички, осторожно прикасаясь к их тоненьким волосенкам своими загрубелыми пальцами. Косы он обзывал дрибушками.

Все уже в поселке говорили вместо девушек – дивчата. Вместо мальчиков – хлопцы. Вместо юношей – парубки.

И вздыхая вслед ладной девушке, веснушчатый белоголовый русский паренек говорил:

– Дивчина красна, неначе з неба!

Что означало:

«Красивая девушка, как будто с неба!»

Стровский вносил особое настроение в жизнь поселка. У него был дар, трудно поддающийся пониманию атеистов, но русский народ никогда особенно и не был верующим, так, на всякий случай, перекрестятся, а уж молиться специально, время тратить по церквам – забота стариков и старушек, страшущихся близкой смерти. Ну, еще может быть, сумасшедших...

Стровского называли знахор, то есть знахарь. Тому были причины. Мог он, просто бросив случайный взгляд, сказать о болезни, какая она и всегда оказывался прав. Знал, как лечить и какой надо сварить декохт, отвар из лекарственных трав...

Бывало также, изнывающие от зноя, усталые от бесконечных ведер воды, которые надо было черпать из колодцев для пересыхающих огородов, вычегодцы вздыхали, когда же дождь? И Стровский, тут же, бездумно отвечал:

– Тильки через два дня!

И через два дня действительно напоздали тучи с громом и ливнем.

Но особенно прославился Стровский на весь Вычегодский и соседнюю, таежную Вилядь тем, что точно указал место, где и нашли заблудившегося мальчика, отбившегося от большой компании грибников. С тайгой, как известно, шутки плохи. Мальчика искали двое суток, вертолеты упорно треща, реяли над самыми вершинами сосен и елок, пока люди не догадались спросить у Стровского. Он не подумав ни минутки, только расстелив на столе подробную карту местности, тут же и ткнул пальцем в одну точку рядом с гиблым болотом и топью, коротко сказал, что хлопек сидит на дереве, весь в бодяках, стало быть, в колючках чертополоха. Так оно и оказалось.

Стровского стали побаиваться. При встрече ему кланялись, словно колдуны, прикладывали правую руку с растопыренными пальцами к левой стороне груди, к сердцу. Стровский кивал им, но не зазнавался.

А когда кто-нибудь, подобострастно, начинал юлить перед ним, он сердито зыряя глазами, кидал:

– Мовчи, дурень!

И вытирал пот со лба широким носовым платком, который называл хусткой.

Неизвестно был ли Стровский ранее женат. Только однажды, он всерьез увлекся одной молодой женщиной. Красивая, стройная, белокурая женщина одним своим появлением на улице или в магазине, будто освещала путь, напоминая некое солнышко. Всегда ласковая и нежная она обнимала за плечи бесприютную детвору, брошенную на целый день занятыми работой, родителями. И дети к ней тянулись, в особенности, девочки.

За Стровским ходили мальчики, а за Настенькой, так ее звали люди по поселку, ходили девочки.

Настенька преподавала русский язык и литературу. Частенько она устраивала домашние чтения и читала детям рассказы северных сказителей, таких, как Павел Бажов, Степан Писахов, Борис Шергин, не вошедшие в школьную программу.

В поселке она появилась не случайно, ее муж попал в зону. И она, словно жена декабриста, приехала вслед за ним.

В грустных голубых глазах ее порою скапливались, до краев, слезы, но никогда не проливались, она не позволяла пролиться, ни одной слезинке, слезы как-то так исчезали... И это сильно беспокоило девочек. Они любили поплакать, но плакать так, чтобы, ни одна слезинка не скатилась по щеке? Невозможно! Многие старались подражать удивительному дару Настеньки, однако почти никому не удавалось затмить учительницу.

Стровский влюбился в Настеньку без памяти. Но понимая, что она замужняя женщина, любил ее на расстоянии, истаивая потихоньку. Дети, чуткие создания, сразу поняли, в чем дело.

Бывало, прибежав в кулинарию и подавая пивкопы продавщице, которую на манер своего учителя называли перекупкой, просили большого шоколадного пирожного.

Пирожное стоило двадцать пять копеек.

И сияя застенчивыми улыбками, тащили драгоценное пирожное Настеньке, утверждая ей удивленной, что это – дар Стровского. Настенька улыбалась, догадываясь, конечно же, об истинном появлении пирожного.

Тут же, она всегда делила пирожное на маленькие кусочки, аккуратно орудуя ножичком и детвора, уверенная в успехе своего предприятия, цапала маленькими ручонками кусочки вкусного подарка с тарелки, а Настенька грустно улыбаясь, смотрела в их счастливые лица и молчала.

Прошло так года два, муж Настеньки, никому не известный человек, скончался в застенках. Похоронили его в закрытом гробу за поселком, на обширном погосте, где уже бесконечными рядами лежали замученные в зонах немцы, поляки, украинцы, белорусы, прибалты, евреи, татары, казахи, киргизы и многие другие...

Люди, недобро хмурясь на закрытый гроб, шептались, что должно быть пытали и убили непокорного политзаключенного мужа учительши, и сочувственно дотрагиваясь одними пальцами до ее похолодевшей руки, ничего не говорили, а только взглядом посылали ей свою поддержку и любовь. Сочувствие, без слов, так были понятны вычегодцам, где горе и смерть, все время, рука об руку, шастали по поселку, забредая в мирные дома из-за колючей проволоки сталинских концлагерей.

После похорон, Настенька не уехала, а вопреки народному мнению, осталась в поселке.

И опять ей сочувствовали, понимая, что, как видно, она брошена родными. Втихомолку, детвора приносила ей на крыльцо букеты полевых цветов, а окружающие притаскивали целые сулеи козьего молока, этакие большущие бутылки заткнутые бумажками вместо пробок. Козье молоко считалось по поселку целебным. Им поили ослабленных зоной, бывших заключенных, его заставляли пить унывающих и им же питались старики. Иной раз, кто-то неведомый потихоньку приотворив створы окна, просовывал на подоконник тарелку горяченьких мнишек, а по-русски, сырников.

Но Настенька стала улыбаться только спустя полгода после смерти мужа, когда ловкая детвора, прицепив к валенкам самодельные коньки на ремешках, стащила ее на лед освещенного прожекторами стадиона, превратившегося на зиму в ледовый корт.

Корт, вечером захваченный танцорами на льду, потому как в обыкновении и утром, и днем использовался хоккеистами всех возрастов, гремел музыкой на весь поселок. И привлекал даже самых угрюмых поселян неудержимым потоком веселья. Основными учителями на льду были дети. Посреди них всегда кружился Стровский, увлекаемый за руки то одним потоком, то другим, он, задорно хохоча, ехал на полусогнутых ногах, от одного борта корта до другого и кричал, перекивая бодро поющий рупор:

– Так де ковзаться?

Что значило:

«Так кататься на льду?»

Ему отвечали утвердительно:

– Так де!

Одет он был как все. На голове его возвышалась меховая кроличья шапка, которую он называл капелюхой. А на широких мощных плечах таскал огромный тулуп с высоким воротником, который в сильный мороз, часто, играл роль капюшона. Тулуп Стровский называл кожихом. На ногах виднелись вечные ватные штаны и валенки с коньками.

Коньки пристегивались к валенкам кожаными ремешками, очень устойчивые, всегда на двух лезвиях, они нравились решительно всем и даже самые слабые старики вылезали на лед, улыбаясь беззубыми ртами и протягивая руки к детворе, просили прокатить их, но только остороженько, что и проделывалось с великим участием.

Народу на льду, таким образом, было видимо-невидимо. Случайно или нет, но Стровского и Настеньку подтащили друг к другу, закружили и прокатили так, что они неминуемо столкнулись. А столкнувшись, смутились и замерли, смущенно глядя друг на друга...

Еще через полгода, весной, поселяне, встречая на подвесном мосту соседей с другого поселка, а мост над рекой разделял два поселка, Вычегодский и Коряжму, гордо говорили соседним коряжмским:

– А наш-то Убивец оженился!

И коряжмские удивленно присвистывали, подражая вычегодским:

– Так оце?

И кивали с одобрением, упирая руки в бока:

– От добре!..

Этакая

Стоя перед зеркалом, Танька Хрусталева густо намазала губы черной помадой, нарисовала черным лаком ногти рук и, помахав в воздухе ладонями, чтобы лак поскорее высох, подошла к окну.

Солнечный свет широко и уверенно лился с голубого ясного неба, но по-осеннему холодная погода заставляла прохожих кутаться в теплую одежду.

Налетавший откуда-то, изредка, ветерок гонял по улице желтоватую листву и резвился шаловливым щенком, взметая, кверху кучи опавших листьев, сметенные старательным дворником.

Танька хмыкнула, глядя на игры ветерка, и направилась к шкафу одеваться.

Она не была богатейкой. Мать работала на заводе или как она сама говорила: «в заводе». Получала зарплату, но все уходило на еду, да коммунальные услуги. Одежда покупалась в секонд-хенде да и то только со скидкой в восемьдесят процентов. Обувь они с матерью искали на распродажах. Денег всегда было впритык.

Недавно Таньке стукнуло четырнадцать лет, но на такое обстоятельство, как получение паспорта, она почти не обратила внимания. В паспортном столе ей подарили в честь совершеннолетия грамоту и книжку. Грамоту она сразу же выбросила в первую попавшуюся урну, а книжку сунула в руки первому же попавшемуся на улице попрошайке, жалобно поскуливавшему прохожим о десятке на хлеб.

Дома, вбросила паспорт в шкатулку с документами и засела за арбуз, который мать вместо торта купила ей на день рождения. Торты были дороги, а арбуз дешев.

С матерью Танька дружила и понимала ее. Мать, несмотря на немаложитое, почти сорок лет, была сущим ребенком. Очень любила мультики и индийские фильмы. По ночам ей снились романтические герои и, наверное, она надеялась встретить одного из них и в жизни. Любимым писателем у нее был Александр Дюма, а любимым героем граф Монте-Кристо.

У нее было невинное лицо этакой девушки из провинции, приехавшей в столицу, вечно неуверенной и сомневающейся в себе. Она всегда оглядывалась и украдкой проверяла все ли в порядке с ее одеждой. Она не знала иногда, куда девать свои руки, намозоленные о заводские станки, они казались ей самой большими и не ухоженными. Она стеснялась и прятала от случайных взоров прохожих тыльные стороны своих ладоней, потому как красные цыпки так и не сходили с ее кожи, сколько она не старалась с кремами да растительными маслами их убрать.

Танька шмыгнула носом, вспоминая, что от матери всегда исходил запах или вернее сочетание запахов. Тут были и дезодорант с ароматом сирени, и растворимый кофе с молоком, и горький привкус йода, которым она смазывала пораненные о станки и железные заводские болванки, пальцы. От ее одежды также исходили запахи, детского мыла и стирального порошка, а еще едва уловимое ощущение духа выглаженной одежды, которую оставляет после себя горячий паровой утюг.

Сама Танька мало о чем мечтала. Про себя она говорила, что у нее переходный период. И прислушивалась к себе, часто осознавая, что окружающий мир для нее слишком нелеп и неуклюж.

В школе у учителей она прослыла за лентяйку, хотя первые шесть классов прилежно училась и мечтала поступить, хоть, на тот же юридический факультет в университет.

После шестого класса в ней что-то сломалось, она, будто впервые проснулась и огляделась, понимая, что школа – это не то... На первое сентября она впервые пришла без букета цветов. Ее стали мучить мрачные предчувствия и столь же мрачные мысли. Без радости она

пошла в седьмой класс и двойки стали слетаться к ней в дневник со всех, буквально, со всех предметов.

Танька перекрасилась. Светло-русые косы свои обычно заплетенные в ленточки она расплела.

Крашенные черные с каким-то синеватым отливом волосы выглядели теперь странно и неестественно, впрочем, как и губы, густо накрашенные черной помадой.

Она придирчиво оглядела себя в зеркале и удовлетворенно хмыкнула.

И ничего, что ее курносый нос и яркие веснушки высыпавшие на щеках носили на себе несмываемую печать детства.

Танька не обращала на это никакого внимания, а может просто не знала, считая себя уже достаточно взрослой...

Привычным жестом она надела на шею железную цепочку с черепами вместо звеньев. Оба запястья ее рук оказались закованными в кожаные браслеты с символикой черепов.

На тонких пальцах также засияло несколько колец с черепами.

Одежда и обувь на ней вся сплошь черного цвета проблескивала то тут, то там брелоками с черепами. Темный рюкзак, который она закинула на плечо загремел железными скелетиками подвешенными ко всяким замочкам и кармашкам.

Во дворе Танька долго оглядывалась, и яркое сентябрьское солнце вызолотило ее веснушки, успев добавить еще новых, наклеив их бесцеремонно и на нос, и на лоб, и на щеки.

Двор почти безлюдный, но веселый из-за большущей стайки воробьев шумливо перелетающих с подстриженных дворником кустов на усыпанный листвой асфальт заставил Таньку даже улыбнуться, самую малость, чуть-чуть, краешком губ.

Но в следующую минуту она уже заметила какое-то движение вдали двора и деловито, широким шагом, направилась туда.

Дворник, упорно мел и упорно сметал опавшую листву в мешок, несмотря на все старания ветра помешать ему в этом увлекательном занятии. Заметив Таньку, дворник смутился, выронил метлу и мешок, стащил с рук тряпичные рукавички и полез в карман.

Танька в упор разглядывала его.

У него совершенно не было бровей и это придавало его лицу отталкивающий вид, будто он при всех, тут же, разделся догола, выставляя напоказ свой безобразный обвисший живот и маленький сморщенный пенис.

Вместо приветствия Танька коротко кивнула ему, на ходу выхватила сотню из его неуверенных дрожащих пальцев и зашагала дальше.

А он, поглядев ей вслед, тяжело вздохнул и прошептал: «Смотри какая, этакая!» И вдруг, вспомнил, как она маленькой ему доверяла и беспечно скакала на одной ножке, крепко держась за его руку, чтобы не упасть...

В школу Танька не пошла, а повернула к заброшенным гаражам. Скоро наткнулась на компанию веселых молодых людей. Все они встретили ее восторженными криками. Здесь, были только свои люди, в основном, студенты. Сами себя они называли бомберами и весьма гордились своими занятиями.

А заняты они были чрезвычайно, Таньке тут же сунули в руки баллончик с краской. Она включилась в работу. На стенах гаражей появились непристойные рисунки. Бомберов, вполне устраивало, что их художество видно с дороги, где проносится всякий-який транспорт. Они бросали вызов обществу и Таньке это нравилось.

С бомберами она провела полдня. Насмеялась вволю и наелась чипсов до отвала. Ей нравились бомберы, свободные независимые люди со своей точкой зрения на все происходящее не только в политике страны, но и вообще. Наверное, такими были когда-то давно, почти сто лет назад, анархисты. Таньке хорошо было на их эмоциональной волне.

Бомберы отличались от панков, которые старались оставить на стенах авторитетных зданий свои непонятные автографы. Они отличались от граффити-райтеров, цивилизованно зарисовывающих, с разрешения администрации района, входные двери подъездов домов в цветочки-василечки.

Бомберы шли против течения, и Танька Хрусталева желала идти вместе с ними, уверенная и счастливая единением, целью и духом команды.

По пути домой к ней привязался одноклассник. Тщедушный, слабый очкарик, испускавший протяжные вздохи во все время пути.

Он рассказывал об уроках, поводил рукой, подскакивал на одном месте и в его глазах вихрем крутился целый мир лихорадочно-сумасшедших мыслей.

Одноклассника звали Эдик и само имя, и он сам Таньке отчаянно не нравились. Но то, что этот ботаник предлагал выполнить за нее домашнее задание ее вполне устраивало и подумав немного, она согласилась заглянуть к нему домой.

Все три комнаты его квартиры были одинаково меблированы – темные тяжелые шторы, люстры с хрустальными сосульками, книжные шкафы из дуба, серые паласы на полу. Все это наводило на Таньку скуку и тоску. Взгляду ее не за что было зацепиться, на чем-то остановиться. Большие добротные диваны, покрытые однотонными пледами, полированные столы с пустыми вазами, стулья, плотно придвинутые к столам, так, что становилось ясно, как давно никто на них не сиживал, а стало быть, не праздновал сколько-нибудь значительных торжественных дат. Фотопортрет в рамочке аккуратно поставленный на верх серванта, где одинокие бабушка с дедушкой улыбались робко и будто уже ни на что, не надеясь, сказали Таньке, что видно они и были зачинщиками семейных праздников, а когда их не стало, не стало ничего...

Она не сдержала зевоту при виде всех этих тоскливых комнат и поняла, что в этой квартире можно только спать или пребывать в иллюзиях. Кстати, одно из самых усовершенствованных окон в мир иллюзий стояло тут же – телевизор и смотрело на нее своим темным окном.

Танька обнаружила на столе программку и заметила подчеркнутые матерью Эдика любимые телепередачи. Усмешка легкой тенью пробежала по ее губам. Мать ботаника смотрела, в основном, телесериалы и дебилные передачи с семейными сценами и обсуждениями поступков тех или иных героев.

– Скажи мне, что ты смотришь, и я скажу, какой у тебя интеллект, – вслух пробормотала она.

Ботаник трудился над ее тетрадками на кухне. Он быстро строчил заданные примеры и задачки по алгебре и геометрии.

Таньке кухня понравилась. Здесь был свет, уют и простота. Висели на цветных крючках кухонные полотенчики и цветные прихватки. В раковине ждали мойки несколько голубоватых тарелок. На плите стоял красный чайник со свистком. А на широком подоконнике в больших горшках уверенно росли и цвели шикарные цветы с широкими мясистыми листьями.

– Чувствуется, здесь люди живут, – высказалась Танька, внутренне удивляясь, как можно было вот так резко разграничить пространство одной квартиры.

Эдик оторвался на мгновение от тетрадей, взглянул на нее испуганно, личико его еще не мужчины, но уже и не мальчика, внезапно, изменилось как-то странно. Появились легкие черточки, глубокие складочки пролегли по лбу, возле рта. Она не стерпела и легко прикоснулась к его лицу, одними пальцами, разглаживая, будто художник ткань холста, все эти ненужные в юности морщинки.

Ее прикосновения вызвали в нем бурю эмоций. Он подскочил, ринулся к ней, схватил в объятия и вдруг, прилип губами к ее губам.

Она не отклонилась, нет, просто удивилась. Целовался он, воспитанно, не разжимая губ, и это ей даже понравилось. Но от губ его и от его одежды разило табаком, понятное дело, курил

с мальчишками на крыльце школы. Наверняка не затягиваясь, да и умел ли он затягиваться? Только разве успешно имитировал действия настоящего взрослого курильщика.

Он курил, а она нет. И, когда он оторвался от нее, в восхищении сжимая ее в своих объятиях, она отвернулась, чтобы скрыть отвращение, а потом, высвободившись из его рук, бросила в рот пластинку жвачки, чтобы избавиться от едкого запаха табака.

После, укладывая в рюкзак тетради с выполненными уроками, она твердо решила отказать этому человеку. И уверенно распрощалась с ним. А Эдик затанцевал по квартире, утопая в иллюзиях о девушке своей мечты, с упоением вспоминая мягкие губы и восхитительный запах близкого девичьего тела.

Возле подъезда ее дома на скамейке сидел дворник. Бледно-фиолетовый синяк под глазом и дрожащие губы лучше всяких слов говорили о его состоянии.

При виде Таньки дворник упал на колени. И обливаясь пьяными слезами, пополз к ней. Танька остановилась, смотрела презрительно. Дворник дополз до ее ног и стал униженно ползать вокруг. С его трясущихся губ так и слетали непонятно, невнятно произнесенные слова:

– Доченька... гад буду... землю буду есть... пить брошу... прости!

И упал, ткнулся носом в листву, неугомонными шуршащими фантиками летающую и слетающую сверху. Танька, брезгливо поморщившись, переступила через него. А к пьяному дворнику уже спешила баба, растрепанная, пьяница, но такая, как говорят у нас в народе, липучая, пристающая. Подобная баба не может жить на свете белом без мужика, пускай, хоть пьяненького, но мужика. Зачем, почему, она и сама не знает.

Танька не стала дожидаться, пока растрепанная со своими никчемными словами упреков добежит до нее. Разве она, Танька, призывает своего отца пить горькую? Разве она выгнала его из семьи? Нет, он сам ушел, потянуло на «вольную жизнь». А раз ушел, все, обратно дороги нет.

Но любопытство пересилило и Танька войдя в подъезд, привстала на цыпочки, выглядывая в узкое дверное оконце. Она видела, как баба вцепилась в своего благоверного с такой силой, что, наверное, оттащить ее от него можно было бы только при помощи клещей да и то, если к клещам прицепить еще здоровенных бурлаков с канатом, которые с песней: «Эх, дубинушка ухнем!» потащили бы и тащили бы ее от него, как некую упертую баржу.

И тут Танька увидела мать. Боязливо косясь на сладкую парочку, привычно возящуюся на земле, мать проскочила в подъезд. Маленькая и хрупкая, с плоской грудью и узкими бедрами она показалась Таньке какой-то невесомой и даже нематериальной, будто призрак.

Танька боязливо сжала ее ладонь, чуть ли не впервые осознав, что кроме матери у нее никого нет. А этот пьяный дворник вовсе не отец и опора, а так... нечто...

Внутренне она дала себе обещание начать учебу и поддержать, таким образом, мать. Тем более, в голосе матери уже слышались слезы, и чувствовалось, что она едва сдерживается, чтобы не разрыдаться. Оказывается, ей на работу позвонила классная руководительница и пожаловалась на прогулы и двойки дочери, появившиеся в самом начале четверти.

Танька не стала оправдываться, а только обняла маму за плечи. И горечь от проступка дочери, проскользнув в маминых глазах тенью печали, все-таки исчезла, оставив почти неосуществимое недоумение.

Скоро они уже вместе хохотали над несуразными движениями бывшего Хрусталева-старшего передвигавшегося по двору неровными скачками и не желали ему зла. Ну, его, пускай себе живет в своей новой реальности с пьяной бабой и пьяными слезами...

Скетчи

Немного о политике

Трудно не согласиться с мнением президента России, что русские люди стали жить лучше. Особенно в этом убеждаешься, глядя на новенькие пластиковые окна, сияющие неподдельной белизной со стен старых деревянных покосившихся бараков...

Есть свои плюсы в сегодняшнем обучении школьников. Безграмотные и глупые они не предъявляют никаких претензий к объявлениям, наклеенным в маршрутках, где порою написано не водитель, а «вадитель», не оплата, а «аплат».

Раньше было крепостное право – теперь кредитное. В чем разница? Раньше выкупали свободу у помещиков, теперь у банков. Рабство возвращается!

Реклама – двигатель торговли и в это верится, потому как телевизионные ролики так и норовят доказать всем и каждому, что русские способны хоть каждый день приобретать то ноутбуки, то планшеты, то смартфоны, а уж путешествовать в другие страны вообще ничего не стоит. Однако, как не показывает статистика, практически каждый второй из числа великороссов среднего возраста даже моря никогда не видывал...

Зря возмущаются иные, сетуя на платную медицину. Самолечение тоже полезная штука! Повышает уровень знаний в неведомой доселе науке, делает человека умнее и значительнее в собственных глазах. Тем более, что и государственные поликлиники постепенно превратились в платные, где особенно прибыльно принято наживаться на болезнях стариков и детей.

И целого мира не хватит, чтобы описать изобилие продуктов в гипермаркетах города. И целого списка не хватит, чтобы описать всех микробов и болезнетворных бактерий, скопившихся под красочными упаковками с просроченными пищевыми товарами!

Ничего нет лучше, чем торчать в «пробке»! Можно подключить соседей по общественному транспорту к заучиванию слов иностранного языка или устроить конкурс, кто быстрее помножит в уме такое-то число с таким-то. Да мало ли способов поразвлекаться в «пробке», главное, чтобы в конце маршрута вас не поджидали люди в беленьких халатиках с каретой «скорой помощи» наготове!

Хороший способ для повышения интеллектуального уровня «дорогих россиян» придумали государи-императоры. С запретом продажи сигарет как-то сами собою вспомнились «козьи ножки» и табак, выращенный на огородах. С запретом продаж, а стало быть, покупки пива припоминается что-то о восемнадцатом-девятнадцатом веках, когда домашнее пиво русские умели варить, не выходя из дома...

Нет более завистливого народа, нежели русские автомобилисты. Особую зависть у них вызывает летающая метла из фильмов о «Гарри Поттере», а уж о летающих орлах, которые несут хоббитов по воздуху из «Властелина колец» и говорить нечего. «Пятый элемент» и летающее такси с прочими машинами вообще повергает русских автолюбителей в состояние полного уныния. Каждый день преодолевать ямы да ухабы на городских дорогах – удовольствие не из приятных...

Коммунизм – это когда нет денег, нет работы, нет крикливой жены и прожорливых детей-переростков, но нескончаемым потоком в дом идут и идут друзья-доброхоты с выпивкой и едой, а многочисленные подружки, несмотря на опохмельный синдром готовят, прибирают, стирают и все это для тебя!..

Неожиданное сочувствие со стороны народа получили полицаи, когда по решению едросов центральное здание управления внутренних дел г. Ярославля было перекрашено из благородного серого цвета в желтый. Ну, как-то не прижилось посреди ярославцев прозвище «Желтый дом», так и осталось «Серый»...

Тем ценнее постановки классических спектаклей прославленных драматургов, чем усиленнее и нелепее в некоторых театрах страны ставятся спектакли. Да вот, к примеру «Мертвые души» Н. В. Гоголя не буду говорить, в каком театре был поставлен этот спектакль. Но нет никаких декораций, и только некая телега мотается привязанная за канаты над сценой, а всех персонажей играет один актер. Очень хочется порою выловить режиссера такой постановки и громко, с выражением прочесть ему строки из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, где были высмеяны подобные театральные «революционеры» и когда высмеяны? Давным-давно!

Особенно сильно верится в «заботу» государственных деятелей о детях-сиротах, когда перед самыми выборами, кандидаты в депутаты, толпами ездят в детские дома и красуются там перед объективами телекамер с набором китайских мягких игрушек и растерявшимся ребенком-сиротой. А уж если детскому дому перепадет случай получить от «благодетелей» компьютер, крику и визгу со стороны оплаченных кандидатами газетенок конца и краю не будет...

Однажды ночью «медвепутам» приснился страшный сон. Они оказались без охраны, без подготовленных к похвalebным речам «случайных» граждан и гражданок, в стихийной толпе. Народ угрожающе порывивал и помахивал, повсюду виднелись крепко сжатые кулаки да дубинки. «Медвепуты» попытались было отбрехаться, бодро бросая в толпу заезженную фразу: «Реформы, дорогие россияне, в действии!» Но толпа не верила и поблескивала злыми глазенками.

И тут «медвепуты» проснулись. Имея коллективный разум, вместе, но каждый проснулся в своей кровати. А обнаружив себя в покое и тишине, под бдительным оком охраны, улыбнулись счастливо, говоря про себя: «Народ отдельно, а мы отдельно!»

Когда есть наркополиция, тогда должна быть и таблеткополиция, ведь в связи с запретом свободной продажи многих необходимых лекарств так и хочется закупить по разным частным аптечным лавочкам антибиотики и перепродавать себе из-под полы: «Ампициллин, а вот кому ампициллин!»

Объявление, написанное от руки и наклеенное на стену в московском метрополитене (станция Сухаревская):

«Отдам чертей в хорошие руки! Звонить круглосуточно!» (И телефон администрации Президента России)

Старые приметы вроде черной кошки перебежавшей дорогу давным-давно канули в прошлое, теперь в ходу новое: отремонтировали мостовую – ям и выбоин на дороге станет гораздо больше, чем было; приступили к ремонту моста – срочно ищи обходные пути, отремонтированный точно рухнет. Затеяли капитальный ремонт дома – спасайся, кто может!

Ну, вот наконец-то прошла ядерная зима, наступило без перехода на весну ядерное лето, чтобы без перехода на осень опять пришла ядерная зима. Кто в этом виноват? Конечно же, Путин! Зачем он не заключил договор с Духами природы, зачем своим сухим деловым тоном не терпящим возражений не наобещал им «золотых гор»? Он не заключил. А мы тут мучайся, считают москвичи!

У иных русских чрезвычайно развито стадное чувство. В этом убеждаешься, когда узнаешь, что целыми многоэтажками собственники квартир переходят в собственники домов. Подводя итог, хочется с иронией кивнуть и землянки, когда все эти хрущевки, брежневки посыпятся от старости и отсутствия многолетнего капитального ремонта от партии власти, «собственники» будут рыть стадно, без возражений, даже с радостью.

Одним из признаков бездарного управления Россией господами едроссами являются мегамолы. Великое множество гипермаркетов строится во всех городах и городках страны, вырастает на обочинах дорожных трасс, глядишь, и в глухой деревушке заведутся. И зачем? А затем, чтобы покупатель, зайдя в мегамол лишь за кефиром, понакупил бы там всякой дряни из-за так называемых акций, остался бы без денег и безо всякого желания, снова зайти в мегамол.

А, чтобы все-таки зашел, готовится едроссами широкомасштабная атака на рынки городов с целью изничтожить конкуренцию, где тот же покупатель покупал себе только то, что нужно. Причины атаки? Просты! Не секрет, что все эти маркеты в большинстве своем принадлежат тем же едроссам. Прикрытие? Конечно же, приуготовлено. Едроссы авторитетно заявляют, дескать, у нас не Китай, а почти что Евро..па, рынки, ах, как позорят лицо нашей страны...

Самым увлекательным отдыхом в настоящее время многие русские признают киноаттракционы «5D», где головокружительные «полеты» на драконах сменяются почти, что настоящими брызгами волн и «плевками» ядовитых цветков в лицо. После таких потрясений куда как спокойнее воспринимаются известия об очередной «реформе» «государя-императора» и уже как-то не тянет самому плюнуть в экран телевизора, откуда «многомудрый» президент России уверенно лопочет о «достижениях» партии власти.

Неправда, что только Христос ходил по воде, наши рыбаки тоже ходят! В этом убеждаешься, когда видишь, как в толстых куртках и штанах, с тяжеленными сапогами на ногах, рыбаки, как ни в чем не бывало, удят плотвичку и прочую рыбешку на тонюсеньком весеннем льду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.